Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Т. С. САИДКУЛОВ САМАРКАНД

Т. С. САИДКУЛОВ

САМАРКАНД

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

САМАРКАНД—1970

Книга должна быть возвращена не позже указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач

367059

9(С5)
С 149
Т-43

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ

Посвящается 2500-летию Самарканда

САИДКУЛОВ Т. С.

САМАРКАНД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ

(Учебное пособие для студентов)

Telegram adres:

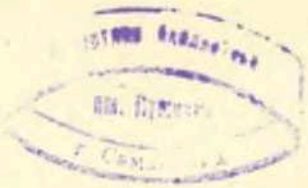
@turkiston_kutubxonasi

САМАРКАНД—1970

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Х.Т. ТУРСУНСВ.



36759

КРАЗВЕДЕНИЕ

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

ВВЕДЕНИЕ

Советский народ, вдохновленный историческими решениями XXII съезда КПСС, под мудрым руководством Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета успешно претворяет в жизнь величайшую Программу строительства коммунизма. В исторических решениях XX—XXIII съездов КПСС особое внимание уделяется вопросам дальнейшего развития и укрепления дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза. В великой семье народов СССР растет и процветает форпост коммунизма на Востоке—Советский Узбекистан. Народы Узбекистана достигли такого величайшего успеха благодаря тому, что крепкие узы братства соединили их с великим русским народом, народом богатырем. Под руководством славной Ленинской партии они в результате Октябрьской социалистической революции обрели счастье свободной жизни и творческого созидания.

Убедительные исследования советских историков еще раз подтвердили известное высказывание Ф. Энгельса в 1851 году о том, что „Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку...“[1] Поэтому в настоящее время, перед советскими исследователями стоит первейшая проблема перейти „... от показа исторической прогрессивности этого акта к более детальному изучению его проявлений, к освещению тех глубинных процессов, которые происходили в экономике, политическом развитии и духовной жизни народов Средней Азии“[2].

Такое всестороннее, глубокое и детальное изучение уже давно на повестку дня поставила сама жизнь.

Основной целью настоящей работы является попытка на примере изучения истории города Самарканда и среднего течения Зеравшанской долины, со второй половины XIX до начала XX веков, исследовать конкретные проблемы прог-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 241.

[2] Ш. Рашидов. Навеки с русским народом. (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России). Коммунист, № 10, М., 1959.

рессивного последствия присоединения этих районов к России, показать результаты исторически сложившейся основы возникновения и развития новых общественных отношений, воплотивших в себе лучшие традиции дружбы великого русского народа с узбекским народом, а также с его неотъемлемой частью—трудящимися Самаркандской области[3].

История города Самарканда и области в XIX и в начале XX веков крайне недостаточно изучена и освещена в исторической литературе. В своих работах дореволюционные, местные русские буржуазные и военные исследователи и путешественники, как Г. А. Арандаренко, М. Вирский, А. Д. Гребенкин, С. В. Жуковский, Л. Ф. Костенко, А. Леман, В. Масальский, В. В. Радлов, Л. Н. Соболев, М. А. Терентьев, А. П. Хорошхин, Н. Ханыков подробно останавливались на военных походах, приводили отрывочные сведения историко-экономического, географического и этнографического характера, давали поверхностные сведения и факты, описывали отдельные эпизоды истории Самарканда и Зеравшанской долины. Однако они, как представители буржуазно-дворянской историографии, отражающие интересы и позиции различных групп правящих кругов России, были далеки от объективного изучения истории народных масс. Их труды ценны тем, что в них есть некоторые фактические материалы по истории Самарканда и области.

[3] Монография построена по принципу синхронного изложения истории города Самарканда и различных районов среднего течения Зеравшанской долины, входящей в состав Самаркандской области по административно-территориальному делению до 1917 года. В состав Самаркандского бекства до его присоединения к России (1868 г) входили территория города Самарканда, значительная часть долины Миянкаль, пригородные населенные пункты: Матрид, Баги-балянд, Мулиян, Ходжа-Ахрар, Баги Майдан и другие. Кроме того, в его состав также входил Пенджикентский район с его нагорными участками (ныне эти районы входят в состав Таджикской ССР). В среднем течении Зеравшанской долины также располагалось Катта-Курганское бекство. В него входили крупные населенные пункты: Челек, Янги—Курган, Ланш, Пейшембе, Митан, Иштыхан и др.

После 1868 года из административно—территориальной единицы Самаркандского бекства был образован Самаркандский отдел с центром город Самарканд, а из Катта-Курганского бекства был создан Катта-Курганский отдел с центром город Катта-Курган. В том же году из Самаркандского и Катта-Курганского отделов был образован особый Зеравшанский округ. В 1887 г. Зеравшанский округ был преобразован в Самаркандскую область. В его состав из Сыр-Дарьинской области были переданы Джизакский и Ходжентский уезды.

Город Самарканд не выделялся, как отдельная административно территориальная единица, а рассматривался как центр Зеравшанского округа, так и Самаркандской области и непосредственно управлялся генерал-губернатором и начальником Самаркандского отдела, а затем уезда Это административно-территориальное деление сохранилось вплоть до 1917 года.

Из материалов русских ученых и краеведов нами использованы труды В. В. Бартольда, В. В. Верещагина, В. Л. Вяткина, Н. Каразина, А. Л. Куна, И. В. Мушкетова, Т. Д. Романовского, А. А. Семенова, А. П. Федченко и других.

При написании монографии были использованы отдельные интересные и ценные сведения из рукописей и опубликованных работ местных авторов: Ахмада Дониша[4], Мирзы Абдал Азим—и Сами[5], Мирза Салим[6], Мирза Шамси Бухари[7], Садриддина Айни[8], Хамида Бакаева[9].

Большим событием в исторической науке и жизни среднеазиатских народов явилась объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России (Ташкент, 1959 год). Материалы этой сессии несомненно сыграли и играют большое практическое значение для разрешения многих спорных вопросов и проблем, относящихся к истории Средней Азии во второй половине XIX—начале XX веков. За последние 15 лет изданы „История народов Узбекистана“ и „История Узбекской ССР“, „Узбекистон ССР тарихи“, „Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане“, появились монографии советских ученых А. М. Аминова, Б. Г. Гафурова, Б. Д. Джамгерчинова, Х. З. Зияева, П. П. Иванова, Б. В. Лунина, И. М. Муминова, Р. Н. Набиева, А. В. Пясковского, З. Ш. Раджабова, М. К. Рожковой, А. С. Садыкова, О. А. Сухаревой, Х. Т. Турсунова, Н. А. Тихомирова, Н. А. Халфина и другие.

Вопросам завоевания Бухарского ханства царской Россией, русско-бухарских взаимоотношений в 1866—1917 годах, аграрных отношений в Ходжентском уезде, положения трудящихся масс дехканства Туркестана во второй половине XIX века, зарождения и развития капиталистических отношений в северных районах Таджикистана во

[4] Ахмад Махдуми Дониш. Таржуман ал-ахвол-и амирон-и Бухоро-и шариф аз амир Данийал та аср-и амир Абдалаҳад. (Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдалахада). Рук. ИВ АН УзССР, Инв. № 198/; Наводир-ул-вакое, Рук. ИВ АН УзССР, Инв. № 814; Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати-хонадони. мангития (Краткая история мангитских эмиров Бухары). Душанбе, 1960.

[5] Мирзо Абдал Азим-и Сами. Тўҳфаи шоҳи (Шахский подарок), Рук. ИВ АН УзССР, Инв. № 2091; Тарих-и салатин-и Мангитийа (История мангытских государей). М., 1962.

[6] Мирза Салим бек. Тарих-и Салими (Салимова история), Рук, ИВ АН УзССР, Инв. № 2016.

[7] Мирза Шемси Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре..., Казань, 1861.

[8] С. Айни. Материалы к истории Бухарской революции. М., 1926.

[9] Хамид Бакаев. Мунтахаб-и тарих-и амирани-мангит (Извлечение из истории мангитских эмиров), Рук. собраний Ан ТаджССР, Инв. № 1329

второй половине XIX и начале XX вв. посвящены рукописи кандидатских диссертаций и отдельные опубликованные работы В. С. Абдуллаева[10], М. Абдурахимовой[11], М. Бабаханова[12], В. И. Ефимова[13], С. А. Стеценко[14]. Однако в этих работах вопросы настоящей монографии авторами почти не затрагиваются.

Теоретической и методологической основой при написании монографии послужили труды классиков марксизма-ленинизма, а руководящим источником—решения съездов и Пленумов ЦК КПСС и ЦК Компартии Узбекистана по вопросам истории колониального периода Туркестана, а также доклады и выступления руководителей партии и правительства по данному вопросу.

При написании работы, помимо опубликованной литературы на русском, узбекском и таджикском языках, автором были изучены и использованы материалы архивов Москвы и Ташкента В Военно-историческом архиве СССР были просмотрены фонды Азиатской части Главного штаба Военного министерства (ф. 400), штаба Туркестанского военного округа (ф. 1396). В Центральном государственном архиве УзССР были изучены материалы Управляющего местным населением центра области (ф. 450), Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ф. 1), Управления Куш-Беги эмира Бухарского (ф. 126), Канцелярии начальника Зеравшанского округа (ф. 5), Самаркандского областного правления (ф. 18), Управления начальника Катта-Курганского уезда (ф. 22), Управления начальника Самаркандского уезда (ф. 20), Самаркандского городского хозяйственного управления (ф. 227), подготовительные материалы, составленные полковником Серебренниковым к публикации документов „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания" (ф. 715), а также материалы „Туркестанского сборника", насчитывающего более 600 томов хранящегося в библиотеке имени Алишера Навои в Ташкенте.

[10] В. С. Абдуллаев. Завоевание Бухарского ханства царской Россией. Рук. канд. диссертации.... Самарканд, 1946.

[11] М. Абдурахимова. Положение трудящихся масс дехканства Туркестана во второй половине XIX в. (по материалам Самаркандской области), Рук. канд. диссертации..., Ташкент, 1952.

[12] М. Бабаханов. К вопросу о зарождении и развитии капиталистических отношений в северных районах Таджикистана во второй половине XIX и начале XX вв. Автореферат диссертации... Сталинабад, 1957.

[13] В. И. Ефимов. Очерк истории взаимоотношений России с Бухарой (1868—1917 гг), Рук. канд. диссертации..., Самарканд, 1953.

[14] С. А. Стеценко. Аграрные отношения в Ходженском уезде после присоединения его к России, Автореферат диссертации..., Душанбе, 1957.

Из материалов различных архивных фондов особо следует отметить фонд управления Куш-Беги эмира Бухарского (ф. 126). Этот фонд состоит из документов на персидском языке. Хотя данный фонд в официальной опубликованной литературе датируется последней третью XIX века до 1920 года, все же в нем имеются наиболее новые ранние не использованные исследователями документы, относящиеся к истории Бухарского ханства, в том числе и Самарканда с начала XIX до начала XX вв.

В виду ограниченности объема работы отдельные события из истории города Самарканда и средней части Зеравшанской долины второй половины XIX начала XX вв излагаются кратко. В частности, не затрагиваются вопросы истории развития конкретных отраслей ремесла, градостроительства, исторической топографии и т. д.

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ САМАРКАНДА НАКАНУНЕ ЕГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Население

Зеравшанская долина с ее экономическим, торговым и политическим центром—Самаркандом накануне его присоединения к России, непосредственно входила в состав Бухарского ханства. Она с древнейших времен заслуженно считается самым плодороднейшим районом Средней Азии, поэтому ее издавна называют золотой долиной.

Самарканд—один из древнейших городов Средней Азии, был второй столицей бухарских эмиров. Филипп Назаров, побывавший в 1813—1814 г. во многих районах Средней Азии, в своих воспоминаниях дает некоторые сведения о Самарканде. „Самые достопримечательные,—пишет Ф. Назаров,—города, находящиеся поблизости Каканского государства, **суть Самарканд** (подчеркнуто автором—Т. С.)"[15].

Город Самарканд считался главным городом ханства. Это положение он удерживал за собой, „во-первых, вследствие причин исторических и религиозных, во-вторых, как центральный пункт самого населенного, богатого округа в стране"[16].

Самарканд накануне его присоединения к России являлся важнейшим ремесленным и торговым центром не только Бухарского ханства, но и всей Средней Азии.

Если в 1841 году в Самарканде было только два каменных караван-сарая и три бани[17], то в момент его присоединения к России в городе уже было 35 караван-сараев[18], а в Каттакургане работало 5 сараев—индийских[19].

В первой половине XIX века в связи с развитием торговли, особенно торговли с Россией, в Бухарском ханстве происходит рост городского населения. Однако данные о росте населения городов, в том числе и Самарканда весьма различные и нередко противоречат друг другу*. Следовательно, расхождение цифров о количестве населения Самарканда до некоторой степени затрудняет работу исследователя при определении классового состава всего населения.

Сравнивая данные источников архива и литературы, можно сделать некоторые, хотя неполные итоги, что в городе Самарканде накануне его присоединения к России число населения не превышало 30 тысяч человек[20]. А по Зеравшанскому округу в 1868 году насчитывалось всего населения 315533 чел., в том числе по Самаркандскому отделу, за исключением горных тюменей—179522 чел[21].

Современники отмечали, что Зеравшанский округ оставлял позади самые населенные местности России и почти не уступал по плотности населению самых плодородных областей Западной Европы[22].

Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман особо отмечал густоту населения и интенсивность ирригационного земледелия в бассейне реки Зеравшан. Плотность населения этих местностей Кауфман сравнивал с Ломбардией[23].

---

[15] Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПБ, 1891, стр. 44.

[16] ЦГА УзССР, ф. 1 оп. 34, д. 29, л. 51.

[17] История Узбекской ССР, т. II, кн. II, Изд. АН УзССР. Ташкент, 1956, стр. 26.

[18] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 124.

[19] Там же, д. 11, л. 105.

* Например, по сообщениям Мейендорфа в 1820 году Самарканд имел жителей 50 тыс., востоковед Н. Ханыков в 1841 г. насчитал до 25 тыс в 1863 г. А. Вамбери—до 20 тыс., В. В. Радлов в 1868г.—более 10 тысяч, А. П. Федченко в 1869 году до 30 тысяч человек и т. д. Смотри об этом: Мейендорф. Статистический взгляд на Бухарию, „Северный архив", 1826, октябрь, № 19, 20; Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843, стр. 32; А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии в 1863 году, СПб, 1865; Известия из Туркестанского военного округа—„Военный сборник", 1870, № 12; стр. 389—390; Л. Костенко. Описание путешествия русской миссии в Бухару в 1870 году, „Военный сборник", 1870, № 12; В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина, ЗРГО, т. VI, СПб, 1880, стр. 39; А. П. Федченко. Путешествие в Туркестане, М., 1950, стр. 50; „Виденский вестник" за 1866 г., № 84 и 85; Издание Саратовского коммерческого клуба за 11 сентября 1868 г. № 41; Учебник „История СССР", т. II, под ред. М. В. Нечкиной, М., 1954, стр. 533.

[20] ЦГА УзССР. ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 122.

[21] Там же, лист 51,

[22] „Туркестанские ведомости", 1870, № 4.

[23] „Проект всеподданейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в области Туркестанского генерал-губернаторства", 7 ноября 1867 г.—25 марта 1881 г. СПб, стр. 272.

В 60-х годах XIX века как во всем Бухарском ханстве, так и в Самаркандском владении существовали остатки рабства. Рабы эксплуатировались, главным образом, в качестве домашней прислуги. Основными рынками торговли рабами были города Бухара и Самарканд. Стоимость их выкупа в среднем была 35—80 золотых тиллей[24].

Главным источником работорговли являлись набеги различных племен на мирные селения. Они насильно захватывали дехкан, ремесленников, женщин и детей, а затем продавали их в качестве невольников. Ряды рабов также восполнялись в результате продажи военнопленных, захваченных во время военных действий.

Только в 1862 году из г. Мары (Туркмения) было захвачено около 20 тыс. пленных. Они были проданы на невольничьих рынках Хивы, Бухары, Самарканда и других городов[25]. Вместе с тем, бывали нередко случаи, когда разоренные крестьяне и ремесленники вынужденным образом продавали в неволю своих детей. Купля и продажа людей в таких случаях узаконивалась юридическим актом казием при присутствии свидетелей. Так, например, в одном из документов архива Куш-Беги говорится следующее: „Некий Мирзо Абдулфайз Махзум, при согласии трех духовных лиц—Мухаммад Ибрагима сына Мирза Каляма, мулла Мухаммада Касыма сына Ал-Мулла Муфтия и Мулла Мухаммада продал в рабство свою 15-летнюю дочь по имени Таджи. При составлении акта о купле и продаже присутствовало три свидетеля: Мир-Махмуд-бай, Мухаммад Карим-бай, Тошмухаммад-бай. Они и выше названные духовные лица заверяют, что Мирзо Абдулфайз Махзум, продав свою дочь в неволю, совершил законный акт, который абсолютно не противоречит законам шариата. Оттиск трех вышеназванных духовных лиц, дата 1283 год, м-ц Шаввал, т, е. октябрь 1866—1867 г".[26]

Данный документ свидетельствует о том объективном факте, что трудовой народ ханства повсеместно жил в постоянной нужде и нищете и был обречен к уничтожению.

Раб, находясь в неволе, не только являлся предметом купли и продажи, но и был даже лишен всех человеческих элементарных прав. Хозяин имел право продать, подарить, избивать, убивать раба по своему усмотрению. Бывали случаи, когда рабы старались убежать и скрыться от своих

[24] „Туркестанский сборник", т. 569, стр. 54—55. См. также: А. Вамбери. Очерки Средней Азии (дополнение к „Путешествию по Средней Азии". М., 1868, стр. 200—201).

[25] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 29, л. 62.

[26] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 2004, л. 27.

хозяев. В таких случаях сановники эмира повсеместно объявляли розыск, старались находить их и возвращать хозяину, получая за это большое вознаграждение. Так, другой документ свидетельствует, что в районе Нур-Ата (нынешняя территория Нуратинского района Самаркандской области) нукеры Нуратинского казия поймали беглого раба под именем Нек-Кадам, в возрасте 15 лет, являющегося сыном Гульшо. Нек-Кадам являлся беглым рабом бая селения Молали Хатырчинского района Тохта Чокбая, сына Куввачбая. Кази в присутствии свидетелей и согласно их показаниям отдал раба хозяину. Поручителем Тохта Чокбая явился аксакал селения Арабкишлак Рахимберди сын Самандар-бая и богачи этого же селения: Хаким-бай и Мулло Абдул Кахар. Оттиск 13 зульхиджа, 1280г. х., т.е. 13 декабря 1863/64 гг[27].

Тяжелое, невыносимое положение народных масс в неволе ярко отражено в историческом романе основоположника советской таджикской литературы С. Айни[28].

Многочисленные документы и литературные источники также бесспорно свидетельствуют о наличии рабов на территории Бухарского ханства. Главными рабовладельцами ханства были эмиры. У эмира Насруллы, например, было около трех тысяч рабов, а Куш-Беги Хакимбай (главный министр при эмирах Хайдаре и Насрулле—Т. С.) в своих имениях имел более тысячи рабов[29].

В крупных городах ханства представители господствующего класса в своих семьях и на земельных участках использовали труд рабов. По свидетельству ряда источников в Самаркандской области рабочий труд применялся не только в домашней жизни, но и в сельском хозяйстве. Например, накануне присоединения Самаркандской области к России в Катта-Кургане у крупного феодала Алимбая работало около 500 рабов. Только после присоединения Каттакургана к России эти рабы по требованию русских властей были освобождены[30].

Сельское хозяйство

Основным занятием населения Самаркандской области было земледелие, скотоводство, различные виды ремесла,

[27] Там же, лист 22.

[28] С. Айни. Рабы. Собрание сочинений, т. II, изд-во „Известия", М., 1960 г.

[29] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, М., 1958, стр. 125.

[30] О. О. Поспелов. Материалы к истории Самаркандской области. Исторический очерк г. Каттакургана. Памятник на Зирабулакских высотах. Освобождение рабов в Каттакурганском отделе. Сеидхан Каримханов. СКСО, вып. X, 1912 г.

внутренняя и внешняя торговля. В районах ирригационного характера население было оседлым и занималось исключительно земледелием[31].

До 1868 года в Самаркандском бекстве было 494,662 танапа орошаемой земли.[32]

В Бухарском ханстве вся земля делилась на различные категории: государственные (амлячные), частновладельческие (мулки-хурри-халис), вакуфные, поместные (танхо).

Амлячные земли, как государственные, непосредственно принадлежали эмиру. Эти земли обрабатывались крестьянами, которые наследственно ими пользовались и платили в казну налог-ренту. Этими землями распоряжалась власть эмира и она собирала налоги. Частично эмир раздавал государственные земли крупным феодалам в качестве вознаграждения. Эмир наделял беков землей, отдавал в пользование им мельницы, сады, арыки, с которых они получали известную плату от дехкан за орошение, дарил им халаты, лошадей, баранов и разное имущество[33]. С течением времени наделенные земли превращались в полную собственность этих феодалов.

Владельцы частных земель являлись крупными феодалами и опорой феодального государства. Владельцы земель мулки-хурри-халис от налогов освобождались. Такие обеленные земли не могли быть отобраны в казну обратно.

В Бухарском ханстве значительное количество земли принадлежало мусульманскому духовенству. В Зеравшанской долине из числа орошаемых и населенных земель $^1/_3$ были вакуфными землями[34]. Так, только медресам и мечетям города Самарканда принадлежало 51.991 танап обрабатываемой земли. Этим вакуфным учреждениям также принадлежало 210 лавок, 7 мельниц, 4 толчеи, 7 караван-сараев[35].

Принадлежность вакуфам вышеуказанных поливных земель, лавок, караван-сараев также подтверждается в трудах и других исследователей[36]. Например, по мнению Л. Н. Соболева в городе Самарканде в 1868—1869 гг. насчитывалось около 3-х тысяч ларьков, из которых только 508 принадлежали вакуфным учреждениям, в их руках находился

[31] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. 60, л. I.

[32] И. Лажечников. Краткий исторический очерк Самаркандской области. Самарканд, 1893, стр 30

[33] ЦГА УзССР, ф. I, оп, 29, д. 29, л. 59.

[34] История Узбекской ССР, т. II, кн. 2—я. Т., Изд. АН УзССР, 1956, стр. 18

[35] В. Л. Вяткин. О вакуфах Самаркандской области. В книге: СКСО, вып. X, Самарканд, 1912, стр. 98.

[36] Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. ЗРГО, т. IV, отдел статистики, 1874, стр. 339.

всего 51.991 танап земли[37]. Архивные материалы дают нам возможность предполагать, что в 1868 году в Самарканде работало не 3 тысячи ларьков, как считал Л. Н. Соболев, а гораздо меньше, но что касается количества вакуфных ларьков на территории города Самарканда, они почти соответствуют данным архива. Эти ларьки, базары и другие вакуфные учреждения вакуфодержателями постоянно сдавались в аренду.

Положение массы земледельцев на всех видах земель было весьма тяжелым. Особенно тяжелой эксплуатации подвергались крестьяне мусульманским духовенством на вакуфных землях. Духовенство вакуфных земель сдавало в аренду крупным арендаторам землю, а доходы присваивало. Однако особенность вакуфных земель при передаче их в аренду заключалась в том, что духовенство круглый год, за исключением дня Фасхи[38], имело право передавать вакуфные земли за более высокие цены с процентами другим арендаторам.

Арендатор, получив вакуфную землю в аренду при прямой поддержке беков, как можно больше старался выколачивать доходы от крестьян. Арендатора, главным образом, интересовали вопросы и пути получения наилучшего, удобного дохода от арендуемых им земельных участков. Если арендатор не мог собирать необходимую сумму от крестьян по условиям договоренности, тогда ему грозила опасность разорения или конфискации его имущества со стороны эмира. Эмир являлся самым первым сторонником интересов вакуфодержателей, ибо часть доходов от вакуфов непосредственно шла в его пользу[39].

Бедные крестьяне, получив клочок вакуфных земель в аренду, кроме платы арендатору $^1/_4$ части урожая, дополнительно платили поземельную подать в размере $^1/_3$ части урожая в пользу эмирской казны. Это еще больше разоряло их.

[37] Там же.

[38] День Фасхи — это последний день созревания пшеницы, после которого другой арендатор не имел права выбить готовый урожай из рук своего предшественника. Передача земли из рук одного арендатора другому путем передачи всего выкупа с неустойкой в пользу прежнего арендатора производилась при казы-каляне. Причем, при сделке учитывались средние доходы духовенства, начиная от 1/10 части до половины стоимости аренды, а также доходы казы-каляна 5 теньга с каждой тысячи рублей стоимости сделки. Все эти расходы взимались с нового арендатора. Такая сделка продолжалась до дня Фасхи. Если учесть заинтересованость как всего духовенства, так и казы-каляна, то становится ясно, по какой именно причине передача земли арендаторам производилась как можно чаще в течение года, а также оттягивались дни назначения Фасхи.

[39] ЦГА УзССР ф. 126, оп. I, д. 1158, л. 8.

Таким образом, в вакуфных землях существовали все виды эксплуатации, присущие характеру настоящего крепостничества.

Среди населения Зеравшанской долины бедняки и безземельные крестьяне составляли значительное число. В середине XIX века в отдельных районах Зеравшана число безземельных крестьян доходило до 25% от общего числа крестьян[40]. Характерно то, что наибольшее количество безземельных крестьян находилось в густонаселенных районах Миankаля.

Положение безземельных было очень тяжелым, поэтому они вынуждены были наниматься в батраки к богатым земледельцам. За свой ежегодный труд они получали от 12 до 20 рублей[41]. Причем, „работники" работали в своей одежде.

Часть безземельных крестьянских хозяйств (коранда испольщики) брали землю в аренду и обрабатывали своим сельхозинвентарем, пользовались своими семенами, одну половину урожая отдавали крупным владельцам земли за плату арендуемых ими земельных участков[42].

Коранда-испольщики свою сделку с крупными землевладельцами оформляли в казыхане путем выдачи расписки, так называемой „залоговой Васики". Так, например в одной из таких залоговых расписок, составленной от 18 мая 1843 года говорится, что „Идрис-бай сын Ибадуллы на условиях „ярим-шерик" (половинная) взял землю Фазилджана сына Мулла Абидхана в размере 14 танапов в местности Ахунбудин, с условием ухаживать за деревьями во дворе и за садом, за хаузом и выполнять все поручения Фазилджана. В противном случае хозяин обратно может забрать землю в любом ему удобном моменте. Идрис-бай обязуется обрабатывать землю, вносить удобрения, урожай будет поделен пополам. Настоящий документ составлен в присутствии свидетелей: Мулла Мухаммад Раджаба, Уста Фузайла и Арбоба Сайфуллы"[43].

В большинстве случаев трудом издольщиков (чайрикеров) пользовались крупные и средние земледельцы.

В условиях Средней Азии арендаторы эксплуатировали издольщиков и другими путями. Они заставляли работать издольщиков в своих садах, огородах и в домашней работе. Однако за такой труд ничего не оплачивалось.

---

[40] А. Д. Гребенкин. Узбеки. „Русский Туркестан", вып. 2, М., 1872, стр. 18–19.

[41] П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—25 г. Источники и опыт их исследования. Труды института Востоковедения, т XXVIII, М.,–Л., изд. АН СССР, 1937, стр. 19.

[42] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 2004, л. 21.

В результате тяжелого гнета дехканские хозяйства разорялись, увеличивалось количество безземельных. Наряду со значительным контингентом безземельных увеличивается концентрация земель как собственности в руках отдельных лиц.

Процесс концентрации земельных участков в ханстве в 70-х годах XIX века особенно увеличивается, это видно из многочисленных документов о купле-продаже земельных участков, мельниц и прилегающих к ним земельных угодий. Так, например, в „Васике", составленной от 1279 г. хиджри, т. е. от 1862 года пишется, что в вилояте Насаф (низовья Зеравшанской долины) владелец земельного участка Саид Махмуд Ходжа продал 450 танапов земли „мулкихур" некоему Фазыл Фарруху сыну умершего Уста Мир бадалю на сумму 2200 тенга. Причитающуюся сумму при свидетелях сполна получил[43].

Нередко бывали случаи, что эмир и его сановники под различными предлогами старались приобретать в свои руки наиболее доходные земельные участки. Так, распоряжением Мухаммад Шаби-Кул Куш-Бегия от 1285 года хиджри (1868—69 г) за непредставление в указанные эмиром Музаффаром сроки снаряжения войску, было конфисковано 5 мельниц и прилегающие к ним земельные участки в местности Ташлак у Мир Асада Балхия. Эти земли и мельницы немедленно были проданы за большие суммы родственникам Куш-Беги, а деньги пошли в пользу эмира[44].

Эмирские сановники и духовенство не брезговали ничем. Они старались всячески удовлетворять свою алчную потребность к обогащению. Усиление роста захвата земельных участков отдельными лицами, поощрение эмиром всяческих мер закабаления крестьян все более отрицательно стало сказываться особенно на положении безземельных и малоземельных дехкан. Обезземеливавшиеся крестьяне вынуждены были идти в кабалу к феодалам в качестве мардикеров-поденщиков.

Таким образом, в рассматриваемый период среди населения Самаркандской области рос и расширялся процесс классовой дифференциации, усиливалась классовая борьба широких слоев трудящихся масс против военно-феодальной аристократии и эмирских узурпаторов.

Зеравшанская долина являлась главной базой Бухарского ханства по производству сельскохозяйственных продуктов. Различные районы долины специализировались в основ-

---

[43] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. I, д. 2004, л. 19.

[44] Там же, д. 1507, л. I.

ном по производству двух-трех видов сельскохозяйственного производства. Хлопководством занималось население Челека, Катта-Кургана, Янгикургана, большинства территории Мианкальской долины. Отдельные горные районы занимались тонкорунным овцеводством и каракулеводством. Почти все население Самарканда и его окрестностей занималось шелководством, рисоводством, виноградарством и овощеводством.

Важное место в сельском хозяйстве занимал посев и производство хлопка. До 1870 года в Самаркандской области, как и на всей территории Средней Азии, возделывался местный сорт хлопчатника, волокна которого были грубого и низкого качества. Такой хлопок мало шел на вывоз и употреблялся, главным образом, в местной промышленности[45].

По Катта-Курганскому району крестьяне хоть и занимались хлопководством, но оно было незначительным. Например, в первый год после присоединения Самаркандской области к России в Катта-Курганском отделе хлопка засевалось до 800 танапов, а собиралось хлопка до 4 тысяч батманов[46].

По имеющимся неполным сведениям, в 1868 году производилось хлопка (гузы) по Самаркандскому отделу около 5933 батмана[47], а в 1870 году по Зеравшанскому округу производилось всего хлопка 12.800 батманов, т. е. более чем 102.000 пудов[48]. После очистки этого хлопка из него получалось чистого хлопка до 34.000 пудов[49].

Управляющий Самаркандской опытной плантацией, один из сторонников быстрого развития хлопководства в Туркестанском крае, Раевский в 1871 году в своей докладной записке генерал-губернатору Зеравшанского округа Абрамову, характеризуя положение хлопководства в округе писал, что „в настоящее время хлопок здешнего производства по своему качеству стоит на самом последнем месте“[50].

Наряду с хлопководством производство шелка сыграло важную экономическую роль в жизни населения Самаркандской области. Шелководством занимались, в основном, на-

[45] Х. Ф. Чикаев. К аграрному вопросу и положению дехкан в Кокандском ханстве. Труды УзГУ им. А. Навои, Нов. серия, № 39. Самарканд, 1947, стр. 2—3.
[46] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 11, л. 116.
[47] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 127.
[48] Там же, д. 60, л. 1.
[49] Там же, лист 2.
[50] Там же.

селение городов: Самарканда[51], Катта-Кургана[52], Ургутского и Пенджикентского районов и население тех кишлаков, где было распространено садоводство. К числу этих кишлаков можно отнести: Дагбит, Челек, Джума, Янги-Курган и др.

По сведениям 1869 года, в Самаркандском бекстве производством шелка-сырца занимались 515 хозяйств. Из них на долю только г. Самарканда падало 400 хозяйств, из них 15 хозяйств занимались шелкомотанием, это свидетельствовало о наличии элементов домашней мануфактуры в городе. На базары бекства, в рассматриваемый период, поступило товарного шелка-сырца 490 пудов 37 фунтов[53].

Таким образом, главным производителем продукции шелка или товара являлось население города Самарканда. В 1869 году на Самаркандский базар поступило только из одного города Шахрисябза 405 пудов коконов[54], это свидетельствует о наличии высокого спроса ремесленников, торговцев к шелковичному кокону. Кроме того, можно сделать вывод, что город Самарканд являлся не только производителем шелка, но и центром торговли шелковичными коконами для городов и районов Бухарского ханства.

О широком производстве шелковичных коконов и о высокой потребности населения в шелке свидетельствует тот факт, что в 1869 году в городе Самарканде торговлей шелком в сыром виде были заняты 60 лавок[55], которые использовались также для продажи привозимых товаров шелковичного кокона.

Данные о шелководстве, составленные на основе рапорта начальника Самаркандского отдела, далеко не полностью отражают его состояние потому, что „в городе Самарканде почти все жители в садах своих занимаются разведением шелковичного червя и эта отрасль хозяйства не может быть приведена в точную известность потребности своего производства, о которой можно судить, когда эти продукты вывозятся на базар и с них берется зякет 1/40 доли. Каждый отдельный домохозяин выносит на базар от 5 фунтов до 1,5 пуда.“[56] По Катта-Кургану на базар каждым хозяйством вывозилось для продажи от 5 фунтов до 5 пудов шелковичного кокона, а размоткой шелковичных коконов занималось всего 9 хозяйств[57].

[51] Там же, д. 8, л. 120.
[52] Там же, д. 11, л. 118.
[53] Там же, д. 8, л. 120.
[54] Там же, ф. 5, оп. 1, д. 8, л., 120.
[55] Там же, д. 11, л. 111.
[56] Там же, д. 8, л. 120.
[57] Там же, д. 11, л. 118.

3050

Характерной особенностью земледелия во всей Средней Азии и в том числе в Самарканде является то, что оно полностью зависит от состояния искусственного орошения.

„Климатические условия и своеобразие поверхности, особенно огромных пространств пустыни, тянувшейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, — писал К. Маркс, — сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия“[58].

Вода, как и земля, по закону шариата издревле хотя формально и считалась общественной, не могла служить предметом купли и продажи. Однако господствующие классы обычно этих правил не придерживались, ибо вода в их руках служила не только как источник обогащения, но и средством жестокой эксплуатации и угнетения трудящихся масс[59].

Верховным распорядителем водных ресурсов всего ханства был эмир. Он давал распоряжение относительно распределения воды между бекствами. При эмирской особе имелась должность сановника, ведующего водопользованием.

Оросительные работы в эмирате производились, во первых, представителями местной власти путем привлечения окружающего населения в порядке натуральной повинности и отчасти финансировались (хотя за счет населения) ими, во-вторых, эти работы проводились по инициативе и на средства частных лиц. В таких случаях эти оросительные системы и вновь осваиваемые земли превращались в их собственность. Таким образом, эксплуататорские классы приобретали для себя новый источник порабощения трудящихся масс дехканства и постепенно сосредотачивали в своих руках земельные угодья.

При обоих случаях состояние оросительных работ во многом зависело от степени силы централизованной власти. При наличии власти эмира строительство ирригационных сооружений было мучительной повинностью и наиболее хищнической формой эксплуатации подневольных дехкан эмирами и феодалами.

Накануне присоединения Самарканда к России ирригационное дело, некогда цветущее в древней стране Согдиана было в запущенном состоянии, потому что эмирские сановники, ответственные за состояние ирригации, считали его источником своих личных выгод и обогащения. Ибо в эмирате эти служилые люди не пользовались вознаграждением со стороны эмира, поэтому они старались использовать свое служебное положение как можно выгоднее для получения наибольшего дохода. Насилие и грабеж, взяточничество и обман нашли свое применение в повседневной деятельности этих сановников.

Таким образом, борьба за воду считается одной из наиболее жесточайших арен классовой борьбы между господствующей феодальной аристократией, духовенством и большинством эксплуатируемых ими трудящихся масс.

В богарных, не поливных и горных районах области население занималось хлебопашеством и овцеводством. Население кишлаков, занимающееся овцеводством, держало у себя известное количество овец для производства мяса и шерсти, преимущественно для рынка. Вместе с тем, в округе имелось много животноводческих хозяйств, которые занимались производством товарной продукции. Они в своих руках имели овец от нескольких сотен до нескольких тысяч голов и пользовались трудом наемных чабанов[60].

Развитие животноводства, особенно овцеводства, имело исключительно большое значение для населения Самаркандской области, потому что население употребляло шерсть на всевозможные житейские и хозяйственные потребности и выделывало себе из нее платья, попоны, тесьму, нитки, мешки, арканы, паласы, кошмы и ковры[61].

О значении животноводства, особенно овцеводства, в Самаркандской области можно судить по тому факту, что „ . . . во время владычества эмира вывоз пуха из Самарканда доходил на сумму до 50.000 тиллей“[62].

Но, несмотря на это, до присоединения Самарканда к России производство шерсти, главным образом, являлось дополнительной статьей скудного бюджета крестьянских хозяйств и не играло большой роли во внешней торговле. Однако процес, дифференциации также проникает и развивается среди той части населения, где скотоводство являлось основным видом производства[63].

По собранным Гребенкиным сведениям, среди местных

---

[58] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, изд. II. стр. 132.

[59] В. И. Ефимов. Очерк истории взаимоотношений России с Бухарой (1868 - 1917 гг). Кандидатская диссертация на соискание ученой степени канд. историч. наук, Самарканд, 1953, стр. 39. Рукопись. фонд СамГУ им. А. Навои.

[60] ЦГА УзССР. ф. 5. оп. 1 д. 12. л. 103.

[61] Там же, л. 101.

[62] Там же лист 105.

[63] Иванов П. П. Цит. соч., стр. 20.

скотоводов были лица, владевшие стадами от 3000 до 7000 голов[64].

В то же время большинство „кочевников"-скотоводов не имели своего собственного скота, а в основном, работали у крупных скотоводов: они занимались выпасом чужих стад, стрижкой овец, за которую богатые овцеводы платили „по одной тилле (одна тилля—0,14—0,35 коп.) за каждые 20 или 40 выстриженных ими баранов, смотря по цвету шерсти"[65].

Совершенно естественно, что такая крайняя необходимость и нужда у большинства безземельных крестьян и скотоводческого населения заставляла их искать другие источники заработка. Одним из таких источников являлась домашняя крестьянская промышленность, получившая свое распространение, главным образом, в изготовлении различных тканей из хлопка, шелковичного кокона и из шерсти, а также из пуха.

Домашние промыслы, как составная часть натурального хозяйства, являлись спутником мелкого крестьянского хозяйства. В этой форме промыслов нет еще товарного производства. Здесь появляется товарное обращение только в том случае, если ремесленник получал плату деньгами или продавал полученную за работу долю продукта, покупая себе сырье и орудия производства. В данном случае продукт труда ремесленника не появлялся на рынке, а поглощался в сфере натурального хозяйства дехканина в рамках того района, где он производился. Естественно, поэтому. ремесленное производство в сельских областях было рутинное, раздробленное и тесно связанное с мелким патриархальным земледелием. Единственным элементом развития сельских промыслов являлось то, что ремесленники отдельных районов области (районы Нур-Аты, Матчо и др.) шли на временные заработки в другие местности. И то, это явление носило сезонный и ограниченный характер.

Ремесленное производство

Если в селениях Самаркандской области население преимущественно занималось земледелием и скотоводством, то основная масса населения Самарканда была занята в сфере ремесленного производства. По свидетельству П. П. Иванова, изучавшего состояние горной промышленности в Средней Азии, в городе было широко развито производство

[64] Гребенкин А. Д. Цит. соч., стр. 71, 82.
[65] ЦГА УзССР, ф. 5, оп 1, д. 12, л. 103.

писчей бумаги. В нем сосредотачивались основные отрасли металлообрабатывающего ремесленного производства.[66] В военное время ремесленники изготовляли оружие и другое военное снаряжение. В промежутке между войнами, когда спрос снижался, переходили к изготовлению разных металлических изделий: ножей, столярных и плотничьих инструментов и др[67].

Таким образом, ремесленник, соприкасаясь с рынком, постепенно превращался в товаропроизводителя. Этот процесс происходил очень медленно, Низкий темп этого процесса объяснялся прежде всего тем, что рынок для сбыта изделий был крайне узким, большей частью продукт переходил непосредственно из рук производителя в руки потребителя, причем продаже продукта предшествовал иногда обмен его на сельскохозяйственные продукты. Однако с дальнейшим развитием торговли, появлением торговцев-скупщиков еще более усугубляется развитие товарного хозяйства в ремесленном производстве. Так, положение ремесленного производства в главных городах области — в Самарканде и Катта-Кургане до присоединения их к России характеризуется некоторым ростом мелких промыслов и мастерских, что видно из следующих данных. В конце 1869 года в двух городах—Самарканде и Катта-Кургане насчитывалось мастерских (таблица № 1):

Таблица № 1

№№ пп	Наименование мастерских	Количество		
		в Самарканде	в Катта-Кургане	Всего
1	Ткацких	681	200	381
2	Красильных	15	16	31
3	Кожевенных	30	6	36
4	Шелкомотальных	15	—	15
5	По изготовлению шелк. материалов	34	7	41
6	По изготовлению бумаги и бумажных изделий	42	—	42
7	Седельных	200	4	204
8	Металлообрабатывающих	36	9	42[68]

[66] П. П. Иванов. К истории развития горного производства в Средней Азии. М. — Л., 1932, стр. 64—65.
[67] О некоторых технических производствах в Туркестанском крае. „Русский Туркестан", вып. 2, стр. 217.
[68] ЦГА УзССР, ф. 5. оп, 1, д. 11. л. 105, 124.

Все эти данные позволяют нам сделать вывод, что до присоединения в Самарканде были широко развиты ткацкие, седельные, шелковые, бумажные и другие виды ремесленного производства. Самаркандские и катгакурганские ремесленники производили алачу (хлопчатобумажную полосатую материю крашеной нитки), хоссу (тонкую полушелковую материю), ситец, канауз, бязь, бекасам, пуховые чалмы (кушаки), бумажные, шелковые и полушелковые материи, халаты, ковры, тюбетейки и т. д.

В Самарканде особенно широко было развито рукоделие. Различная изящная и изумительная продукция самаркандских ремесленников была известна во многих странах мира. Произведения Самарканда славились добротностью и дешевизной[69].

В ремесленном производстве Туркестана, как отмечал П. И. Пашино, широко использовался труд рабочих-надомников, „... При бумажном производстве один капиталист раздает известным ему семействам очистку хлопка, другим—прядение, третьим—ткачество, четвертым—окраску и т. д., что не обязывает его ни к устройству помещения для мастерских, ни к покупке станков, ни к плате за то время, которое рабочие сидели бы без работы..."[70]

Аналогичное положение наблюдалось и в Самарканде. Отчасти большая доля труда падала на женщин и подростков, которые занимались очисткой хлопка, выделкой пряжи, наматыванием ниток и т. д. Князь Урусов писал, что пряжу шерсти в Зеравшанском округе, главным образом „... производят женщины-таджички и иранки посредством прялки (чарх, чарых), а узбечки и киргизки посредством веретена (урчук). Женщина в год на одном из этих орудий может выпрясти от 2-х до 4-х пудов шерсти или пуха"[71]. Большинство женщин вынуждены были трудиться и изготовлять изделия как для своего обихода, так и для продажи. Вместе с тем, многие семьи ремесленников и кустарей находились в плачевном положении и вынуждены были жить в нищете.

Кроме вышеуказанных мастерских в Самарканде работали средние ремесленные мастерские с круглогодовым производством, а именно: чугунных—12, кирпичных—4, свечевых и мыловаренных—34, кондитерских—45, токарных и строгальных, изготовляющие ткацкие станки—18. Всего по

[69] Там же, ф. 1. оп. 34, д. 29, л. 51.
[70] П. И. Пашино. Туркестанский край в 1886 году. Путевые заметки СПб, 1868 стр. 139—140.
[71] ЦГА УзССР, ф. 5, оп, 1, д. 12, лл. 106 - 107.

Самарканду насчитывалось 113 средних и 1495 мелких ремесленных мастерских и мелких кустарных предприятий[72].

Мелкие ремесленные мастерские наряду с домашним промышленным производством были типичной формой организации промышленности. Однако производительность мастерских и других кустарных предприятий была низкой.

Отдельные виды ремесла достигли некоторой специализации. Кузнецы обычно специализировались на изготовлении различных предметов: одни делали только подковы для лошадей и ослов, другие—только токарные и слесарные инструменты. Железные изделия производились из железа ввозимого из России. В городе из ремесленников особенно выделялись сапожники, кожевники, шапочники, мастера бумажного кушака, специалисты по изготовлению замков, мастера золотых и серебряных дел, медники. Кроме того, были хлебопеки, свечники, токари, красильщики материй, мастера по изготовлению красок разных цветов и сортов. Люди, занимающиеся приготовлением этих красок сами не красили пряжу или шерсть, а продавали приготовленную ими краску нуждающимся. В Самарканде специально приготовляли синюю краску. Существовало несколько лавок, где круглый год занимались этим ремеслом[73].

Красильным делом занимались особые мастера. Красильные заведения были очень распространены, они представляли собою лавки с куском ткани или мотком пряжи вместо вывески. В красильнях всегда стояли чаны с заранее изготовленными растворами красок разной степени крепости; материя красилась в присутствии заказчика и тут же мокрой ему возвращалась[74].

В зависимости от качества краски покраска 2,5 фунтов (один фунт равен 570 граммам—Т.С.) материала стоила от 40 до 60 копеек[75].

В писчебумажных ремесленных мастерских изготовлением бумажной массы занимались мастера, производством листов—другие. Иногда эти два процесса были разделены и протекали в разных мастерских. Окончательная отделка бумаги обычно производилась особыми специалистами—„муракашами"[76] на базаре. Таких мастерских в Самарканде в 1869 году было 16[77].

[72] Там же, лл. 124—125.
[73] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 107.
[74] О некоторых технических производствах в Туркестанском крае. „Русский Туркестан", вып. 2, стр. 211.
[75] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12. л. 107.
[76] О некоторых технических производствах в Туркестанском крае. „Русский Туркестан", вып. 2 стр. 229, 231.
[77] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 124.

Ткачеством, главным образом, занимались мужчины. В Самарканде существовали ряд мастерских, где работали несколько ткачей на отдельных станках, где производились „... специальные одни тонкие и хорошие ткани... идущие на тонкие халаты, на чалмы и пояса“[78].

Таким образом, в промышленных заведениях Самарканда наблюдаются зачатки рассеянной мануфактуры.

Ремесленники Самарканда были объединены в цехи. Из числа богатых мастеров избирались аксакалы (уста), которых утверждали самаркандские беки.

Внутрицеховая регламентация определялась цеховым уставом (рисолой). В основном в цехах работали многочисленные ученики (шагирды). После долгих трудов шагирды выдвигались в должность подмастерья (халифы). Но не всем ученикам представлялась такая возможность, так как кроме долгих и упорных трудов от ученика при переводе его в должность подмастерья требовалось обязательно наличие определенного количества средств. Перевод халифа в должность мастера был еще трудней, так как от него требовалось наличие больших средств и собственного дома. Таким образом, он должен был переходить многочисленные трудные барьеры. Поэтому переход на должность мастера многим ученикам и подмастерьям обычно не удавался. Старые опытные мастера не были заинтересованы передавать секреты своего ремесла. В большинстве случаев они передавали различные секреты своей профессии по наследству. Сохранение этих секретов считалось величайшей тайной и отчасти одним из основных средств дальнейшего благополучия и жизни семей ремесленников, поэтому ремесленное производство носило обособленный характер.

Ремесленники многих отраслей обычно работали в тех же лавках, где продавали свои товары. Поэтому ремесло и торговля часто соединялись в одних руках. Часть ремесленников не имела своих собственных лавок, не говоря уже о мастерских. Они вынуждены были брать лавку в аренду. Стоимость аренды лавок и мастерских ремесленников по своему объему в городах ханства была различной. Однако для Бухары и Самарканда их сумма, как свидетельствуют различные данные, была почти одинаковой.

Резюмируя свои выводы, для наглядности приведем следующие факты: „Запродажная васика“, составленная в казыхане города Бухары от 16 мая 1856/57 года указывает, что уста Карим сын уста Рахима путем „баи-

[78] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, лл. 108—109.

батамом“ (окончательной сделки) продал Мирзо Низамутдину сыну Мирза Фазила одну лавку-мастерскую по выделке адраса за 100 серебряных бухарских тенег[79]. После продажи, как видно из этого документа, заявитель в то же время арендует эту же мастерскую из расчета выплаты процентов в размере 1 танга и 40 пулей ежемесячно[80].

Как видно из содержания этого документа, ремесленник частично попадал под давление скупщиков и торговцев-ростовщиков, которые всякими путями стремились эксплуатировать их[81].

Таким образом, эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о расширении, развитии, улучшении мелких ремесленных промыслов, а с другой стороны, показывают жалкое и тяжелое положение ремесленников-кустарей, в среде которых также беспрерывно происходило классовое расслоение. К сожалению, вследствие крайне неудовлетворительного состояния экономической статистики по ханству, точных данных о степени распространения ремесла в Самаркандской области не имеется. Отдельные же данные по этим вопросам разбросаны едва ли не по всем источникам, носят неточный противоречивый характер. Поэтому отличить сельского ремесленника от мелкого товаропроизводителя, показать их дифференциацию фактически является невозможным. Поэтому ограничимся указанием отдельных фактов, свидетельствующих, о том что ремесленники Зеравшанской долины получали очень низкую заработную плату. Например, заработок ткача при самой напряженной работе, по словам одного из путешественников конца 60-х годов, не превышал 10 копеек в день[82]. Надо полагать, что в Самарканде, хотя и в ограниченном размере, определенная часть ремесленников занималась работой на заказ.

„Особенных мастерских или людей, занимающихся специально чисткой шерсти и пуха, в Самарканде находится немного, потому что туземцы, нуждающиеся в чистой шерсти или пухе, покупали ее грязною и сами чистят ее, насколько им нужно, занимающиеся же специально этим ремеслом обыкновенно работают **на заказ для ткачей** (подчеркнуто — Г. С.) и очень редко возят чищенный пух или шерсть на базар для продажи“[83].

Можно придти к выводу о том, что в первом случае мастера выступали как ремесленники—непосредственные

[79] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 2004, л. 17.
[80] Там же.
[81] Там же, лл. 6, 11.
[82] В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. Зап. Русского географического общества, т. IV, СПб., 1880, стр. 43.
[83] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 108.

производители для потребителей, а во втором случае мастера выступали уже не как ремесленники, а как кустари, как товаропроизводители, работающие на рынок.

В. И. Ленин указывал, что „...надо строго отличать товаропризводителей, работающих на рынок (1-ая подгруппа), от ремесленников, работающих на потребителей (2-ая подгруппа), ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению"[84].

Как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве не применялся свободный труд наемных рабочих. Зато очень широко была распространена так называемая система „бунака", размер которого достигал от 4 до 40 рублей[85]. При уходе из мастерских рабочий заранее обязан был платить хозяину полученный от него „бунак". В этих случаях мастера выполняли работу того заказчика, который давал по размеру больше „бунака" и выше оплачивал за выполненную работу ремесленника. Так создавались кабальные отношения между заказчиками и ремесленниками.

Таким образом, обособленность ремесленного производства, ограниченность цеховых организаций ремесленников, широкое распространение „буначной" системы, постоянное разорение мелких мастеров, низкие размеры их заработков и частые междоусобные войны феодалов, тяжелая неограниченная налоговая система, произвол беков и духовенства очень отрицательно отразились на положении трудящихся масс. Господствовавшие в стране феодальные производственные отношения в середине 50-х годов XIX века явились главным тормозом развития производительных сил. Эти отношения „...ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы"[86].

Торговля

До 40-х годов XIX века основная часть торговли России со Средней Азией сосредоточивалась в руках среднеазиатских купцов. Русские купцы и торговцы в этот период в основном держали торговлю с населением казахской степи. Среднеазиатские купцы сами приезжали в Россию, торговали на ярмарках Нижегородской и Ирбитской, а также вели торг на меновых дворах Оренбурга и Троицка и в других пунктах Оренбургской и Сибирской пограничных линий.[87]

В 50-х годах XIX века положение резко меняется. В этот период на рынках Бухарского ханства вели торговлю и скупали товары торговые фирмы и объединения Сучковой, Богомазовой, Деева, Морозовых, Хлудовых и др.

Бухарское ханство было центром производства хлопка-сырца и хлопчатобумажных изделий, которые вывозились в Россию. Если в 1841—45 гг. из Средней Азии в Россию было вывезено 572 пуда хлопка, то в последующих 1846—50 гг. количество вывезенного в Россию хлопка достигло 1115 пудов, в 1851—55 гг.—1533 пуда, в 1856—60 гг,—2428 пудов.[88]

Одной из богатейших областей Бухарского ханства по производству хлопка была Самаркандская область, которая сыграла важную роль в торговле ханства хлопком. Оценивая важную роль и положение Самаркандского бекства, Л. Костенко, в 1870 году писал, что „наибольший урожай хлопка существует в Мианкальской долине..."[89])

Кроме того, в 1841—1852 гг. из Средней Азии в Россию было вывезено товаров на сумму 39.000 рублей, а в 1851—1860 гг. эта сумма возросла до 77.000 рублей.[90]

В исторической литературе дореволюционных авторов, а также в отдельных работах советских историков проскальзывает иногда мысль о „застое в среднеазиатской торговле" в 50—60 гг XIX века. Однако данные многих источников, как указано выше, этого не подтверждают, а наоборот, покезывают, что она непрерывно шла к росту.

С 1840—1849 гг. в Бухарское ханство из России привозилось: железа—33,6892 пуда на сумму 305.175 руб., стали—16879 пудов на сумму 26.716 руб., чугуна—45,495 пудов на сумму 52.807 руб., меди—34556 пудов на сумму 305175 рублей и олова—2433 пуда на сумму 13.767 рублей серебром.[91]

---

[84] В. И. Ленин. Полное собранне сочинений, т. 2, стр. 323.

[85] М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX века. М., изд. АН СССР, 1963, стр. 56.

[86] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 135.

[87] М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60 гг XIX века. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 135.

[88] ЦГА УзССР. ф. 715, оп. 1, д. 18, док. 12, стр. 54.

[89] Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб, 1870, стр. 179.

[90] Е. В. Бунаков. К вопросу о сношениях России со среднеазиатскими ханствами в XIX веке. „Советское востоковедение", т. II, М. —Л., 1941, стр. 163—164.

[91] Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб, 1855, стр. 195—204. В книге. ЗРГО, кн. 10.

В результате привоза из России металла и металлических изделий местное производство стало иметь некоторый запас сырья, что послужило толчком для дальнейшего развития ремесленного производства. Теперь ремесленники должны были конкурировать на рынках ханства с российскими изделиями, бороться за улучшение качества своего товара.

На мануфактурах России для Средней Азии изготовлялись ситцы, кумачи, кисеи и плисы.[92]

Итак, главная причина роста торговли между Россией и Бухарским ханством объясняется, прежде всего, тем, что растущая промышленность России требовала расширения сырьевой базы, а Бухарское ханство являлось наиболее подходящим объектом для этой цели. В свою очередь Бухара также нуждалась в различных промышленных товарах России, она искала выгодные рынки для вывоза хлопка, шелка, каракулевых смушек, сухофруктов и других товаров.

Хотя в 70-х годах XIX века между Россией и Бухарским ханством шли военные действия, они на время только тормозили рост этой торговли, но отнюдь они не могли остановить их. Эмир, духовенство и государственные сановники ханства были лично заинтересованы в росте и развитии торговли с Россией. Они на фактах убеждались, что только Россия является наиболее выгодным партнером, способным отвечать их торговым интересам. Поэтому, даже в годы усиления военных действий между обеими странами русским купцам разрешалась свободная торгорля на всех рынках ханства, о чем свидетельствуют отдельные документы. Так например, в конце 1865 года русские купцы, приехавшие на территорию ханства, обратились к эмиру с просьбой о разрешении им покупок на рынках ханства шелка-сырца. „Муборак-номэ" эмира Музаффара Куш—Бегию Мухаммад Шабию от января 1866 года свидетельствует, что русским купцам не только была разрешена покупка на рынках ханства нужного им количества шелка-сырца, но и вменено в обязанность Куш-Беги об покровительстве и содействии этим купцам в деле заготовки ими шелка-сырца, отправляемого в Россию.[93]

Самаркандская область, как один из богатейших районов Бухарского ханства, сыграла важную роль во внутренней и внешней торговле ханства.

Выделение районов земледелия, скотоводства и отчасти ремесла приводило к образованию торговых центров как в

[92] Ф. Азадаев. Ташкент во второй половине XIX века. Ташкент, 1959, стр. 34.

[93] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1 д. 1158, л. 3.

городах, так и в селах. Такими торговыми центрами в Зеравшанской долине были Самарканд, Катта-Курган, Пенджикент, Ура-Тюбе, Янгикурган, Дагбит, Ургут. Особенно Самарканд и Катта-Курган вели обширную торговлю хлебом и различными продуктами сельского хозяйства.

Из городов Бухарского эмирата на базарах Бухары, Самарканда и Карши устанавливались цены на товары и курс денег[94]. В этих городах сосредотачивалась, главным образом, внешняя торговля—оптовая, которая находилась в руках крупных собственников.[95]

Крупными купцами являлись, в первую очередь, сам эмир, его родственники, представители духовенства и сановники, близкие к дворцовому кругу.[96] Они в своих руках сосредотачивали основные отрасли внешней и внутренней торговли. В области торговли после эмира большая доля дохода падала на долю представителей духовенства. Если производство и реализация декоративных изделий из бархата с золотой вышивкой являлась исключительной монополией эмира, то внутренняя и внешняя торговля каракулевыми смушками принадлежала духовенству. Еще при правлении эмира Насруллы было установлено вакуфное господство на товарооборот всех видов каракульских смушек. В ханстве торговля каракулем должна была производиться только через торговый двор (сарай-барра), являвшемся вакуфным владением новой медресе эмира. Купля и продажа каракулевых смушек должна была производиться исключительно только с этого двора.[97] За неповиновение такому приказу виновные строго наказывались. Под страхом убийства и конфискации имущества запрещалась торговля шкурками в других районах страны. В последующие годы, в период правления эмира Музаффара, бывали случаи нарушения этого закона. Поэтому эмир Музаффар своим распоряжением от 1284 года (1867—1868 гг) категорически запретил куплю-продажу помимо этого сарая.[98]

Что касается розничной торговли, то ею занимались более мелкие купцы. Значительная часть торговцев обладала ничтожным капиталом, поэтому вела мелкую торговлю и

[94] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843, стр. 109 161.

[95] М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40–60 годы XIX века М., изд. АН СССР, 1963, стр. 37.

[96] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 1158, л. 2.

[97] Там же, лист 4.

[98] Там же.

переезжала с одного базара на другой. Наиболее крупный базар находился в центре Самарканда.[99]

Наиболее бойкая торговля хлопком происходила на Каттакурганском базаре. В 1868 году здесь было продано 12595 батманов[100] 30 фунтов хлопка.[101]

Торговлей занимались не только на базарах, но и в постоянных лавках, о которых можно судить по следующим данным (таблица № 2):

Таблица № 2

По г. Самарканду		По г. Катта-Кургану	
Наименование лавок	Количество	Наименование лавок	Количество
Белая подкладная бязь	100	Разные лавки	99
Именная посуда	280	Алача, калема	37
Медная посуда и изделия	57	Ситцевые	15
Мясные	130	Ватные	16
Шелки кручен. и размотан.	15	Шорные	14
Краски	30	Сапожные	27
Соль	24	Сапожные мелочи	2
Пуховые чалмы и кушаки	34	Галантерейные	5
Рубашки	37	Ковровые	4
Подкладн. ситцы	29	Шелковые	10
Конские сбруи	29	Шапочные	5
Мыльные	50	Кузнечные	6
Алебастр и известь	11	Чугунные	3
Обувные (муж. и жен.)	13	Железные	12
Кетмени	8	Чайные	13
Чугунные изделия	15	Масляные	13
Тростник плетни	10	Цирульни	6
Нагайки	2	Мыльные	10
Ножи	10	Соль	12
Деревянной посуды	5	Мелочные	36
Чайные	4	Табаки	11
Винные	712	Изделия из глины	6
		Овощные	13
		Фруктовые	9
		Пирожные	1
		Чугунные	2[103]

Как видно из данной таблицы, самые крупные и многочисленные лавки были сосредоточены в Самарканде. Всего по городу насчитывалось 2414 лавок. В них производились оптовая и мелочная торговля.[102] Часть этих ларьков находилась при мастерсаих ремесленников.

[99] ЦГА УзССС, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 124.
[100] Один батман по самаркандскому весу того времени равнялся примерно 8-ми пудам, т. е. 128 кг., а один фунт равнялся 570 гр.
[101] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 11, л. 121
[102] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, лл. 105, 124.
[103] Там же, лист 124.

В городе Самарканде имелось 50 отдельных лавок, которые торговали различными товарами, привезенными из России.[104] Кроме того, 394 занимались сезонной торговлей.[105]

По данным 1868 года из 35 караван-сараев Самарканда только один занимался торговлей шерстью и пухом в грязном виде. Он находился внутри центрального базара и назывался Джюн-сарай и принадлежал частному лицу—одному из крупнейших торговцев Самарканда Мулла-Ариф-баю. Этот сарай состоял из 15 лавок. Каждая из этих лавок могла вместить в себя до 8 батманов шерсти или пуха.[106]

Шерстяными изделиями, кошмами, паласами и коврами торговало также „... около 50 лавок, находящихся на территории вакуфной земли, принадлежащей мечети Гур-и-Эмир. [107]

В перечисленных выше ларьках, в основном, пускались в торговый оборот изготовленные предметы самаркандских ремесленников. Вместе с тем, Самарканд вел бойкую торговлю с соседними и сопредельными странами.

Лучшие разноцветные шерстяные халаты привозились из Афганистана, Ирана, Кабула и Кашмира, суконные—зимние халаты поступали из Ура-Тюбе. Лошадиные попоны и покрывала, паласы и ковры высшего достоинства привозились из Карши и Бухары. Самые дорогие кошмы, в особенности разноцветные, привозились из Джизака, Ташкента и Ходжента. На самаркандских рынках иногда попадались, хотя и в очень малом количестве, тончайшие шерстяные ткани, привозимые из Индии.[108]

Таким образом, в середине XIX века значительно расширилась торговля Самарканда с городами Средней Азии и других соседних государств. Во второй половине XIX века усилились торговые связи Самарканда с Россией, что способствовало подъему его экономики. Несколько позднее буржуазно-купеческая газета „Голос" писала, что „От Екатеринбурга или Троицка, через Петропавловск, Акмолинск, Туркестан и Ташкент к Самарканду ходит ежегодно до 7500 верблюдов и до 3000 арб, перевозя товары и вещи в количестве 150000 пудов и казенной клади из Омска до 10 000 пудов.[109]

[104] Там же.
[105] Там же.
[106] ЦГА Уз ССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 107.
[107] Там же, лист 111.
[108] Там же, лист 115.
[109] Газета „Голос", 1876, N 179. Смотри: Туркестанский сборник, т. 151. стр. 111.

Однако развитию торговли препятствовали плохая система административного управления, низкая и крайне ограниченная потребность основной массы народа, плохое состояние путей сообщения и средств перевозок, частые нападения и ограбления торговых караванов разнообразные, высокие, а также неравномерные таможенные поборы, распространение взяточничества таможенных чиновников, беспрерывные феодальные междоусобные войны и отсутствие доступных кредитов.

В Самарканде купцов с крупными капиталами было мало. Торговцы Самарканда постоянно кредитовались у бухарских купцов сроком на шесть месяцев или на год.[110]

Среднеазиатские купцы в России и русские купцы в среднеазиатских ханствах пользовались неодинаковыми правами.

В 1859 году Министерство иностранных дел России писало бухарскому эмиру, что пошлина с хлопчатобумажного сырца, шелка, привозимых из бухарского ханства в Россию, совсем снята, а с некоторых товаров значительно сокращена. Несмотря на это, права русских купцов в эмирате с мусульманскими были неодинаковыми.[111]

Развитие внешней и внутренней торговли крайне затруднялось отсутствием единой денежной системы и кредитных учреждений. Между купцами существовал принцип кредита—на личное доверие, часто сделки совершались устно, без документального оформления. Но бывали и случаи, когда отдельные купцы при проведении торговых операций оформляли векселя. Например, в 1863 году в городе Оренбурге в нотариальной конторе был оформлен вексель следующего содержания: „По сему моему векселю обязуюсь заплатить в Нижегородской ярмарке сего 1863 года бухарскому купцу Умаржану Камалжанову или его приказу серебром две тысячи рублей. Которую сумму я от его получил сполна лично, в чем и подписываюсь собственноручно... Вышеписанные две тысячи рублей серебром обязуюсь заплатить 20 августа 1863 года. Маллижский торговец Мухамед Юсуф Муртазин Утямышев руку приложил. Перевел толмач П. Акметов".[112] Однако эти факты были единичными случаями. Кроме того, гарантийность его не обеспечивалась тогда правительственными договорами, что затрудняло решение этого вопроса при возникновении ос-

[110] Издание Саратовского коммерческого клуба от 11 сентября 1868 г., № 41. Смотри: Туркестанский сборник, т. II, стр. 56.
[111] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 115, л. 1331.
[112] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 293, л. 11.

ложнения, оно порождало недоверие между кредитчиками и кредиторами.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в силу господства феодальных производственных отношений рыночные связи были слабыми. А это неизбежно накладывало свой отпечаток и на внешнюю торговлю. Низкая покупательная способность населения также сильно отражалась на развитии как внутренней, так и внешней торговли.

Культура

В рассматриваемый период уровень культуры и науки в Бухарском ханстве характеризуется своей отсталостью и ограниченностью феодальными рамками. В этот период Бухарское ханство представляло из себя конгломерат многочисленных родов, племен и народностей. Эти народы в этнографических группах находились в различных условиях развития и отличались совершенно разнообразным уровнем культуры и науки. Многочисленное население в ханстве составляли узбеки, которые по своему составу разделялись почти на 28 родов.[113] Поэтому каждый род и национальные группы имели особенности своей культуры и отличались друг от друга своим уровнем развития. Естественно, застойный характер феодальных производственных отношений и постоянные междоусобные войны оставили свои отпечатки и на уровне развития культуры и науки.

Господствующим классом ханства были феодалы, духовенство и купечество. Они не были заинтересованы в развитии культуры и науки и являлись ярыми противниками просвещения и знания.

Оценивая идеологию господствующего класса, К. Маркс писал: „Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила".[114]

Феодальная клика Бухарского ханства имела в своих руках господствующую идеологию—ислам. Ислам стремился оправдать и возвеличить существующий социально-экономический строй. Вся деятельность духовенства полностью направлялась на угнетение широких масс трудящихся. Духовенство—это паразитическая сила—высасывало богатства трудового народа. Оно ограничивалось только призывом к

[113] Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843, стр. 53.
[114] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, изд. II, М., 1955, стр. 45.

фанатизму и боголюбию, но и в то же время оно как носитель идеологии господствующего класса непосредственно служило ему. Оно власть эмира приподносило трудящимся массам как „божьего наместника на земле" и призывало к беспрекословному подчинению эмиру.

В рассматриваемый период под давлением духовенства приказом эмира Хайдара, а затем и Насруллы были убиты, сосланы и подвергнуты различным наказаниям передовые люди своего времени, как, например, поэтесса Надира, муддарис бухарской медресе Хаджибай, Кази Абдусаид Самарканди, вабкентский муддарис Муминходжа, байсунский муддарис Худайберди, гиждуванский муддарис Фазил и многие другие.[115]

Военно-феодальная клика и выразитель, защитник ее идеологии—духовенство, везде и всюду насаждали фанатизм среди трудового народа, для чего как можно больше открывали и поощряли деятельность религиозных учреждений. В таких крупных городах, как Самарканд, включая и его окрестности, действовало 155 мечетей и 22 медресе,[116] а в Катта-Кургане существовало 22 мечети и около 100 священных мест.[117]

Эти религиозные учреждения служили главным очагом воспитания народных масс согласно законов ислама.

Внутренняя и внешняя обстановка школы соответствовала складу всей общественной и домашней жизни населения[118] как всего Бухарского ханства, так и Самаркандской области.

Срок обучения в медресе занимал около 19 лет. Несмотря на это, многие окончившие медресе не могли быть грамотными потому, что ученики большинство своего времени тратили попусту или на ненужные богословские предметы. Изучение естественных предметов в медресе строго запрещалось. Кроме того, высокая плата за обучение была не по карману детям не только крестьян и ремесленников, но таких расходов и разорений часто не выдерживали семьи, имеющие средства на средний прожиточный минимум. Кроме того, учебный год продолжался всего 6 месяцев и обучение велось нерегулярно, что тоже отрицательно влияло на систематичность обучения.

---

[115] С. Айни. Бухоро инкилоби тарихи учун материаллар. (Материалы по истории бухарской революции), 1926, стр. 15—16.

[116] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 125.

[117] Там же, д. 11, л. 105.

[118] Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 130.

Таким образом, вся система обучения в Бухарском ханстве носила схоластический характер, не имеющий ничего общего с наукой и знанием и обучала своих питомцев богомолению и раболепному подчинению законам ислама. Такой принцип системы образования был большим тормозом для развития производительных сил страны и одной из причин ее крайней отсталости.

Здесь необходимо подчеркнуть, что прогрессивно настроенная часть учащихся медресе по собственному своему усмотрению изучала труды Абдурахмана Джами, Ходжа Хафиза Шерози, А. Навои, Физули, Мирза Бедиля и других, что плодотворно влияло на рост сознания и укрепление их творчества.

В рассматриваемый период к числу таких воспитанников можно причислить поэтов Шавки Каттакургани, Мужрим Обида, Мулла Курбанджон Хироми, Музтари Мири и многих других.

Передовая часть воспитанников мектебов и медресе понимали чаяния своего народа и пытались как-то помочь ему, для чего старались больше изучать различные книги, быть полезными людьми своего века и народа. Они самостоятельно и часто скрытно стремились изучать труды греческих философов, книги по различным вопросам законодательства, географии, истории и литературы.

Наилучшим средством распространения знаний в Бухарском ханстве были книги. В рассматриваемый период в ханстве не существовало книгопечатания, поэтому некоторые, более грамотные люди занимались перепиской в рукописном виде книг, а также их собиранием. Содержательные книги, отражающие интересы трудового народа, являлись их постоянным спутником. С древнейших времен передовые люди специально занимались вопросами собирания уникальных рукописей различного содержания. Такой поступок издавна считался традиционным.

Рукописные книги, переписываемые отдельными писарями-каллиграфами, касались вопросов философии, истории, литературы, естествознания и др.

Однако социально-экономическая отсталость феодального строя не могла не отражаться отрицательно как на вопросы книгопереписки, так книгопечатания. Ибо духовенство строго следило за умом всех людей, независимо от их классового происхождения. Малейшее отклонение от норм законов шариата наказывалось беспощадно. Поэтому по сравнению с книгами по естествознанию среди населения больше были распространены религиозные книги, как „Рашохат", „Тазкиратул авлиё", „Хазинатул асфиё", Сафинатул авлиё", „Мазороти

Самарқанд", „Сайқалнома" и многие другие. Эти рукописи особенно отличались своим религиозно-фантастическим и мистическим содержанием. Они служили в руках духовенства орудием отравления сознания широких масс трудящихся.

Но из приведенных фактов нельзя делать однобокий вывод, что во всем ханстве развивалось книгописание, книгочтение и книгопереписывание только мистического содержания. Наряду с развитием и распространением различных книг мистического содержания трудовой народ несмотря на все жестокости феодального режима и законов шариата, всегда был и оставался носителем передовых идей, создателем материальных благ и передовой духовной культуры. Передовые, подлинно прогрессивные люди, выходцы из гущи народа, стремились идти в передовых рядах борцов против рутины и косности, старались получать пищу из всего, что было создано прогрессивными традициями трудящихся масс. Хотя среди трудового народа грамотные составляли незначительное количество, все же из его среды вышли грамотные переписчики, каллиграфы, содержатели и собиратели ценных книг. Эти люди занимались перепиской, собиранием духовных богатств узбекского, таджикского и других народов. Они, с одной стороны, собирали редкостные экземпляры трудов классиков узбекской и таджикской литературы, и в то же время, занимались перепиской трудов своих современников и их распространением. Например, редчайшее произведение великого узбекского поэта А. Навои „Махбубул кулуб" было переписано очень красиво и распространено среди передовых людей своего времени Мирза Азимом Бухари (1838), Негматулла-Бин Якубом Самарканди (1844) и др.

Самаркандский каллиграф и переписчик Мир—Абдулхай Самарканди в 1825 году переписал замечательную книгу „Чахор девон", а в 1850 году каллиграф Мулла Мукимхан Самарканди переписал величайшее призведение с мировым именем „Хамса".[119]

„Махбубул кулуб", „Чаҳор девон", „Хамса", принадлежащие перу классика узбекской литературы, поэту и мыслителю А. Навои, имевшие мировую славу, были переписаны в свою очередь и распространены в первой половине XIX века. Кроме того, факты свидетельствуют, что труды поэтов Машраба, Хувайдо, Сайкали, Шавки, Амири Гоиби и др. часто также переписывались и переходили из рук в руки.

[119] В. Абдуллаев. Навоинские чтения и последователи Навои в Бухаре в XIX веке. Общественные науки в Узбекистане, 1962, № 4.

Характерная черта и особенность культуры узбекского народа в этот период своеобразно нашла свое отражение в творчестве мастеров строителей, в произведениях и изделиях ремесленников. Разнообразная резьба и узоры, выводимые руками мастеров Самарканда на дверях и изделиях из меди, глины, фарфора, считались гордостью населения и они славились не только в Средней Азии, но и за рубежом.

Таким образом, в условиях относительного застоя феодальных отношений во всем Бухарском ханстве, в том числе и в Самаркандском бекстве, шла ожесточенная классовая борьба между меньшинством населения—классом эксплуататоров и широкими слоями эксплуатируемых трудящихся масс. Такая ожесточенная классовая борьба наблюдалась не только в области социально-экономической и политической жизни, но и в области духовной мысли и культуры трудящихся Самаркандской области.

Налоги и повинности

Грабеж и произвол трудящихся масс особенно ярко проявились в существующей системе податей и порядке их сбора в Самаркандском вилояте.

Сбором податей в Самаркандском бекстве ведал амлякдар и он непосредственно подчинялся беку. Амлякдару подчинялись амины и мирабы. Главная обязанность амлякдара заключалась в сборе хераджа и представления его беку. Должность амлякдара часто выдавалась эмиром, а также беками на откуп. В таких случаях они становились самостоятельными хозяевами положения на местах и пользовались неограниченной властью. Амлякдары и их свита—амины, аксакалы, мирабы, джигиты ежегодно составляли заранее список хозяйств на земельных участках и заранее определяли размеры хараджа как в натуральной, так и в денежной форме. До составления хараджного списка крестьяне не имели права убирать урожай с поля или продать его. После тщательной подготовки к предстоящим сборам амлякдар старался наблюдать за общим ходом работы. После утверждения хараджного списка беком, амлякдары устанавливали сроки уборки урожая по всем районам, которые им обязаны были платить харадж. Собранный урожай тут же на поле собирался в кучки и опечатывался джигитами амлякдара. После окончания уборки и размола всего урожая его делили на две части: на эмирскую и крестьянскую. Размеры этих двух частей устанавливались по различному—в зависимости от многих причин. Виды хара-

жа определялись беком. Обычно в годы обильного урожая бек устанавливал денежную форму хараджа больше, чем количество натуральной, вносимой населением. В годы маловодные и неурожайные больше устанавливались размеры натуральной ренты. Как натуральная, так и денежная рента ежегодно возрастало. Характерным примером этого может служить отчет Самаркандского бека за 1860 год Бухарскому эмиру, опубликованный в работе Л. Н. Соболева. Согласно этому отчету, в 1860—61 гг. казенные доходы со всех 6-ти тюменей Самаркандской области натурой составляли 81500 батманов хлеба, а деньгами—212000 теньги без хараджа от мельниц всего бекства. От всех мельниц поступление составило 24000 теньги.[120]

Это свидетельствует о том, что в 50—60 гг. XIX века в Бухарском ханстве еще господствовала как натуральная, так и денежная форма земельной ренты. Размеры хараджа для каждой области устанавливались лично самим эмиром и ежегодно об этом ставились в известность беки, которые в свою очередь распределяли их по районам в зависимости от пропорции ирригационных систем и поливных земель. Таким образом, „хирадж взимался бухарским правительством с жителей Заравшанского округа в пропорции с объемом оросительной воды от 1/3 до 1/10 части жатвы"[121].

Необходимо отметить, что царское правительство в первые годы после присоединения многих районов Средней Азии, в том числе и Самарканда, к России, многие виды налогов, в том числе хараджные, танапные сборы, по существу не изменило. Для улучшения до некоторой системы работы сборщиков, независимо от размера участков земли и соотношений ирригационных систем был установлен харадж в размере 1/5 части.[122] Поэтому на наш взгляд анализ результатов 1868 года дает в известной степени сведения о положении налогового обложения трудящихся масс Самаркандской области накануне ее присоединения.

Более детально можно проследить размеры хараджа в среднем из расчета 1/5 части урожая, поступавшего в распоряжение русской администрации по двум отделам в 1868 году по данным таблицы № 3.

[120] Л. И. Соболев. Географические и статистические сведения о Заравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. ЗРГО по отд. статистики, том IV, 1874, стр. 434.

[121] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 20, л.29.

[122] Там же.

Таблица № 3

Состояние хараджного сбора в Заравшанском округе в 1868 году

Наименование отделов						
	Самаркандский		Каттакурганский		Всего по Заравшанскому округу	
Виды хараджа	В батманах	Общая стоимость	В батманах	Общая стоимость	В батманах	Общая стоимость
Пшеница	17880	64857	10357	40939	28237	105796
Шала	9002	44935	507	2603	9509	47538
Хлопок (гуза)	1086	8693	983	5562	2069	14255
Ячмень	7679	18430	2905	7200	10584	25630
Прочие продукты	данные отсутств.	22834	данные отсутств	6709	данные отсутств.	29603
Итого:	35647	158939	14752	63073	50399	222012[123]

Хараджный сбор был наиболее крупным налогом, который пополнял не только казну эмира, но и шел на поддержание всего феодального чиновничьего государственного аппарата ханства.

Сверх поземельной подати (хараджа) с крестьян взималась еще подать в пользу администрации. К числу таких податей относится кафсан[124]. В Самарканде кафсан взимался в размере полпуда с каждых десяти батманов (восемь пудов—Т. С.) зерна, а с каждых десяти батманов хлопка-гузы кафсан взимался в размере 15 фунтов[125].

В пользу начальника местной администрации взималась подать кафсани-даруга. Кроме того, дарга—блюститель порядка за собранным урожаем с целью правильного удержания податей в пользу местной администрации, тоже в отдельности получал свою долю.

Прочие лица местной администрации—амины (сборщик податей), аксакалы (староста кишлака), мирзы (писари) с урожая получали также свою долю, так называемый муштак. Крестьянин одну десятую долю урожая обязан был отдавать в пользу духовенства и на содержание мечетей

[123] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. д. 12, л. 127.

[124] Кафсан—один из видов податей взимаемых от населения эмирата в пользу амлякдоров.

[125] С. Айни. Рабы. Собрание сочинений, т. II. М., изд. „Известия", 1960, стр. 468.

При взимании всех этих сборов допускались большие злоупотребления. В результате крестьянин-бедняк после сбора урожая часто не только не был обеспечен минимальным средством питания в течение одного года до нового урожая, но вынужден был часто попадать в кабалу к крупным земледельцам-баям или ростовщикам.

Другим видом налога был танап-пули—денежная подать с огородов и садов, которая зависела от величины танапа. С каждого танапа виноградников и садов взималось 3 рубля 60 коп. Кроме того, от каждых 10 фруктовых деревьев взималось 3 рубля[126]. В 1868 году по Зеравшанскому округу было обложено 24586 танапов орошаемых земельных угодий. От них в этом же году в пользу царской казны поступили доходы на сумму 34233 рубля[127].

Одним из крупных налоговых обложений в Бухарском ханстве, в том числе и в Самарканде, был зякат—государственный поимущественный налог.

Зякат взимался с торговых капиталов в размере 2,5% стоимости товара и от каждого верблюда или арбы с товаром в пользу зякатчи в среднем по 20 коп. С купцов-иноверцев зякат взимался в двойном размере, а иногда и больше, это, конечно, отрицательно влияло на развитие внешней торговли.

При продаже скота зякат взимался с „..двух родов баранов с 40 до 100—одна штука, с 200—три штуки и т. д., а с предметов привозимых на базар и продаваемых на сумму свыше 40 рублей—1/40 часть"[128].

На территории Самаркандского бекства имелось очень много водяных мельниц, которые в пользу казны передавали половину своего дохода[129].

Итак, годовой доход зяката в 1868 году исчислялся в Зеравшанском округе в сумме 31124 рубля[130].

Кроме вышеуказанных зякатных сборов налоги взимались со всех групп рабочего скота, заведений ремесленников и за сохранение товаров в караван-сараях. Размер таких сборов зависел от качества и количества товаров. Например, от пуда шелка взималось по 30 коп., а с хлопчатобумажных и кожаных изделий с каждого 40 тилля стоимости товара по 20 коп. и т. д.[131]

Кроме того, с населения взимались саман-пули с ирригационной пшеницы, чоп-пули—сборы за право рубить деревья в размере 1/8 стоимости срубленного дерева.

Существовали и другие сборы: солевой, базарный, свадебный, для религиозных обрядов и т. д.

Тяжелой натуральной повинностью было поддержание порядка в ирригационной системе. Население должно было исправлять оросительные каналы, а также содержать чиновников, надзиравших за ирригационным хозяйством.

„Каждый житель кишлака, пользующийся долею воды,—писал Д. Н. Лагофет,—обязан помимо уплаты податей принимать участие в выполнении всех натуральных повинностей. Не имеющий возможности принять участия лично, выставляет нанятого для себя рабочего. Отказ от выполнения этих повинностей повлекал за собой потерю права на водопользование"[132].

Обычно в Чупан-ату на ремонт и сооружение ирригационных работ крупные земледельцы работников не посылали, а ограничивались сделкой с чиновниками, ответственными за ирригационные вопросы. Средние земледельцы, которые не принимали личного участия в этих общественных работах, обязаны были платить в среднем 4 рубля с каждого коша[133]. Поэтому главная тяжесть падала на долю трудового народа, потому что большей частью эти собираемые средства от крупных и средних земледельцев присваивались эмирскими чиновниками, а вместо этого они заставляли бедняков трудиться по своему усмотрению.

Кроме того, без исключения все хозяйства Зеравшанской долины обязаны были платить „мардикор-пули", установленный эмиром в 1861 году[134]. Размер „мардикор-пули" для каждого хозяйства, независимо от его доходов, устанавливался в сумме 10 тенег[135]. Однако сановники эмира собирали их с каждого хозяйства в размере не менее 20 тенга и лишнюю часть присваивали[136].

По количеству взимаемых налогов, которые достигали до 55 видов,[137] Бухара славилась на весь мир. Размеры этих поборов определялись по желанию эмира и бека. Все это еще более отрицательно влияло на состояние хозяйства населения и ухудшало бедственное положение

---

[126] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 5, л. 5.
[127] Там же, д. 12. л. 127.
[128] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д, 5, л. 5.
[129] Там же.
[130] Там же, лист 127.
[131] „Туркестанские Ведомости", 1874, № 42.

[132] Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, СПб, 1911, т. II, стр. 84.
[133] ЦГА УзССР. ф. 5. оп. 1 д. 5, л. 5.
[134] Там же, ф. 126, оп 1, д. 1452, л. 1.
[135] Там же.
[136] Там же.
[137] Б. Гафуров и Н. Н. Прохоров. Падение Бухарского эмирата. К 20-летию советской революции в Бухаре (1920—1940 гг), Госиздат Таджикистана, 1941, стр. 24.

народных масс. „Насколько производительные силы туземного населения были истощены принудительными поборами, взимающимися ханами и их ставленниками,—вынужден был писать в своем отчете о ревизии Туркестанского края К. Пален,—можно судить по нынешнему состоянию соседних среднеазиатских ханств"[138].

Помимо бесчисленных поборов жители обязаны были поддерживать в порядке главные магистрали дорог, соединяющие Самарканд с Бухарой и со всей территорией бекства, городские улицы, арыки, водоемы, кладбища, мечети и т. д. В зависимости от требования бека эти повинности выполнялись натуральной повинностью или выплачивались населением деньгами. От таких сборов освобождались духовенство, иностранцы, ходжи, имамы и эмирская администрация.

Таким образом, система взимания налогов и различных повинностей в Самаркандском бекстве, как и во всем Бухарском ханстве, была направлена на всестороннее закабаление всех трудящихся масс в интересах эксплуататорских классов.

Политическое положение Самарканда накануне его присоединения к России

Бухарское ханство, как одно из более сложившихся и сильных ханств Средней Азии, являлось феодальным государством, где „... с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство или ведомство по ограблению других народов и, наконец, ведомство общественных работ"[139].

В 40-х годах XIX в. Самаркандское бекство состояло только из пяти тюменей[140]. Уже в 1868 году, как свидетельствуют источники архива, Самаркандское бекство имело 68 тюменей[141].

На местах бек, назначенный лично эмиром, пользовался всей полнотой государственной власти. В его руках сосредотачивались войска, находившиеся на территории бекства,

[138] К. К. Пален. О недостатках управления Туркестанским краем, стр 20.

[139] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1957, стр. 132.

[140] Бернс. Путешествие в Бухару, пер с англ. ч. 1—3, М., 1848—1849, стр. 293—294.

[141] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 51.

судебные и исполнительные власти, а также вся финансово-хозяйственная деятельность государственного аппарата в данном бекстве[142].

Неограниченное право беков, наделенное эмиром, давало возможность быть им полноправными хозяевами положения в своем бекстве. Они старались как можно больше грабить трудовой народ для своего удовольствия. Такое неограниченное право беков нередко служило одной из основных причин стремления беков к самостоятельности.

К. Маркс, характеризуя восточный деспотизм, писал; „Восточный деспотизм затрагивает муниципиальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность, что-либо делать самому и избавляют от хлопот, связанных с действительным управлением"[143].

Во всем Бухарском ханстве административные лица, начиная от эмира и кончая последним чиновником, из казны зарплату не получали. Поэтому чиновники все свои должности считали источником не только жизни, но и средством обогащения.

Произвол и грабеж, беззаконие и насилие были постоянными спутниками всей функции и деятельности государственного аппарата Бухарского ханства. Характеризуя все бесчинства чиновников Бухарского эмирата, просветитель Ахмад Дониш писал:

„Как говорит пословица, рука руку моет, так и язык и взгляды эмира, визирей и чиновников одинаковы. Ты, читатель, конечно, спросишь: эмир—защитник правды и человечности, что из себя представляет? Как внимательно заглянешь-увидишь, что он мститель и угнетатель, а кази-калан—скуп и коварен. Бессовестный раис также является большим вором и главой головорезов. Миршаб—заядлый картежник и пьяница, является таким же, как остальные..."[144]

Таким образом, государственный аппарат Бухарского ханства полностью выражал волю, интересы класса феодалов, духовенства и упорно защищал созданный эксплуататорским классом политический строй.

Политический строй в Бухарском ханстве характеризуется деспотическим режимом и крайним произволом. Двор-

[142] Там же, ф. 1, оп. 34, д. 29, лл. 59, 70.

[143] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, изд. 2-е, М., Госполитиздат, 1958, стр. 432—433.

[144] Ахмад Дониш. Наводирул-вакое. Фонд Института Востоковедения АН УзССР, инв, № 814, стр. 80.

цовые перевороты, интриги и убийства, борьба феодалов за власть являлись постоянным их спутником.

Отдельные бекства, как например, Шахрисябзкое, Китабское, Каршинское только формально подчинялись Бухарскому эмирату. Неоднократная попытка бухарского эмира, направленная на подавление самостоятельности этих беков, не увенчалась успехом. Ходжент, Уратюбе, Джизак, горные районы Зеравшанской долины, как Матчо, Кштут, Фороб и другие являлись ареной феодальных войн как между среднеазиатскими ханствами, так и соседними странами.

Все эти беспорядки, как правило, приносили трудовому народу неисчислимые бедствия.

Характеризуя внутреннюю политику эмира Музаффара А. Дониш писал, что эмир является деспотом. „Он бросал людей в тюрьмы за малейшее преступление, причем самый малый срок заключения был три года и самый большой — семь лет. А когда же тюрьмы переполнялись, он приказывал казнить заключенных целыми толпами. Он казнил с конфискацией имущества большую часть военачальников, служивших его отцу, а подлецов с рабской душой поставил над народом“[145].

60-е годы XIX века характеризуются обострением русско-бухарских отношений. Это серьезно повлияло на умы широкого слоя населения ханства. Особенно требование эмира Музаффара об очищении Ташкента от русских войск и идеи его присоединения к своим владениям вызвало недовольство среди определенных слоев даже господствующего класса. Особенно недовольны были торговые круги Бухары. Обострение отношений с Россией мешало им реализации скопившихся в ханстве товаров. Видимо, купечество считало, что война с Россией не по силам и не по средствам, а военные неудачи в течение 1865 и 1866 гг. сильно углубляли их подозрения[146].

Подготовка к новой войне с Российской империей требовала от Бухарского ханства неисчислимых дополнительных расходов. Однако и без того эмирская казна пустовала, запасы были израсходованы на прежние военные походы Бухары против сопредельных ханств и царских войск. Так, например, только на оборону Джизака эмиром было израсходовано сто тысяч тенег[147]. Кроме того, армия эмира представляла из себя наёмников, которые получали жалование от эмира.

---

[145] Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Таджикгосиздат, 1960, стр. 45.

[146] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 36, док. 67, л. 265.

[147] Ахмад Махдуми Дониш. Краткая история мангитских эмиров Бухары. Таджикгосиздат, 1960, стр 43,

В рассматриваемый период на территории Самарканда и его окружающих районов была расквартирована бухарская армия, численностью до 20 тыс. человек. Однако эмирская казна, начиная с середины 1867 года, перестала им платить ежемесячное жалование в размере 20 тыс. тенга. Поэтому наемные сарбазы эмира стали часто и беспощадно грабить имущество и скот населения отдельных окружающих районов Самарканда[148], что способствовало усилению ненависти народа против них.

Без того положение народных масс, особенно Самарканда и Зеравшанской долины, было весьма тяжелым. Народные массы страдали от гнета и притеснений бека Самарканда Шир Али-Инака[149], амлякдаров и других сановников. В этот период под лозунгом борьбы против „неверных“, эмир приказал усилить различные налоги и повинности, собираемые с народом. Народная масса платила господствующему классу более 55 видов различных налогов. По крылатым словам С. Айни, в Бухарском ханстве только воздух не облагался налогом. Кроме ограбления народа путем обирания прямых налогов, эмир установил различные дополнительные поборы от населения. Так, например, для организации ирригационных сооружений в Чупанатинских высотах был установлен дополнительный налог в размере 10 тенга с каждого хозяйства. Сборщики эмира собирали с каждого хозяйства по 20 тенга и лишнюю часть присваивали в свою пользу[150]. Кроме того, в этот период на территории ханства был введен налог „джизи“, которым облагались все иностранцы и члены их семей, независимо от их социального происхождения и возраста. Размеры этих налогов, прежде всего, зависели от произвола и желания налогосборщиков и в различных районах страны собирались по разному[151].

Один из основных источников дохода эмирской казны — „зякат“ — со времени усиленного подвоза русских товаров в Ташкент и ослабления внутренней и внешней торговли стал резко уменьшаться[152]. Поэтому эмир в течение 1867 года сделал два раза чрезвычайно тяжелый сбор с купечества[153]. Кроме того, под предлогом перечеканки находящихся в обращении металлических серебряных монет, эмирские чинов-

---

[148] М. А. Терентьев История завоевания Средней Азии, том 1, СПб. 1999, стр. 39.

[149] Шир Али-Инак — брат младшей жены Музаффара был назначен беком Самарканда в начале 1867 года вместо Абдумалика, смещенного эмиром за подозрение в измене эмиру

[150] ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 2475, л. 1.

[151] Там же, д. 1158, л. 5.

[152] Там же, ф. 715, оп. 1, д. 36, л. 266.

[153] Там же.

ники на рынках и в караван-сараях стали покупать все серебряные монеты-чака. После этого стоимость одной бухарской теньги была объявлена равной 132 чакам, вместо прежнего курса одной теньги—равной до 30 чака. Ввиду изъятия серебра из обращения немедленно курс серебряной монеты поднялся до 200 чака. После приобретения всех старых денег эмир выпустил вновь чеканные деньги с обязательным курсом одной тенги равным 32 чака. Эта операция дала эмиру большие прибыли, зато она вызвала поднятие цен на все товары по всем рынкам ханства. Резко снизилась покупательная способность населения[154].

Эмир под видом сборов военной силы в стране ввел налог, так называемый аминона, в размере 1,5% от стоимости движимого и недвижимого имущества. Этим налогом во время военных действий, кроме ремесленников и мелких торговцев, без исключения облагались крупные купцы, духовенство и государственные сановники[155].

Характеризуя внутреннее положение Бухарского ханства и русско-бухарские взаимоотношения в 1866—1867 годах, генерал Крыжановский писал следующее: „Надо... предполагать, что близость Джизака к Самарканду и внутренние неурядицы воспрепятствуют ему (Музаффару—Т. С.) предпринять против нас что-либо серьезное . . . Его нерадивость к делам управления, расточительность и крайне дикий разврат, а также несчастная для него война с Россией породили много недовольных. Целые провинции готовы сбросить с себя его деспотическую власть и ждут только прихода наших к Самарканду, чтобы отбиться явно"[156].

Таким образом, в результате продолжения войны между царскими войсками и Бухарой земледелие и ремесло пришло в упадок. Народ голодал и нищенствовал. Наступление царских войск, русско-бухарские военные действия 1868 года как раз совпали с периодом посевной кампании—сева хлеба, хлопка, риса и других сельскохозяйственных культур. Занятость рабочих рук в рядах армии и для оборонительных работ привели к тому, что большие посевные площади остались незасеянными. А когда прошел сезон посева, многие дехкане вынужденным образом стали уходить со своих насиженных мест в различные отхожие промыслы, в другие районы и города края. А в городе свирепствовали различные болезни, резко повысилась смертность населения.

[154] Там же, док. 112, л 405—406.

[155] А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Труды САГУ, серия II, вып. I. Т., 1929, стр. 48.

[156] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 1, л. 8.

Многие семьи ремесленников остались без своих кормильцев. Участник военных событий 1868 года полковник Пистолькорс вынужден был признать то, что в результате русско-бухарской войны „на пространстве между Джизаком и Самаркандом в два года исчезли даже следы обширных селений, садов, мельниц и караван-сараев, покрывавших эту местность. Потребуются десятки, сотни лет, чтобы восстановить то, что разрушается настоящим положением дела в несколько месяцев"[157].

Население Самарканда, численностью в те годы от 20 до 25 тыс. человек находилось, таким образом, в весьма тяжелом экономическом положении и были политически забитыми. Из этого количества населения города более 6 тысяч человек, по подсчетам А. П. Хорошхина, абсолютно бедствовали[158]. Эта бедняцкая масса населения города являлась и основной движущей силой апрельского и июньского движения 1868 года в Самарканде.

В начале 1868 года недовольство народных масс отдельных районов Мианкальской долины превратилось в волнение, направленное против произвола эмира и господствующих классов[159]. А в апреле 1868 года в городе Самарканде вспыхнуло восстание трудящихся масс против самаркандского бека Шир Али-Инака. Восстание против Шир Али-Инака, прежде всего, было вызвано весьма тяжелым жизненным положением народных масс. Единственным выходом из этого положения они искали в смещении бека другим правителем потому, что Шир Али-Инак, как ярый сторонник активных военных деистий против царской России, лихорадочно готовился к военным действиям, требовал от населения города содержания армии эмира[160]. Кроме того за верную услугу Шир Али-Инаку был обещан пост глав-

[157] ЦГА УзССР, ф. 712, оп. 1, д. 36, док. 112, лл. 405—406.

[158] А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб, 1876, стр. 209—210.

[159] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. I, СПб, 1906, стр. 385; Также, газета „Биржевые ведомости", 1868 г., № 76.

[160] Восстание населения Самарканда против бека и эмира началось в Самарканде еще до момента выступления царских войск из Джизака и встречи их с Бухарским войском на Чупанатинской высоте 1 мая 1868 года. Однако в работе Н. А. Халфина „Присоединение Средней Азии к России" этот вопрос излагается по-иному. По мнению автора, сражение русско-бухарских войск 1 мая 1868 года и „отступление эмирских отрядов из района Самарканда вызвало новое обострение противоречий между различными группировками . . . Дело дошло до вооруженного столкновения между сарбазами бека и духовенством с одной стороны, городской беднотой и отдельными представителями купечества—с другой". Смотри: Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, М., 1965, стр. 234.

нокомандующего бухарских войск[161], а должность бека Самарканда, которую в этот момент занимал Шир Али-Инак, объявлена эмиром, как дарственное место[162]. Это место будет дано тому военачальнику, который, разбив русский отряд, снова займет Джизак. Поэтому Шир Али-Инак лез из кожи вон и старался всяким путем не выпускать из рук такое доходное место—бека Самарканда[163]. А „. . . самаркандский народ из-за гнета Шир Али-Инака написал (эмиру) письмо с мольбой о помощи и с просьбой отстранить (Шир Али) от должности и назначить другого (правителя)"[164].

Однако эмир считал Шир Али-Инака наиболее подходящей кандидатурой в должности самаркандского бека и отказался сменить его с поста бека. Мало того, он наказал ряд противников Шир Али-Инака. Тогда в городе разгорелась открытая борьба. В медресе Тилля-Кари был созван совет, на котором присутствовало несколько тысяч человек[165]. На этом совете представители духовенства, крупные феодалы, сановники требовали активного участия всех слоев населения города в войне против Российской империи. А основная часть среднего и мелкого купечества, ремесленники и народная масса требовали прекращения издевательства, обирания их эмирской администрацией. Она не соглашалась на продолжение военных действий и требовала их прекращения[166]. Сторонники активных военных действий, увидев свое поражение, стали на путь подстрекательства и убили парламентеров Шир Али-Инака. Это послужило поводом для подавления восстания силой сарбазов эмира. Бек приказал сарбазам стрелять в народ и убивать всякого, кто попадется на их пути[167]. В результате кровавой расправы над трудящимся народом было убито и искалечено, по некоторым сообщениям, до 140 человек[168], а по другим сообщениям—до 200 человек[169]. Кровопролитие продолжалось в течение нескольких часов.

После подавления этого восстания внутренняя обстановка, особенно в Самарканде, резко обострилась. В среде господствующего класса определились две противоположные группировки. Духовенство, аристократия, феодалы и государственные сановники, фанатически настроенные сектанты являлись сторонниками решительных действий против царской России. Они старались возбуждать фанатизм у населения и призывали его к священной войне. Этот процесс переплетался с усиливающимся феодальным сепаратизмом отдельных владений ханства. Особенно растет стремление Шахрисябза и Китаба к самостоятельности. При этом беки этих областей Джурабек и Бабабек с одной стороны, стремились сблизиться с Россией[170], а в то же время с другой стороны, пытались поддержать старшего сына эмира Абдумалика, по прозвищу Катта-тюру—ставленника сторонников решительных действий против Российской империи. Сторонники Катта-тюри обвинили эмира Музаффара в нерешительности. В конце 1867 года они сумели организовать выступление фанатиков Бухары против Музаффара[171]. Они требовали смещения эмира и организации активной войны против России. С этой целью на Бухарский престол думали посадить Катта-тюру. Кроме того, эта группировка требовала от эмира заключить союз с Шахрисябзом и добиться его поддержки в войне против России[172].

Купечество, торговые и ремесленные слои населения Самарканда, Бухары выступали против войны, являлись сторонниками тесных мирных экономических и торговых связей с Россией.

С подавлением восстания народных масс Самарканда против Шир Али-Инака в апреле 1868 года временный перевес оказался на стороне группировок решительных действий против России. Эмир под их давлением готовился к войне против России. При этом, по словам документов Серебренникова, он „искал поддержки то у Англии, то у Турции"[173]. А в конце апреля 1868 года эмир сосредоточил на Чупанатинской высоте свои военные силы. В этот момент сторонники приближения с Россией, увидев безвыходность

---

[161] Согласно обещаний Музаффара, любой военачальник, который добьется поражения царских войск и снова овладеет Джизаком, должность бека Самарканда давалась ему в качестве вознаграждения.

[162] Ахмад Махдуми Дониш. Краткая история мангитских эмиров Бухары. Таджгосиздат, 1960, стр. 53.

[163] Хамид Бакаев. Мунтахаб-и тарих и амиран-и мангит. (Извлечение из истории мангитских эмиров). Рукопись собраний АН Тадж. ССР, И—1329, л. 16.

[164] Мирза Абдал Азим Сами. История мангытских государей. М., 1962, стр. 67.

[165] Симонова (Хохрякова). Рассказ о взятии города Самарканда. (Со слов участников дела) В книге: Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных, СПб, 1900, стр. 131.

[166] Ахмад Махдуми Дониш. Краткая история мангитских эмиров Бухары, Таджгосиздат, 1960, стр. 56.

[167] Хамид Бакаев. Цит. работа, лл. 18—20.

[168] Л. Симонова. Цит. работа, стр. 132.

[169] А. Гребенкин. Таджики, см. в книге: Русский Туркестан, вып. 1, М., 1872, стр. 15—16.

[170] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 1, л. 9, также, ф. 5, оп. 1, д. 4, л. 228.

[171] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 36, л. 265.

[172] Газета „Русский инвалид" за апрель 1867 год, № 53.

[173] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 36, док. 67, л. 269.

своего положения, тайно решили послать письмо Кауфману, где сообщали, что „они желают, чтобы он занял Самарканд"[174]. Кроме того, они выделили специальных представителей для извещения генерал-губернатора Кауфмана о добровольной сдаче Самарканда[175]. Этот факт также подтверждается Кауфманом[176].

Таким образом, как видно из вышеуказанных фактов, царское командование, начав военные действия против Бухарского ханства, опиралось на враждебное настроение народа против эмирских властей, феодалов и реакционного духовенства. Поэтому оно считало, что при подобных ситуациях Россия может очень легко и с небольшими потерями занять Зеравшанскую долину, ее центр—город Самарканд и этим самым окончательно обезоружить эмира, отделить его от главной материальной базы.

[174] Мирза Абдал Азим Сами. Цит. работа, стр. 70.
[175] Л. Х. Сыромова. Рассказы очевидцев о завоевании русскими Самарканда и о семидневном сидении. Исторический вестник, 1904, сентябрь, стр. 844—865.
[176] ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 106, л. 5, обр. л. 8.

ГЛАВА II

ПРИСОЕДИНЕНИЕ САМАРКАНДА К РОССИИ

Взаимоотношения Бухарского ханства с Россией и сопредельными странами накануне присоединения Самарканда к России

В середине XIX в. в России усилился процесс капиталистического развития. До реформы 1861 года в экономике России, хотя преобладали крепостнические отношения все же, с одной стороны росла, сельская буржуазия, с другой, формировался пролетариат.

О росте рядов пролетариата в пореформенной России свидетельствует тот факт, что если в 1820 году в промышленности России насчитывалось всего лишь 179,6 тыс. рабочих, то уже в 1861 году их было 522,5 тыс. человек[1].

Крестьянская реформа была крупным шагом по пути превращения России в буржуазную монархию. После реформы 1861 года—„Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка"[2].

„... Развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века"[3].

Русская буржуазия, заинтересованная в расширении рынков сбыта и источников сырья, требовала от правительства новых территорий и рынков. В. И. Ленин писал: „Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны"[4].

[1] П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., Госполитиздат, 1950, стр. 436—439.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 3, стр. 597—598.
[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 20, стр. 174.
[4] В.И Ленин. Полное собрание сочинений, том 8, стр. 593.

Развивающейся промышленность России остро нуждалась в сырье. Сокращался вывоз русских товаров, в первую очередь текстильных изделий. Только за два года (1862-1863) их экспорт уменьшился на 25%[5]. Следует иметь ввиду, что 66% процентов вывоза России, а если не считать вывоза в Финляндию, тогда 95% шли в Азиатские страны[6]. Поэтому для развивающейся России приобретение новых внешних рынков и источников сырья стало неотложным вопросом дня.

В начале 60-х годов XIX века внешнее и внутреннее положение России более резко изменилось потому, что Англии удалось создать широкую антирусскую коалицию, в результате чего восточный вопрос окончательно был проигран для царской России. Однако в этот период царскому правительству, все-таки, удается привлечь на свою сторону Пруссию и Францию. Это дало возможность предотвратить угрозу второй Крымской войны и способствовало активизации проникновения России в Среднюю Азию.

„Не подлежит никакому сомнению, что конечная цель всех действий наших в Средней Азии,—писал от 15 августа 1870 года в записке генерал-майор Свищинский,—есть открытие новых рынков для нашей торговли и проложение к ним возможно удобнейших путей.

В действительности для достижения этой цели можем мы настаивать и на политическом преобладании Средней Азии, необходимость которого для России привыкли у нас считать аксиомою[7]".

Как указывал В. И. Ленин, стремление капиталистической России к захвату новых обширных районов Средней Азии не было стихийным явлением или „выдумкой" некоторых государственных деятелей, а всецело определялось положением о свойстве капитализма развиваться не только вглубь, но и вширь так, как „... капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России"[8].

---

[5] Ф.А. Азадаев. Ташкент во второй половине XIX века. Ташкент, 1959, стр. 63.

[6] Е.В. Бунаков. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. Журн. „Советское востоковедение". том II, изд. АН СССР М.—Л. 1941, стр. 23.

[7] ЦГВИА, фонд 483, оп. 1, д. 109, л 49.

[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 3, стр, 595.

В России, несмотря на высокие темпы развития капитализма, в сельском хозяйстве бытовали отсталые формы полукрепостнических отношений и политическое господство помещиков-дворян. Сохранение помещичьего землевладения и рост кулацких хозяйств создавали острый недостаток в земле. Крестьяне вынуждены были идти к помещикам и кулакам на кабальные работы. Кроме того, крестьяне подвергались телесным наказаниям. В. И. Ленин писал, что „Остатки старого крепостного порядка страшно еще велики в нашей деревне ... Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному земледельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка"[9].

Сохранение старых, крепостнических форм ведения хозяйства в большинстве районов России резко тормозило образование внутреннего рынка и развитие капитализма вглубь. В приобретении новых обширных районов Средней Азии были заинтересованы не только фабриканты и заводчики, но и помещики-дворяне внутренних губерний, так как включение новых хозяйственно-отсталых районов в сферу капиталистического производства могло смягчить острые противоречия в пореформенной деревне центральной части России.

С начала 60-х годов XIX века окончательно определилась огромная роль Средней Азии как сырьевой базы для русской хлопчатобумажной промышленности. До этого времени США производили 86% хлопка по земному шару. В США под хлопком в 1858—1859 годах было занято 2.370 тыс. десятин земли и валовой урожай хлопка в эти годы составил уже 40.4 млн. пудов[10]. Из данного урожая в США в 1860—1861 годах за границу было вывезено 41.3 млн. пудов[11] хлопка. Начало хлопкового кризиса на мировом рынке, возникшего в связи с гражданской войной в США 1861—1865 гг., тяжело отразилось на развитии русской хлопчатобумажной промышленности потому, что вывоз хлопка почти прекратился, а цены на его чрезмерно повысились. Если в 1862 г. пуд хлопка на мировом рынке в среднем стоил 21 р. 31 коп., то в 1864 году он стоил уже 30 р. 37 коп[12].

Если цена одного пуда местного хлопка на российских

---

[9] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 6, стр. 311.

[10] М. П. Федорова Хлопководство в Средней Азии. Спб, 1898, стр. 19.

[11] Там же, стр. 21.

[12] Там же, стр. 21.

рынках в 1862 г. была 5 р. 43 коп., то в 1867 году — 14 р. 18 коп[13]. Необходимо учесть и такой существенный факт, что после окончания гражданской войны в Северной Америке она не могла обеспечить потребность других стран хлопком-сырцом, потому что удельный вес хлопка в США упал с 86% до 65% в мире[14].

Хлопчатобумажная промышленность России, свыше чем на 90% работавшая на американском сырье, оказалась в катастрофическом положении. Такая угроза усилилась потому, что в 1860 году в текстильной и хлопчатобумажной промышленности России „... готовился кризис, причиною которого было производство, несоответствовавшее потреблению ...“[15] после восточной войны, особенно в 1860 году обнаружился „застой“ в промышленности и торговле[16]. Газета „Москва“ в статье „О среднеазиатском хлопке“ отмечала, что до 50-х годов XIX века в Россию привозилось около 25000 пудов хлопка из Средней Азии. Только „Крымская война указала нам впервые, — подчеркивала газета, — чем мы до сих пор пренебрегали, ибо при затруднениях в доставке хлопка американского, мы вывезли из Средней Азии 150 000 пудов в 1855 году и с этого времени привоз его уже не уменьшался, а во время междоусобной войны в Америке одна Бухара доставила нам 500 000 пудов. В настоящее время мы получаем азиатского хлопка 1.100000 пудов, т. е. 1/3 всей потребности в сыром метериале нашей хлопчатобумажной промышленности“[17].

Как показывают эти данные в годы хлопкового голода, привозимый хлопок-сырец из Бухары в Россию составлял почти 50% всего импортируемого хлопка в Россию[18].

Такой значительный рост потребности русского рынка на хлопок очень положительно повлиял на быстрый рост сельского хозяйства Бухарского ханства. В этот период особенно резко расширяется посевная площадь под хлопчатником в Самаркандском бекстве[19].

Таким образом, можно заключить, что непрерывный рост мирового спроса на хлопчатобумажные товары застал л царскую Россию, как одну из крупных стран мира по текстильному производству, особенно обратить свои взоры на Среднюю Азию.

[13] М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1875, стр. 113.
[14] М. П. Федорова Хлопководство в Средней Азии. Спб., 1898, стр 21.
[15] Газета „Москва“ 1867, № 86.
[16] Газета „Русский инвалид“, 1864, № 54.
[17] Газета „Москва“, 7 марта 1868 № 52.
[18] Всемирная история, т. VI. М., Соцэкономиздат, 1959, стр. 503.
[19] Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. ЗРГО, том IV, отдел статистики, 1874. стр. 450—453.

Однако внешнеполитический курс царизма в Средней Азии прямым образом сталкивался с интересами Англии, Турции, Ирана и других государств, стремившихся проникнуть в среднеазиатские ханства и организовать различные враждебные действия против России. В этом направлении особенно усиливается англо-русское соперничество, как в международном масштабе, так и в Средней Азии, а также на Ближнем Востоке.

Угроза овладения англичанами рынков Средней Азии вызвала большое беспокойство в России, как среди представителей царской администрации, так и среди русских купцов и фабрикантов.

В 1850—1860 гг. Англия, прочно укрепив свои позиции в Индии, вышла на подступы к Афганистану и разрабатывала планы большой войны не только с Афганистаном, но и открыто готовила агрессию в Средней Азии. „Англия в 1852 году попыталась создать против России союз Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств“[20]. К этому времени стало известно, что кокандский хан обратился за помощью к турецкому султану и бухарскому эмиру за помощью о возвращении Ак-Мечети.

Оценивая угрозу создания коалиции среднеазиатских владений против царской России, 3 января 1854 года председатель Оренбургской пограничной комиссии, ссылаясь на сообщение своих агентов, писал:

„Есть слухи, что Худоярхан просил у Бухарского эмира помощи, чтобы возвратить Ак-Мечеть, но получил отказ. Хивинский хан также настаивал у эмира о помощи противу туркменов города Мавера и помощь сия была даже обещана, однако эмир ходил потом вместо Мавера под Шахрисябз и тут будто бы дружественные отношения с англичанами и даже вступил с ними в тесные связи, впрочем сведения об этом довольно темные“[21].

Царское правительство очень беспокоили сведения о дружественных сношениях Бухары и Англии. Поэтому правительство поручило Оренбургскому генерал-губернатору основательно проверить эти сведения[22].

В секретном донесении от 8 января 1854 года, Оренбургский генерал-губернатор Перовский управляющему Минис-

[20] С. Раджабов. Присоединение Средней Азии к России. В кн.: Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959, стр. 23.
[21] ЦГА УзССР ф. 715. оп. 1, д. 15, док. 3, л. 31.
[22] Там же, л. 32.

терства иностранных дел тревожно сообщал „... что кокандцы всеми силами стараются вовлечь в войну с русскими, как Хиву так и Бухару, с этой целью посланцы их беспрестанно едут туда и в половине ноября были даже в Ходженте ... в Бухару приехали недавно агенты турецкого правительства и возбуждали эмира, воспользовавшись настоящими обстоятельствами[23], напасть на русские владения"[24].

Англия и Турция не ограничивались только посылкой своей агентуры. Они старались и материально поддерживать Хиву, Коканд и Бухару, для ведения борьбы против России.

В ответ на посылку хивинского посольства в Турцию в 1853 году она прислала "... трех мастеров пушечного дела, двух турок, а третьего англичанина, которые и отлили уже для хивинцев несколько орудий"[25].

Энергичные приготовления Коканда к войне и угроза бухарско-хивинского сближения, ставили царское правительство перед необходимостью послать в Хиву и Бухару официальных агентов для противодействия турецким эмиссарам[26].

По указке Англии Турция стремилась возбудить в ханстве недоверие к России[27]. Но эти действия еще не могли резко отразиться на внешнюю политику Бухары. Эмир старался не обострять взаимоотношения с Россией. Хотя царское правительство не верило в искреннюю дружбу бухарского эмира к России, все же, как свидетельствует докладная Перовского, царизм признавал, что Бухара не имеет ни поводов, ни выгод изменять дружественным отношениям с Россией[28].

Еще более подтверждается этот факт тем, что в августе 1854 г. Перовский западно-сибирскому генерал-губернатору сообщал о предложении Хивы и Коканда бухарскому эмиру заключить тройственный союз против России[29]. Эмир бухарский на это ответил отрицательно, заявив о своем дружественном расположении к России и об отсутствии повода к разрыву с ней отношений[30].

Бухарский правитель хорошо понимал все выгоды дружественных торговых отношений с более развитой Россией.

[23] Видимо, имеется в виду Крымская война (1853—1856 гг.).
[24] ЦГА УзССР, ф. 715. оп. 1. д. 15 док. 5, л. 35—36.
[25] ЦГА УзССР, ф. 715. оп. 1, д. 15. док. 22, л. 76.
[26] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. Исторические записки, № 9, изд. АН СССР, 1940, стр. 201.
[27] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, 1854, д. 15, док. 33, л. 99—103. Так же, док. 34, л. 104.
[28] Там же, д. 15, док. 5, л. 38. Так же док. 75.
[29] Там же, д. 15, док. 97, л. 205.
[30] Там же, л. 206.

Поэтому все новые и новые караваны отправлялись в пределы России.

Для расположения к себе царского правительства, эмир Насрулла кроме торговых караванов неоднократно посылал и посольства. Например, в 1857 г. было послано посольство в Петербург, секретарем которого являлся Ахмад Дониш. Насрулла поручил Ахмаду Донишу изучать „... внутренние порядки, хорошо присмотреться к государственному устройству"[31] России.

Усиленная попытка Бухарского эмира сблизиться с Россией объясняется не только задачей развития торговых отношений, но и двойственной политикой британских правящих кругов в этот период. После провала идеи создания тройственного союза Англия старалась поддержать наступление афганских феодалов на левобережье Аму-Дарьи. Дело дошло до того, что бухарское правительство вынуждено было в дальнейшем обратиться к России с ходатайством о помощи в борьбе против английских домогательств[32].

Особенно после заключения неравноправного договора между Англией и афганским эмиром Дост Мухаммедом англичане всячески стремились направить Афганистан против Бухары. Такая зависимость Афганистана от Англии еще глубже пускает свои корни, особенно после заключения в 1857 году нового соглашения, ликвидировавшего политическую независимость Афганистана, и направленного против России и Ирана[33]. Наглость Дост Мухаммеда при поддержке Англии переходила всякие границы. В донесении от 27 декабря 1865 г. военный губернатор Оренбурга военному министру сообщал, что в конце мая 1859 г. Дост Мухаммед посылал в Бухару миссию с требованием о выдаче Шахрисябза его прежнему владетелю, а Ура-Тюбе—Кокандскому хану. Кроме того миссия требовала от Насруллы выдачи афганцам крепостей Керки и Чарджуй для готовящейся якобы войны против России[34].

Насрулла отверг это требование Афганистана. Между Афганским и Бухарским ханством в 1860 году вспыхнули военные действия. В этот момент Кокандский хан сделал безуспешную попытку овладеть снова Ура-Тюбе. Непрочность тыла принудила эмира Насруллу прекратить военные действия против афганцев. Предложение Бухары о выступлении против афганцев совместно с Россией не встретило поддерж-

[31] Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное, Таджикгосиздат, 1960, стр. 61.
[32] Н. А. Халфин Политика России в Средней Азии. М., 1960, стр. 52.
[33] Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX в. М., 1958, стр. 244.
[34] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 22, л. 35.

ки в Петербурге, так как царизм усиленно сам готовился проникнуть в Среднюю Азию. При этом царизм преследовал в основном открыть „широкий и легко доступный путь отечественной торговле и промышленности вглубь Средней Азии"[35].

Правящие правительственные круги царской России не скрывали истинные цели и главную задачу наступательной политики царских войск против Бухарского ханства. Поэтому директор Азиатского Департамента Министерства иностранных дел в записке от 16 апреля 1863 года по поводу отношений царской России к Англии по среднеазиатскому вопросу также подчеркивал, что уступка ко всяким требованиям Англии относительно Средней Азии может отрицательно повлиять на достижение главной и окончательной цели царской Россией в Средней Азии, а именно „... процветание в тех краях русской торговли"[36].

Однако реализация царского плана натолкнулась на некоторые разногласия среди правящих кругов России. В свою очередь военное ведомство и тесно связанные с ним лица считали необходимым принятие решительных мер завоевания Средней Азии. А другая группировка в лице царской дипломатии требовала проведения выжидательной политики и предупреждала правительство о возможных осложнениях между Россией и Англией при продвижении царских войск вглубь территории среднеазиатских ханств.

Военный министр писал министру иностранных дел Горчакову: „... Не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они это делают"[37]. Сторонники решительных действий добились все же согласия царя на завоевание Средней Азии. В 1864 году были соединены Оренбургская и Сибирская пограничные линии.

В начале 1865 года эмир сосредоточил свои войска в Самарканде.

Обстановка исключала возможность союза между Бухарским и Кокандским ханствами для их совместного действия против России. Внутриполитическая борьба позволяла дальнейшее наступление царских войск в Ташкенте и рассчитывала на то, что русские войска не встретят серьезного сопротивления в случае осады или штурма города.

[35] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 91—92.
[36] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 39, л. 52.
[37] Д. А. Милютин. Дневник, т. I. М., 1947, стр. 35.

Поддержка бухарского отряда оказанная Ташкенту не могла удержать движение русских войск. 15 июня 1865 года Ташкент был занят царизмом. В тот же день к Черняеву явилась делегация от сторонников русской ориентации с изъявлением покорности. Теперь русские владения вплотную подошли к границам Бухарского ханства.

Захватив Ташкент, царизм уже непосредственно ставит своей целью распространение своего господства и на территории Бухарского ханства. Позднее, выражая волю господствующих кругов России, царский чиновник Глуховский писал:

„Для утверждения русского влияния в Бухаре, необходимо принять меры более действительные, чем трактаты и содержание консула в Бухаре. Из мер главные две, а именно: 1) немедленно завоевать Бухарское ханство, 2) поставить это ханство в вассальные к царской России отношения. В соответствии с этим для России необходимо: первое, утвердить свое господство на берегах Аму-Дарьи; второе, не допустить утверждения в Бухаре влияния какой-либо другой европейской державы; 3) обеспечить жизнь и имущество как своих подданых, так и по возможности, жителей Средней Азии; четвертое, развить русскую торговлю. Если русские будут господствовать в Бухаре, то Хива падет и окажется в русском распоряжении.

Упрочнению русского влияния на бухарского эмира послужили бы: 1) перенесение местопребывания эмира из Бухары в Самарканд и 2) запрещение строить крепости в долине р. Зеравшана"[38].

30 января 1866 года русские войска под командованием Черняева двинулись к Джизаку. Одновременно было направлено второе письмо на имя эмира с требованием освобождения членов миссии Глуховского, высланное в октябре 1865 года в Бухару. Боясь быстрого движения русских войск, правитель Бухары вынужден был послать гонца в Бухару для того, чтобы ее привести в Самарканд. Вскоре Глуховского и его людей перевезли в Самарканд, где они были приняты самим эмиром. При новых переговорах эмир потребовал от посольства уступки всех мусульманских земель до Семипалатинска и Оренбурга[39].

Невежество и глупость чиновников государственного аппарата Бухары можно было заметить и наблюдать всюду, где сталкивались с ними члены русской миссии. А. Глухов-

[38] Глуховский. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. Спб., 1867, стр. 31—34.
[39] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 57, л. 202.

ский в своих воспоминаниях пишет, что государственные вельможи Бухары, узнав о том, что член посольства астроном К. В. Струве при себе имеет телескоп совершенно переполошились. Они полагали, что „... телескоп переворачивает город вверх так, что все можно видеть, что делается на улицах и в домах, сколько в городе жителей сколько войска"[40].

Итак, пленение миссии Струве—Глуховского в Бухарском ханстве дало Крыжановскому повод для особых нареканий на своеволие Черняева. Поэтому под предлогом „понуждения эмира" к освобождению послов Черняев предпринял демонстрацию: в начале января 1866 г. он двинул к Чиназу стрелковый батальон, а затем, перебросив туда дополнительные силы, форсировал Сыр-Дарью и осадил крепость Джизак[41].

Слабые попытки штурма крепости Джизака были отбиты бухарскими войсками, которые также затрудняли Черняеву проведение фуражировки. В середине февраля 1866 года, исчерпав запасы снаряжения и фуража и преследуемый бухарской конницей, Черняев был вынужден отступить на правый берег Сыр-Дарьи[42].

Первая крупная битва между царскими войсками и армией эмира произошла в урочище Ирджар. В этом сражении (8 мая 1866 года) бухарские войска под командованием самого эмира потерпели полное поражение. Главная причина поражения бухарской армии заключалась в том, что, как справедливо указывает А. Дониш, Бухара технически отставала от России на несколько веков, экономически эмират не был подготовлен к войне, а эмир был тупоумом и глуп, занимался самохвалением и легкомыслием[43].

После Ирджарского сражения новый начальник Туркестанского военного округа Романовский, назначенный вместо генерала Черняева, сразу же повел активную экспансионистическую политику, которая полностью поддерживалась царскими высшими правительственными кругами[44]. Вместе с тем Романовский предлагал мирные переговоры с Музаффаром так, как уже 19 мая посольство Глуховского—Струве было освобождено из под надзора. При этом русской миссии было известно, что эмир не согласен иметь в своих

[40] А. Глуховский. Плен в Бухаре. Спб., 1866, стр. 97.
[41] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии. М., 1960, стр 222.
[42] А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана, стр. 239—240.
[43] Ахмад Махдуми Дониш. Краткая история мангитских эмиров Бухары. Душанбе 1960, стр. 49.
[44] „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания", т. 21, стр. 240. Записка Милютина от 30 мая 1866 г.

владениях русских консулов, об интересах русских купцов будут заботиться чиновники эмира, эмир устроит таможню на реке Сыр-Дарье и что он будет считать границей между своими и Кокандскими владениями реку Ак-Су[45]. Кроме того эмир в целях развития торговых отношений обещал немедленно отпустить всех русских купцов, задержанных в Бухаре[46].

В результате поражения бухарских войск в 1866 году, авторитет эмира очень резко ухудшился. Характеризуя плачевное положение Музаффара газета „Московские ведомости" писала:

„После ирджарского дела, в котором бухарский эмир сам командовал войсками, почему весь стыд поражения по понятиям среднеазиатцев, пал на него, эмир живет в Самарканде, опасаясь жить в Бухаре. Война эмира с Россией в 1866 г. имела для него самые гибельные последствия: он лишился не только нескольких городов и крепостей, как-то Нау, Ходжента (отнятых им у кокандцев), Джизака, Ура-Тюбе, но от него совершенно отделилась горная область Шахрисябз ... Находясь в Самарканде эмир держит при себе в сборе до 10 000 войск ..."[47].

После Ирджарского сражения царское правительство предъявило эмиру предварительное условие мира[48].

В проекте этого договора кроме территориальных аннексий специально включались пункты о выплате военной контрибуции для того, чтобы в случае необходимости заменить ее любым другим условием[49].

Во второй половине июля 1866 года Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в письме на имя Романовского указывал о том, чтобы он не шел на уступки эмиру, а решительно требовал от него заключения договора с Россией[50].

17 августа 1866 года Крыжановский приехал в Ташкент для осуществления намеченных захватнических планов. 12 сентября он предъявил эмиру Музаффару ультиматум: в десятидневный срок выплатить контрибуцию (100 тысяч бухарских тилл)[51]. Кроме того Крыжановский резко потребовал

[45] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 57, л. 201.
[46] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии. М., 1960, стр. 223.
[47] Газета „Московские ведомости", 1867 г., № 111. „Туркестанский сборник", 1868 г., т. 1, стр. 86—87.
[48] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 36, л. 292—296.
[49] Д. И. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу. Спб., 1868, стр. 76.
[50] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Том 1. Спб., 1906, стр. 362.
[51] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 1, л. 24.
[52] Там же, л. 78.

от эмира, чтобы он „... немедленно отодвинул войска в Самарканд, убрал все шайки, воспретил препятствовать свободному ходу караванов и тогда постигнет возможность восстановить прежние мирные отношения“[52]. Конечно, эмир этого ультиматума выполнить не мог. Повод началу военных действий для Крыжановского был открыт.

После взятия Ташкента, зачирчикских районов, Ходжента, Нау и Ура-Тюбе, Джизак был признан пограничной крепостью Бухары и даже воротами Самарканда. Описывая отдельные детали подготовки Джизака к обороне А. Дониш справедливо упрекал эмира в слепоте, так как, по словам А. Дониша, войска эмира были растянуты на расстоянии до двух фарсангов и расчленялись на мелкие раздробленные части, к тому же они не были подготовлены к ведению военных действий с регулярными войсками.

Разнонародная армия эмира абсолютно не знала тактику ведения войны, тем более тактику ведения оборонительных действий. Кроме того армия Бухарского ханства представляла из себя сброд наемников и по своему составу была разнородной. В ней служили: туркмены-кочевники, иранцы-рабы, а также отряд афганцев во главе с Искандерханом[53], внуком афганского эмира Дост Мухаммеда, двоюродный брат тогдашнего эмира Афганистана Шир-Али-хана.

По сведениям А. Дониша начальником гарнизона Джизака был назначен Якуб-Куш-Беги, который абсолютно не знал военное дело и даже не слышал ружейного выстрела. А. Дониш с презрением подчеркивает, что „даже самый последний мусульманский воин постыдился бы служить под его началом“[54].

Эмир Музаффар в этот период изо всех сил старался удержать русские войска на подступах Самарканда к городу Джизаку. Поэтому он выступает с призывом начать свя-

[53] Он ушел из Кабула после неудавшейся попытки занять афганский престол противниками Шир-Али-хана. Искандерхан нашел убежище в Бухаре, Музаффар назначил его командиром афганского отряда, сформированного еще задолго до его приезда из числа афганских эмигрантов, согласившихся служить наемными пукерами бухарскому эмиру. Этот отряд в 150 человек участвовал в Ирджарском сражении, затем по указанию эмира был выслан в Нур-Ату для подкрепления. Отряд Искандерхана также, как сообщал А. Дониш, был переброшен для обороны Джизака.

[54] А. Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Таджгосиздат, 1960, стр. 49; По другим источникам, а именно по сведениям историка Мирза Сами и русского буржуазного военного историка М. А. Терентьева, командующий войсками Джизака был назначен Аллахайр-Диванбеги. В военных действиях при Джизаке безусловно Аллахайр-Диванбеги принимал участие, как один из военачальников, но отнюдь не являлся главнокомандующим. Также см.: Мирза Сами. История мангытских правителей. М., 1962, стр. 62, 65; М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. 1, Спб., 1906, стр. 376.

щенную войну против неверных, делает попытку объединить усилия отдельных беков и феодалов. Эмир надеялся на помощь духовенства и феодалов не только внутри ханства, но и за его пределами, занятыми русскими войсками. Эти планы эмира отражены в секретном письме Джизакского бека Мухаммад Якуба-Куш-Беги главарю антирусской партии Зачирчикского района Мулле Сафару от 31 января 1866 года. В нем говорится:

„Эмир, приехавший в Самарканд, сделал распоряжение известить всех мусульман, которые отозвались, что они готовы к службе ...; о высылке сюда войск сообщено Нуратинскому беку. У меня также тысяч пять войска уже готово; когда же русские войска продвинутся с Дарьи сюда, тогда Худоярхан и Аллаяр—джизакские беки со своими войсками и джигитами и другими желающими присоединятся к нам на Нур-Ате, таким образом, мы окружим с обоих сторон и всех их уничтожим. Какие от меня Чусирбай доставит Вам сведения тому верить“[55].

Однако в самом лагере эмира, даже среди военачальников не было единства. Часть из них предлагали“ ... не отсиживаться в крепости, а дать бой за ее стенами“[56], а другие наоборот, требовали укрепляться только внутри крепости.

Однако бездарные беки и вельможи, с горечью пишет Мирза Сами, „... старались закрыть входы в проломы. Все ворота они засыпали земляными валами и спокойно отдыхали за стенами крепости“[57]. По их убеждению, Джизак при такой подготовке стал неприступной крепостью и русская армия не в силах овладеть ею. Однако первые горячие бои показали абсурд и не состоятельность бухарских войск выстоять перед военной техникой штурма русских войск. „Ударами (пушечных) ядер русские разрушили крепостную стену, сравняв ее с землею в глубокий ров и ворвались в крепость. Как только осажденные храбрецы увидели русских (им) ничего не оставалось, как бежать, подобно ослу, убегающему от льва и прятать головы под мышку друг другу“[58].

Таким образом, 18 октября 1866 года был взят Джизак. „Русские после занятия Джизака похоронили убитых

[55] ЦГА УзССР, ф. 450, оп. 1, д. 2, л. 113.

[56] А. Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Таджгосиздат, 1960 стр. 56.

[57] Мирза Абдал Азим Сами. История мангытских государей. М., 1962, стр. 64.

[58] Там же, стр. 65.

мусульман, вылечили раненых, захватили брошенное имущество и стали приводить (его) в порядок"[59].

Несмотря на неумелую подготовку, оборона Джизака резко отличалась от обороны других крепостей в Средней Азии, с которой пришлось столкнуться русским войскам. Царский военный специалист М. А. Терентьев причину такой подготовки связывает с вмешательством иностранных держав, а именно Англии[60].

Уроки Джизакского сражения были поучительны и для обоих сторон. Теперь эмир Музаффар понял, что перед ним сильный соперник, который намерен начатое дело довести до конца. Поэтому он старался привлечь на свою сторону для ведения войны с Россией своих соседей как Афганистан, Восточный Туркестан, Хиву и Коканд. Кроме того, он надеялся на получение помощи от султанской Турции, которая поддерживала тесную связь с Англией[61].

Поражение бухарских войск и взятие Джизака создало большую реакцию внутри господствующих кругов Англии, Турции, Афганистана и среднеазиатских соседей Бухарского ханства. Оценивая создавшееся положение Крыжановский из Оренбурга в своей докладной записке на имя князя Л. М. Горчакова 8 декабря 1866 года писал:

„Можно надеяться, что со стороны Коканда, отрезанного взятием Джизака от Бухары, мирные сношения не скоро будут нарушены, со стороны же бухарского эмира, имеющего постоянные и прямые сношения с Кабулом и с англичанами, нельзя ожидать добровольного и откровенного с нами сближения"[62].

Бухарское ханство в 60-70 годах XIX века стремилось также установить дружеские взаимоотношения с Восточным Туркестаном.

Царская Россия усиленно старалась обеспечить изоляцию Восточного Туркестана от Бухары и других среднеазиатских владений, а эмир Музаффар наоборот, стремился использовать силу Якуб-бека для организации священной войны. Якуб-бек в период своего правления (1865—1877) имел тесные связи с Англией.

Еще в ноябре 1866 года председатель географического общества Англии сэр Генрих Роулинсон на заседании Лон-

[59] Там же, стр. 66.

[60] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Спб., 1906, стр. 382.

[61] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 29, лл. 35 и 40.

[62] Там же, оп. 34, д. 1, л. 8.

донского отделения хвастливо требовал овладеть путями и территориями ведущими из Индии в Туркестан. Он в своем выступлении заявил, что правительство Англии, назначило Г. Фориста — правительственным комиссаром Англии, официальная задача которого заключалась в содействии развитию английской торговли в Северной Индии[63]. Однако, главным образом, Форист должен был разыскивать прямолинейный путь в Туркестан и установить тесные сношения с Якуб-беком кашгарским[64].

В 1866 году Форист официально прибыл в город Ладен для устройства ярмарки. Здесь он созвал совещание влиятельных лиц и совместно с ними обсуждал вопросы, касающиеся интересов Англии[65]. Его интересовали торговые пути, ведущие из Индии в Восточный Туркестан и дальше в Среднюю Азию, издержки и пути их устранения при перевозке товаров, размеры спроса на товары в Восточном Туркестане и, наконец, ручательство правителя Якуб-бека в поддержке действий английских эмиссаров в Восточном Туркестане[66].

Главная задача английского агента заключалась в том, чтобы переубедить Якуб-бека и его сторонников и добиться разрыва их сношений с Россией[67].

Об усиленных действиях английских агентов в Восточном Туркестане также сообщал в своих секретных донесениях консул царского правительства из Кульджа[68].

Итак, довольно четко выражая волю господствующих кругов Англии Роулинсон заявлял, что „... никто не будет более воздерживаться перед страхом столкновения от распространения нашей законной торговли в странах лежащих между Россией и Индией. Если Россия имеет своих консулов и агентов для покровительства своей торговли в Коканде, Кашгаре и Кульдже, то посыланием своих консулов в Ильичи, Яркенд, Балх-Герат, во всех пунктах, открываем для нашей торговли пути в Среднюю Азию"[69].

В эти годы также активизируется подрывная деятельность турецких агентов против России. Турецкие агенты один за другим стали появляться на территории Хивы, Бухары, чтобы поднять их на борьбу против России. В одном из донесений агент Хивинского хана Шейх Сеид Сулейман 30 сентября

[63] ЦГВИА, фонд 400, оп. 1868 г., д. 8, л. 42.

[64] Там же.

[65] Там же, л. 32.

[66] Там же, л. 36—39.

[67] Там же, л. 39.

[68] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 22, док. 9, л. 58.

[69] ЦГВИА, фонд 400, оп. 1868 г., д. 8, л. 42.

1867 года (19-го Джумадул охира 1284 года хижри) сообщал, что агентура и сановники султана очень живо интересуются положением в Хиве, Бухаре и в других районах Средней Азии. Агенты Турции—Садри Азам и Фуад Паша изъявили дружеское расположение правительства Турции к среднеазиатским ханствам[70]. Далее, Шейх Сеид Сулейман сообщал Хивинскому хану, что „на днях к ним прибыли рассыльные хана Ходжа Мурада, которые были представлены на приеме Садри Азаму. Он расспрашивал о делах Хивы, о Вашем здоровье, также о сношениях Хивы с Россией, узнавал и о том, в дружбе ли Вы с Бухарою и Кокандом"[71].

Сеид Сулейман от имени хивинского хана заверял агентов Турции о том, что хан заинтересован в объединении сил владетелей Средней Азии против России и что Хивинское ханство находится в близких отношениях с Бухарским эмиром.

„Агентура султана проявляет сильное желание, — писал Сеид Сулейман,—чтобы русские были вытеснены (из Туркестана), и, чтобы прочный порядок был восстановлен в тех странах"[72].

Активизация деятельности иностранных агентов в Средней Азии серьезно беспокоила царское правительство. А переговоры с Бухарой затянулись. „По всему было видно, — писал Н. Крыжановский 8 декабря 1866 года князю Горчакову,—что упорным малчанием он (эмир Музаффар—Т. С.) хотел избегнуть дальнейших переговоров, чтобы избавиться от обязанности заплатить какими-либо уступками за неудавшееся военное вмешательство в дела наши с Кокандом и от дарования каких-либо гарантий для будущего"[73].

Тревожное положение еще более усилилось слухами о новых вооруженных подготовках эмира в Самарканде и о его намерениях двинуться к Джизаку. Уже в конце 1866 года в Самарканде было сосредоточено около 8000 человек войска эмира[74]. Наряду с военной подготовкой эмир не прекращал и дипломатические сношения с Россией.

7 июня 1867 года в Оренбург прибыл бухарский посол —Мир-Ахун Мусабек Хакимбеков с изъявлением желания окончить войну с Россией и заключить мирный договор[75].

При переговорах бухарский посол просил Оренбургского генерал-губернатора заключить мир и уступить Ура-Тюбе

[70] ЦГВИА, ф. 400, оп. 1868 г., д. 8, л. 11.
[71] Там же.
[72] Там же.
[73] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 1, л. 2.
[74] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Том 1, Спб., 1906, стр. 385.
[75] ЦГА УзССР, ф. 715. оп. 1, д. 35. док. 135. л. 98.

и Джизак, он предлагал провести границу между Бухарой и Россией по левому берегу Сыр-Дарьи. А Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский при беседе с бухарским послом заявил: „... что, судя по вооружению, происходящему в Бухаре и в Самарканде и по последним действиям бухарских войск под начальством самаркандского бека, нельзя думать чтобы эмир искренне желал водворения прежних дружественных отношений"[76].

Царская Россия не думала дальше церемониться с Бухарским ханством. Русская буржуазия и помещики настойчиво требовали „... докончить дело, начатое русским войском, ... и упрочить за Россией значение Азии"[77].

Определяя главную цель и задачи царских властей в области экономики и торговли в Туркестане, канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства в инструкции для царских властей на местах от 29 декабря 1867 года писалось: „Проникнувшись важностью такого дела, как развитие русской торговли в Средней Азии, администрации областей должны содействовать купцам, одобрять и отмечать наиболее энергичных представителей русского купечества, быстро и безовсяких проволочек исполнять все, в чем купечество может нуждаться от властей,—одним словом, добросовестно и от души содействовать развитию нашей торговли".[78]

В сентябре 1867 года Кауфман, приступив к своим обязанностям в Оренбурге, немедленно вошел в соглашение с Крыжановским и добился изменения некоторых статей проектированного мирного трактата с Бухарским эмиром. Главным изменением была—предположенная уступка Яны-Кургана, удержание которого, по мнению Кауфмана, перед Джеланутинским проходом казалась неудобной по военно-стратегическим соображениям.[79]

Вместе с исправленным проектом трактата подписанного Крыжановским 14 сентября 1867 года бухарскому послу были вручены письма Крыжановского и Кауфмана,[80] а также ему была вручена копия полномочия Кауфмана данного ему 17 июня 1867 г. царским правительством. В своем письме Кауфман извещал эмира об образовании нового генерал-губернаторства, о своем назначении. Он потребовал от эмира „ ... прислать утвержденные условия мира в город Ташкент к концу октября".[81]

[76] Газета „Голос", 1867, № 191.
[77] Газета „Московские ведомости", 1866 г., № 10, стр. 5—8.
[78] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 32, д. 367, л. 4—5.
[79] Там же, оп. 34, д. 20, л. 51.
[80] Там же.
[81] Там же, оп. 31, д. 20, л. 51.

„Безотлагательное принятие и приведение в исполнение статей предложенного договора,—по мнению Кауфмана,—должно было служить доказательством мирных намерений Музаффара и его желания стать в нормальные отношения к России"[82].

Путем дипломатических переговоров Кауфман рассчитывал урегулировать свои взаимоотношения с Бухарой. Поэтому 3 марта 1868 года он предложил отправиться в Бухару и дал ему два экземпляра скрепленных подписью копий с оренбургских условий. В письме к эмиру, посланном при этом с Мусабеком, Кауфман писал, что если Бухарское ханство хочет жить в мире и согласии с Россией, то эмир должен возвратить одну из копий посланных ему условий, скрепив ее своей печатью, а другую оставить в Бухаре для своего руководства.[83] Но положительного ответа не последовало.

Кауфман твердо решил силой сломить сопротивление Бухарского ханства и подчинить его царской России. Он не скрывал этого. Выражая твердый план захватнической политики царизма в отношении Бухары Кауфман в своей докладной на имя императора писал:

„Начиная кампанию 1868 года против Бухары, я имел в виду принудить силою эмира Сеид Музаффара заключить с Россиею прочный мир, что, пользуясь последним, окончить административное устройство края, вверенного мне Вашим императорским величеством. Этою же новою мыслью руководствовался и во всех последующих своих действиях".[84]

Такой захватнический план Кауфмана очень горячо был поддержан русскими торговыми и промышленными кругами. Русская буржуазия считала необходимым быстрее ставить на ноги торговые дела России в Средней Азии. Одним из важнейших путей достижения такой цели считали организацию аральской флотилии и присоединение Самарканда, Бухары и Коканда к России. Выражая волю купцов и промышленников России газета „Биржевые ведомости" писала:

„Вновь утвержденное положение об аральской флотилии дает надежду, что неоднократно высказанные в „Биржевых ведомостях" мысли о занятиях дельты Аму-Дарьи будут осуществлены, и мы утвердим свое влияние и в долине Аму-Дарьи: с одной стороны занятием Самарканда и

[82] „Русский Туркестан". Сб. изд. по поводу политехнической выставки. Вып. 3, под ред. В. Н. Троицкого. Спб., 1872, стр. 157—158.
[83] ЦГА УзССР ф. 1, оп. 34, д. 20, л. 53.
[84] ЦГВИА, ф. 400, оп. 1868 г., д. 58, л. 4.

Бухары, с другой—города Кунграда, лежащего на этой дельте".[85]

Далее газета подчеркивала, что „чем скорее мы займем Самарканд и Бухару, тем это для нас будет лучше. Заняв Бухару и Самарканд, а также дельту Аму-Дарьи, мы откроем для торговли нашей и промышленности огромное поле деятельности без всякой опасности подвергнуться какому-нибудь стеснению".[86]

Осуществляя эту задачу, генерал Кауфман, несмотря на возражение Министерства иностранных дел, продвинул свои войска к Самарканду. Он, оправдывая свою тактику, в докладной Азиатскому Департаменту Министерства иностранных дел от 28 марта 1868 года, твердо отстаивал завоевательные планы военного министерства и доказывал, что Яны-Курган в стратегическом отношении не может быть границей между российскими владениями в Средней Азии и Бухарским ханством.[87]

Намечая планы наступательных действий русских войск против Бухары Кауфман рассчитывал опередить Музаффара, не дать эмиру возможность сосредоточить свою силу, организовать союз сопредельных стран против России. Между тем, в конце марта и в начале апреля 1868 года, в Ташкенте поступали тревожные сведения о том, что эмир усиленно готовится выступить против русских войск.[88]

Один за другим лазутчики русских властей в Туркестане из Бухары, Коканда и Кашгара сообщали, что эмир Музаффар ведет переговоры с „. . . владетелями Кашгара, Коканда, афганскими государями и Хивою, приглашая их к общему нападению на русские пределы. Воззвание это, как имеющее чисто мусульманский характер, встретило сочувствие как со стороны среднеазиатских народов, так, вероятно, и правителей".[89]

Русская буржуазия также очень встревожилась, что Бухара после своего поражения в 1866—1867 годах, уже дальше для того, чтобы достигнуть победы над русскими войсками может приблизиться к Англии, а это может поставить Россию в новые отношения с Британией. Выражая мнение торговых и промышленных кругов России, газета „Москва" писала:

[85] Газета „Биржевые ведомости" № 3, „Вечерняя газета" № 4 1868 г. — „О необходимости занятия Бухары в видах пользы и обеспечения нашей торговли". „Туркестанский сборник", т II. СПб, 1868, стр. 207—209.
[86] Там же.
[87] ЦГА УзССР, ф, 715, оп, 1, л. 22 лок. 39, л. 185.
[88] Там же, оп., 34, д. 20, л. 55.
[89] Там же, ф. 1, оп. 34, д. 20, л. 55.

„. . . Страсть и самоуверенность руководствуют ходом политических дел в Азии еще более чем в Европе. Принимая это в соображение, должно ожидать, что бухарское правительство не захочет примириться с теперешним своим положением: а как Бухары, в то же время не могут не сознавать собственного бессилия для борьбы с Росснею, то решается ли искать опоры для того у какой-либо другой— могущественной державы. Такою державою, которая могла бы пособить бухарцам в войне с Россиею, представляется одна Англия, и потому весьма возможно, что бухарский эмир, предпочитая дальнейш ю беду близкой, обратится за содействием против нас к индо-британскому правительству. По последним газетным известиям посланец его прибыл уже через Пешавар в Калькутту с просьбою дать денег, пушек и артиллеристов и даже войска, предлагая взамен искреннейшую преданность интересам Британии, признание протектората ее над Бухарою, и все что угодно.

Такой образ действий бухарского правительства может поставить нас в новые отношения с Британией, так как англичане, при непосредственном обращении к ним бухарцев, едва ли удержатся от вмешательства в наши дела с Бухарою, если не материально, то хотя дипломатически, несмотря на отсутствие какого-либо на то права".[90]

Сведения лазутчиков подтверждались экстренными донесениями, полученными царской военной разведкой о сосредоточении бухарских войск у Самарканда. „Накануне 13-го апреля вечером получено было довольно достоверное известие о том, что эмир приготовился к войне, что будто стотысячная бухарская армия собралась у Самаркачда и что ожидается лишь отъезд из края генерал-губернатора фон Кауфмана 1-го для вторжения этой невиданной еще Азии силы в наши пределы".[91]

Конечно, подготовка к сопротивлению близ Самарканда велась, но сведения о сосредоточении „100 тысячной", невиданной еще в Азии военной силы Бухарского ханства, являлась паникой царской военщины. Такая паника необходима была им для оправдания агрессивных планов царского правительства.

Одновременно, в первой половине апреля 1868 года был получен срочный рапорт Токмакского уездного начальника военному губернатору Семиреченской области. Из рапорта майора Загряжского выясняется, что 11 апреля с Нарына

[90] Б. Григорьев. „О русских интересах в подвластных нам оседлых странах Средней Азии". Газета „Москва" за 1868 г., № 20 и 24.
[91] ЦГВИА, ф.—ВУА, д. 6786, л. 18.

приехал местный житель лазутчик Имам Ходжа и донес, что отряд Якуб-бека подошел к Нарыну.[92]

Далее, начальник Токмакского уезда сообщает, что он посылал надежных людей в Нарын „. . . для собирания более положительных сведений, приказал 30 конным казакам и 125 пешим быть готовыми к выступлению по первому приказанию. Если будет возможно и нужно, соберу джигитов Шильдана Амантаева и Саурамбая Худоярова."[93]

Начальник Иссык-Кульского уезда в мае 1868 года сообщал, что войска Якуб-бека состоят из 30 тысяч человек, Как явствует из этого сообщения, из них 10 тысяч человек. вооружены были нарезными и гладкоствольными ружьями и обмундированы по образцу индийских войск. „. . . Войско это, по показаниям торговых людей, обучается англичанами или афганистанцами".[94]

Кроме этого начальники Токмакского и Иссык-Кульского уездов доносили, что под влиянием агитации сторонников Якуб-бека явно всстревожилось и возбудилось население принарынских районов. В этот период у киргизов обнаружились беспорядки.

Оценивая создавшуюся внутреннюю обстановку на границах Туркестана с Кашгаром, Кауфман с явным беспокойством и тревогой писал:

„Среди кочевьев дикокаменных киргизов обнаружились беспорядки в ожидании предполагаемого наступления кашгарских войск. В то же время пограничные отношения к нам таранчей, находящихся под влиянием Якуб-бека, стали весьма смелы. Вообще же по сведениям, получаемым местною администрациею Туркестанского края, можно было опасаться, что соседние народы ожидают только наступления бухарцев, чтобы начать борьбу с Россией".[95]

Единственным выходом из создавшегося положения, считал Кауфман, могут явиться наступательные военные действия против Бухарского ханства. По мнению Кауфмана, только путем решительных наступательных действий и занятием Зеравшанской долины с его центром—городом Самаркандом, можно было лишить эмира источника средств, из которых он собирал весьма большие и действующие силы для борьбы с Россией.[96]

Кроме того, внутренняя обстановка в Зеравшанской долине в тот момент очень благоприятно могла бы содей-

[92] ЦГВИА, ф.—ВУА, д. 106, л. 1.
[93] ЦГВИА, ф. 483, д. 106, л. 1 обр.
[94] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 20, л. 55 обр.
[95] Там же.
[96] ЦГВИА, ф. 400, оп. 1868 г., д. 58, л. 8.

ствовать сравнительно легкому движению и победе царских войск над силой Бухарского ханства так, как в этот период по всему ханству, особенно в его густонаселенной области—Мианкальской долине и в городе Самарканде, началось восстание народных масс против деспотизма эмира и его чиновников.

Присоединение Самарканда к России

30 апреля 1868 года действующие русские отряды в 4019 человек[97] двинулись в направлении города Самарканда. Еще во время сосредоточения русских войск под Джизаком, Кауфман получил два письма: первое за подписью двух начальствующих беков, а второе за подписью семи беков „... с уверениями о дружбе и в решении народном выслать требуемые условия мира."[98]

В момент движения русских войск из Джизака, главные силы эмира были расположены в селении Ак-тепе.

В Ак-тепе эмир созвал чрезвычайный совет, на котором рассматривался вопрос о войне или мире с Россией. На этом совете Куш-Беги Мухаммад-Шукур-бий-инак, Рахманкул-бий-парваначи тук мангыт, хаким Гиссара Адил-бий-дадха и другие беки выступили за заключение мира с царской Россией,[99] а бывший джизакский бек Якуб-бий, назначенный после Джизакских событий беком Катта-Кургана,[100] самаркандский бек Шир Али-Инак, назначенный командующим бухарских сарбазов, Уткир-бек-бий и другие на этом Совете выступили противниками мира и требовали реванша над „христианами".[101]

К трезвому голосу сторонников мира эмир и его приближенные не прислушались, а наоборот, обвинили их в слабости, назвали их тупоумцами и трусами. Они уверяли, что „Если русские придут сюда, мы их победим без боя. Русские не уйдут отсюда живыми, так как они не знакомы с этой местностью".[102] А. Дониш правильно говорил, что этими ничем не обоснованными заверениями спасти страну было невозможно.

---

[97] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 5
[98] Там же, л. 56 обр.
[99] Мирза Абдал Азим Сами. История мангытских государей. М., 1962, стр. 71
[100] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, дело 29, л. 59
[101] Мирза Абдал Азим Сами. Указанная работа, стр. 41
[102] Ахмад Махдуми Дониш. Краткая история мангитских государей Бухары. Душанбе, 1960, стр. 58

Во время следования русских войск к направлению Самаркандского бекства у Каменного моста в русский отряд прибыл посол Мирза Шамсиддин-мир Асад с известием о согласии эмира на заключение мирного договора с Россией. Он просил остановить военные действия.[103] Вслед за ним прибыл новый гонец с письмом от 17 беков. Письмо повторяло прежнюю просьбу и обещание выслать трактат.

На это же письмо беков Кауфманом был дан прежний ответ, что царские войска будут оттянуты обратно к Яны-Кургану после получения утвержденного трактата.[104]

Затем приказом Кауфмана полковник Петрушевский стал проводить рекогносцировочные работы. В этот момент к полковнику Петрушевскому прибыл другой посол—Наджимиддин-мир Асад и объявил, что привез утвержденные Музаффаром условия мира и просил немедленно остановить войска там, где их застал, т. е. в семи верстах от реки Зеравшан.[105] Однако это был не подлинник трактата.[106]

Ведя переговоры с Наджимиддин-мир Асадом, Кауфман отказался выполнить его предложение, при этом ссылался на то, что „жители Самарканда, не находя поддержки (у своего государя от гнета своего хакима Шир Али, обратились сейчас (к нам) с мольбой о помощи, ища убежище у русского государства. И нам обязательно нужно выступить и постараться освободить их от гнета и притеснения"[107]. Это было хорошим поводом для наступательных действий царских войск к Самарканду. Поэтому Кауфман для ведения переговоров установил двухчасовой срок, чтобы Наджимиддин-мир Асад направил своего гонца к командующим бухарских войск и предложил им освободить Чупанатинские высоты[108]. Посылка гонца со стороны посла желаемого результата не дала. Тогда Наджимиддин-мир Асад выразил желание поехать сам. Несмотря на выезд Наджимиддина-мир Асада изменения не произошло, тогда русские войска двинулись в направлении Чупан-Аты. Генерал Кауфман, несколько позднее, оценивая причины кратковременных переговоров между русским командованием и бухарским посланником писал:

„Несколько писем, полученных мною в Яны-Кургане: два посланника один за другим, выезжавшие ко мне во

---

[103] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 20, л. 56 обр.
[104] Там же, л. 57
[105] ЦГВИА, ф. 483, д. 106, л. 6
[106] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, д. 20, л. 57 обр.
[107] Мирза Абдал Азим Сами. Указанная работа, стр. 74.
[108] ЦГА УзССР, Ф. 1, опись 34, д. 20, л. 57 обр.

время движения отряда к Самарканду, с просьбами о мире, но все же без исполнения моих шестимесячных терпеливых требований: все это показало, что неприятель хотел только дольше удержать нас на Зеравшане, объяснить это народу и войску, как нашу слабость и тем самым поднять дух своего войска, усилиться людьми и, с полным убеждением непобедимости своей, встретить нас в редкой, по силе своей, позиции"[109].

Эмир и его сановники думали, что пересеченная местность, быстропротекающая река не дадут возможности переправы Зеравшана русскими войсками. Эмир предполагал построить плотину, задержать воду Зеравшана и этим самым создать непроходимый барьер перед воротами Самарканда. „Все эти пустые надежды были развеяны буквально в какое-то мгновение . . ."[110]

Как только русские войска достигли рубежа реки Зеравшан и успешно стали форсировать вброд реку, у стоявшего там эмирского войска „. . . поскользнулась нога твердости, и оно (как всегда) вернулось к постоянной мысли о своем бегстве"[111].

Особенно после того, как стало известно сарбазам и нукерам о волнениях среди населения Самарканда и о их переписке и обещании присоединиться к России, „. . . войско тоже стало волноваться"[112].

Эмир и беки, военачальники и вельможи, а также все отряды эмира, бывшие на возвышенности, побросали свои шатры, палатки, снаряжение и личные вещи, и только думали о спасении своей жизни.

А. Дониш это событие описывает так:

„Когда русские подошли к берегу Самаркандской реки Зеравшан, наши пушки были на холме Чупан-Ата. Наши дали несколько выстрелов, но порох не воспламенился. Русские бросились в атаку, как дробь, и, не встретив сопротивления, вступили в город и заняли Кукташ".[113]

Отдельная часть русских войск быстро добралась до Сиабского моста у речки близ Самарканда и преградила отступающим путь. „Достигнув одного сада,—продолжал рассказывать Мирза Сами,—мы видели, что около четырехсот мусульманских сарбазов побросали в водоем (свои)

[109] ЦГВИА, ф. 483, д, 106, л. 8.
[110] Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Таджикгосиздат, 1960, стр. 58.
[111] Мирза Абдал Азим Сами. История мангытских государей. М., 1962, стр. 70—71.
[112] Там же, стр. 73.
[113] А. Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Таджикгосиздат, 1960, стр. 58.

куртки, шапки и ружья, и, раздевшись догола, становились байкушами,[114] то есть нищими. Они применяли (эту) хитрость чтобы спасти себя".[115]

Озлобленный народ—ремесленники и земледельцы города не пускали бухарских сарбазов в город и гоняли их на все четыре стороны[116]. Причиной такого враждебного отношения населения города было то, что бухарские сарбазы и нукера в пути своего бегства грабили население.

На рассвете 2 мая 1868 года во главе с Самаркандским казием, по сообщениям Мирза Самия, муфтием Муллой Камалутдином шесть человек аксакалов Самарканда выехали в Чупан-Ату для изъявления покорности и с просьбой принять город Самарканд в покровительство России.

Кауфман был очень доволен поворотом событий в пользу царской России. Несмотря на свой любезный прием делегации Самарканда, он приказал в качестве залога оставить при себе Мулла Камалутдина и катта амина города, а остальных обратно отправил в город с требованием, собрать население города для встречи русских войск[117].

Кауфману необходимо было подчеркнуть не только на глазах народов Средней Азии, но и всему миру, что знаменитый город Средней Азии—Самарканд сдался царской России без кровопролития.

1 мая 1868 года, находясь на чупанатинских высотах, генерал Кауфман направил царскому правительству следующую телеграмму:

„Древнейший, знаменитейший город Средней Азии, центр мусульманства, — Самарканд, гордый своею историческою славою,—без выстрела пал к стопам Вашего Величества, отворив ворота храбрым и честным войскам Вашим"[118].

Здесь необходимо подчеркнуть, что генерал Кауфман слишком преувеличивает доверие широких слоев народных масс к царизму. Народные массые в лице русских войск могли пока видеть только своих избавителей от власти Шир Али-Инака, его нукеров и бухарских сарбазов, но дальнейший ход событий ясно показал, что власть царизма не может облегчить положение народа. Поэтому они не с полным доверием относились к царскому правительству. Несомненно, конечно, в городе Самарканде и в его окрест-

[114] Байкуш—означает в переносном смысле „нищий", „бедный" (употребляется в Ср. Азии)
[115] Мирза Абдал Азим Сами История мангытских государей. М., 1962, стр. 77
[116] ЦГВИА, ф 483, д. 106, л. 3
[117] Там же, л. 13 обр.
[118] ЦГВИА, ф. 483, д, 106, л. 13,

ностях было очень много сторонников русской ориентации, особенно среди купечества и земледельцев, характер работы которых требовал мирную жизнь и покровительство России, которая обещала им большие материальные выгоды.

Таким образом, утром 2-го мая 1868 года перед въездом в город генерал Кауфман обратился к жителям Самарканда со следующим обращением:

„Все ворота города должны быть открыты; торговым людям быть в своих лавках и продолжать торговать; мастеровым и рабочему люду заниматься своим делом. Почтенные жители встретят меня перед воротами. Войска государя моего, Белого царя России, войдут в Самарканд и займут Урду. Они бьют врагов, но мирных жителей не обижают. Молитесь в мечетях за здоровье Русского царя, покорителя всех народов“[119].

После этого вместе с аксакалами через ворота Шахи-Зинда царские войска въехали в Самарканд и остановились в цитадели города.

Со 2-го мая 1868 года в истории города Самарканда и окружающих его районов открылась новая страница, Самарканд отныне вошел в состав Российской империи и навсегда связал свою судьбу с судьбой великого русского народа.

Наряду с обращением к жителям города Самарканда, царская военная администрация в тот же день, т. е. 2-го мая 1868 года выпустила прокламации на местных языках и обратилась с призывом:

„Да будет известно каждому, мирным жителям Самарканда и всех крайних кишлаков, что войска бухарские разбиты ... Пусть жители ныне все живут в своих местах и занимаются своим делом ...“[120]. Она призывала население открыть лавки, вернуть свои семьи в город.

Касаясь вопросов о дальнейшей судьбе Самарканда, Кауфман в своем рапорте царскому правительству 2-го мая 1868 года писал:

„Я еще не решил дальнейшего участия Самарканда в предстоящих моих действиях. Последствия во вчерашней победе и сегодняшнего торжества укажут мне, что делать далее“[121].

3—го мая 1868 года Кауфман собрал расширенное совещание представителей всех участков города, куда были приглашены все аксакалы и вельможи. Перед присутствующими Кауфман кратко изложил основную цель и задачи царской военной власти в отношении вновь присоединенных районов Самаркандского бекства и города Самарканда. Согласно высказываниям Кауфмана, все участки города и районы Самаркандского бекства, как и прежде должны были управляться аксакалами. Старая судебная система—суд казиев оставалась в силе. Имущество и земельная собственность баев, духовенства, купечества и представителей всех имущих классов оставались неприкосновенными. Царское правительство предлагало всем жителям города и селений Самаркандского бекства заниматься своими промыслами и торговлей.

Кауфман изложил главное содержание налоговой политики царизма, согласно которой во вновь присоединенных районах и в городе Самарканде полностью сохранялись прежние виды налогов: хераджные, танапные и все прочие налоги и повинности в пользу царского правительства. Хотя налоги за 1868 год уже были сполна собраны эмирской администрацией, в обязанность населения Самарканда вторично была вменена выплата всех видов налогов в пользу царской казны. Временным военным губернатором города Самарканда и вновь присоединенных к нему районов был назначен генерал-майор Головачев[122].

После этого совещания царская военная администрация 4-го мая 1868 года распространила среди жителей города Самарканда и окрестных кишлаков обращение, где кратко излагалась внутренняя политика царского правительства в отношении этих районов[123].

Таким образом, царские власти в Туркестане, заняв Самарканд фактически в течение 1868—1873 гг. не произвели никаких изменений для улучшения социально-экономического и политического положения народа.

Такая политика в конечном итоге способствовала дальнейшему росту ненависти и гнева народных масс против царизма. К тому же антивоенная группировка, добиваясь прихода „другой власти“, думала облегчить свое социально-экономическое положение. Однако эти надежды не оправдались. Царизм продолжал военные действия против Бухарского ханства. Внутри Самаркандской области к смене власти Шир Али-Инака образовался царский военно-чиновничий аппарат во главе с временным генерал-губернатором Головачевым, который, опираясь на местные эксплуататорские классы, беспощадно грабил и издевался над

[119] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 22, док. 80, л. 310.
[120] Там же, ф. 715, оп. 1, д. 22, док. 81, л. 311.
[121] ЦГВИА, ф. 483, д. 106, л. 14.
[122] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, д. 22, док. 84, л. 317.
[123] Там же.

трудовым народом. Все эти социально-экономические и политические мотивы послужили объективной причиной июньского движения 1868 года.

С присоединением Самарканда к России русско-бухарские взаимоотношения вступили в новую фазу. Изменился характер действий правителей Кашгарии, Кокандского и Хивинского ханств и Афганистана[124]. Они отказались поддержать Музаффара. Овладев Самаркандом, царизм имел ввиду „ослабить Бухарское ханство и еще больше подорвать авторитет эмира в Средней Азии"[125].

Вместе с тем, царское командование предполагало немедленно организовать на территории Самаркандского бекства отдельное, независимое ханство под вассальной зависимостью России и посадить на престол противника Музаффара его племянника Саид Абдуллу, находящегося под влиянием Китабского правителя Джурабека[126].

Конечно, господствующие круги Бухарского ханства, особенно духовенство, крупные феодалы не могли примириться с потерей Самарканда. Они теперь еще больше стремились отстранить Музаффара и передать престол в руки Абдумалика-Катта-тюри. С этой целью во второй половине мая ими было организовано нападение отряда Катта-тюри на Самарканд. Абдумалик, овладев Самаркандом, мог бы добиться смещения своего отца, продолжать активные военные действия против царизма. Однако эта авантюра во время была угадана Кауфманом и отряд Абдумалика 26—27 мая 1868 года был окончательно разбит под Самаркандом. Таким образом Кауфман добился поражения силы реакции пытающейся ставить Абдумалика главой эмирата. Поражением Абдумалика под Кара-тюбе русскими войсками воспользовался Музаффар. Эмир и его сторонники прекрасно понимали, что рост авторитета Абдумалика может привести к их окончательной гибели. Поэтому уже в конце мая 1868 года эмир добивается полной изоляции Абдумалика от его союзников—шахрисябзского и китабского беков[127]. Абдумалик теперь выбыл из игры. Он в момент июньских событий 1868 года находился в Карши под неустанным контролем своего младшего брата Нуриддинхан-тюри, ко-

[124] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 22, док. 114, л. 426.
[125] ЦГВИА, ф. 400, опись 1868, дело 58, л. 14 обр.
[126] ЦГА УзССР, Ф. 1, опись 34, дело 20, л. 20 обр.
[127] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 5, л. 80.

торый являлся единомышленником Музаффара[128]. После изоляции Абдумалика перед эмиром и его сторонниками встала задача создания союза с шахрисябзским и другими бекствами. Ценой больших уступок, т. е. путем передачи Джурабеку и другим феодалам в качестве танхо первоначально земель Яккобага,[129] а затем Гиссара, Ширабада, Денау и Байсуна было достигнуто соглашение о совместной борьбе против завоевателей[130].

После заключения перемирия с эмиром Джурабек стал сговорчивее. Он теперь усилил свой контакт с Казы-Каляном, Катта-Амином и прочими представителями городской знати, махаллинскими аксакалами Самарканда и вельможами пригородных и соседних районов Зеравшанской долины[131].

Таким образом, группировка решительных действий против России думала дать отпор царским войскам по двум направлениям: войска эмира как можно глубже должны были оттягивать силы Кауфмана и уничтожить их в районе Зирабулака, а отряды шахрисябзского бека должны были напасть на Самарканд, овладеть им, уничтожить остатки царских войск в цитадели, отрезать путь отряду Кауфмана в Джизак и Ташкент. При создании этого плана в конечном итоге эмир и его союзники рассчитывали также на враждебное настроение народных масс Самарканда и всей Миankальской долины. Однако, это отнюдь не означало, что июньское событие 1868 года в Самарканде являлось продолжением русско-бухарских военных действий. Эти два события между собой совпали только во времени. Об этом особо подчеркивалось даже в секретном донесении Кауфмана, представленном царю 26 июня 1868 года, где сказано:

„По последующим действиям можно судить, что план эмира заключался в неожиданной атаке всеми Бухарскими силами нашей позиции, впереди Катта-Кургана. В то время,

[128] Отсутствие Абдумалика в момент восстания в Самарканде также подтверждается и другими источниками: Л. Симонова (Хохрякова). Рассказ о взятии города Самарканда (со слов участников дела). В книге: Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. СПб., 1900, стр. 135. Однако в ряде работ утверждается, что главным организатором и руководителем июньских событий 1868 г. в Самарканде являлся Абдумалик и нередко этим самым отдельные авторы односторонне судят о характере движения 1868 года в Самарканде. См. об этом: Мирза Абдал Азим Сами. История мангытских государей. М, 1962, стр. 88. История Узбекской ССР, том 1, кн. 2, Т., 1956, стр. 90.
[129] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 4, л. 228
[130] Там же, дело 5, л. 79.
[131] Там же, ф. 5, опись 1, дело 5, лл. 15—18.

когда беки шахрисябзские и китабские,—подчеркивал Кауфман,—подкрепленные восстанием (подчеркнуто нами—Т. С)' в занятой нами стране, бросятся на гарнизон Самаркандской цитадели"[132].

После разгрома отряда Абдумалика под Самаркандом Кауфман выехал из Самарканда с другим подкрепляющим отрядом в направлении Катта-Кургана. Выезд Кауфмана послужил сигналом для начала восстания. Уже в ночь на 30 мая и 1 июня 1868 года на борьбу против царского гарнизона в Самарканде поднялось население города. А население кишлаков, расположенных между Самаркандом и Катта-Курганом стало бросать свои дома, начали скрывать свое имущество, семьи. Они, вооружившись различным огнестрельным оружием, саблями, палками и т. д. стали избивать аксакалов, налогосборщиков, казиев, назначенных царскими властями[133].

Когда 2 июня 1868 года отряд Кауфмана начал свое наступление против бухарских войск на Зирабулакских высотах, Самаркандская цитадель была окружена многочисленным отрядом повстанцев. На рассвете 2 июня 1868 года на Самарканд также напал отряд шахрисябзских беков. Причем, Джурабек сразу же через своих агентов старался захватить общее руководство и над восставшим народом Самарканда. При этом, ему большую помощь пытался оказать глава Дагбитского духовенства ишан Умар Ходжа со своими мюридами[134].

2—3 июня у стен цитадели шли горячие бои. Вечером 3 июня в Зирабулаке стало известно о восстании в Самарканде и нападении на Самарканд отрядов шахрисябзских беков. Одновременно о поражении войск эмира под Зирабулаком и о его бегстве стало известно в среде повстанцев и отрядов шахрисябзцев. В тот же день Джурабек и Бабабек со своим отрядом и Умар Ходжа со своими мюридами немедленно бросили на произвол судьбы восставшее население города и позорно бежали из Самарканда[135].

Однако повстанцы до конца не сложили оружие. 4—7 июня осада цитадели продолжалась исключительно только силой и средствами повстанцев, под руководством Кари Ибота Салимбаева, Тохта Ходжа Налгара[136], Закирбая Разокбаева и Абдушараба Абдульфатова. Но силы повстанцев иссякали. Они уже к концу дня—7 июня перешли к оборонительным боям. 8 июня Кауфман со своим отрядом прибыл в Самарканд и жестоко расправился с повстанцами. 8 июня утром, хотя аксакалы участков города явились в цитадель с повинной, Кауфман приказал царским войскам сжечь городской базар, лавки ремесленников. 9 июня из числа участников восстания 19 человек были расстреляны[137]. Царская администрация немедленно приступила к составлению учета и немедленному аресту всех руководителей и активных участников восстания. Конфиденциальным приказом Кауфмана 19 человек были сосланы в Сибирь на пожизненную каторгу[138]. В их числе были руководители повстанцев Закирбай Разокбаев и Абдушараб Абдульфатов. Как свидетельствуют архивные документы, Закирбай Разокбаев[139]—19 лет, а Абдушараб Абдульфатов—20 лет без суда и следствия находились в ссылке в Восточной Сибири[140]. Только благодаря случайных переписок между Сыр-Дарьинским и Иркутским областными правлениями в 1896 и 1897 годах была выяснена причина их ссылки в Сибирь.

Итак, беспощадно подавляя восстание в Самарканде, Кауфман просил царское правительство немедленно разрешить дальнейшую судьбу Самарканда и всей Зеравшанской долины. Он предлагал безоговорочно и окончательно присоединить Самарканд и часть территории Зеравшанской долины к России[141]. Хотя царское правительство полностью разделяло мнение Кауфмана по этому вопросу, все же под страхом обострения международной атмосферы, особенно с Англией, вынуждено было вплоть до 1873 года считать официально Самарканд не присоединенным к России.

Только после заключения неравноправного договора с Бухарой, в 1873 году Самарканд был объявлен, неотъемлемой частью Российской империи.

---

[132] ЦГВИА, Ф. 400, опись 1868, дело 58, лл. 4—5.

[133] ЦГВИА, ф. ВУА, дело 6786, л. 20.

[134] М. У. Аминов. К вопросу о характере Самаркандского восстания 1868 года. Тезисы докладов научной сессии профессорско-преп. состава УзГУ. Самарканд, 1956, стр. 48.

[135] ЦГА УзССР, ф. 5, опись 1, дело 5, лл. 80—81; также: дело 3, А, л. 86

[136] Налгар—это прозвище Тохта Ходжи, так как он являлся по профессии кузнецом—подковщиком.

[137] М. А. Терентьев. Цит. работа, стр. 470—471.

[138] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 1, дело 239, л. 9

[139] В архивных документах упоминается его имя по различному: Захорбай, Захир бай, Закирбай. Кроме того следует подчеркнуть и такую важную, деталь, что Закирбай Разокбаев являлся жителем селения Узбеккент Сиабской волости Самаркандского уезда, по социальному происхождению—ремесленник. В момент восстания 1868 г. он имел дом и сад в размере 1/4 танапа, что является важным социальным фактором при определении движущей силы восстания. Смотри: ЦГА УзССР, ф. 1, опись 4, дело 20, л. 12

[140] ЦГА УзССР. ф. 1, опись 4, дело 20, л. 4, 20; дело 232, л. л. 9, 33.

[141] ЦГВИА, ф. 400, опись 1868 г., дело 58, лл. 7—8.

Русско-бухарские взаимоотношения после присоединения Самарканда к России

28 июня 1868 года между Российской империей и Бухарским ханством был заключен договор, согласно которому за Россией были закреплены все территориальные приобретения сделанные царскими войсками в Бухарском ханстве с 1865 года по 1868 год включительно, эмир согласился на право выгодной и свободной торговли с русскими подданными на территории ханства, учреждать торговые агентства, проезжать через территорию ханства в другие государства, гарантировалась им личная безопасность и сохранность имущества.

Царское правительство добилось от эмира пункта о выплате 500 тысяч рублей контрибуции, которая должна была быть выплачена эмиром частично сразу же, после заключения договора, а остальная часть должна погашаться к осени 1869 г. Под видом залога, для обеспечения выплаты контрибуции, царское правительство объявило о временной оккупации Самарканда и Катта-Кургана.

Излагая свои планы относительно дальнейшей судьбы Самаркандского бекства, Кауфман в письме к государственному канцлеру от 25 июня 1868 года писал:

„Сравнивая самоуверенность бухарцев до войны с падением их веры в свои силы в настоящее время, имея в виду те значительные средства обороны, которые эмир совершенно неожиданно для нас, успел найти среди своего государства, во время борьбы с нами, я пришел к убеждению в необходимости присоединить, в настоящее время часть долины Зеравшана до Катта-Курганского района включительно к территории Российской империи.

Если время докажет, что эмир захочет добросовестно поддерживать прочный мир с Россией, то такую комбинацию, при которой вновь приобретенные страны были бы возвращены Бухарскому ханству, я считаю возможной"[142].

Заключенный Кауфманом этот договор получил одобрение царя. Он назвал взятие Самарканда „славным делом", однако воздержался от ратификации этого договора: бухарский вопрос не считался окончательно разрешенным.

В результате настойчивого требования Министерства иностранных дел, военный министр Милютин 3 июня 1868 г. дал Кауфману следующее указание, что „ . . . правительство остается при прежней программе действий, несмотря на одержанные успехи отнюдь не продвигаться вглубь Азии,

[142] ЦГВИА, ф. 400, опись 1868 г., дело 58, л. 16.

принять все меры к скорейшему возвращению войск в свои пределы, дав соответственное устройство временно занятой страны"[143].

Колебание царского правительства от прямого присоединения Зеравшанской долины к России и ратификации договора 1868 г. объясняется тем, что после присоединения Самарканда к России английская буржуазия подняла большой шум, обвинила английское правительство в бездействии и призывала силой оружия приостановить дальнейшее движение царской России вглубь Средней Азии[144].

Английское правительство, ссылаясь на требование английского парламента, в мае 1868 г. обратилось к царскому правительству с нотой и просило разъяснить причину сбора крупной военной силы царским правительством в Туркестане. Английский посол Стенлой, ссылаясь на сообщение английской печати, указал о наличии 100-тысячной армии России в Средней Азии. Стенлой причины такого беспокойства правительства Англии объяснял как каприз английского парламента. Он настойчиво просил Министра иностранных дел России Горчакова дать разъяснение по этому вопросу. А. М. Горчаков с этим вопросом обратился к военному министру Милютину.

После получения согласия канцлера, военный министр Милютин в письме Министру иностранных дел (3 июня 1868 г.) сообщил, что в Сибирско-Семипалатинских пограничных районах расположено 22 батальона, в Сыр-Дарьинской области, в том числе в городе Ташкенте—12 батальонов, 3 батареи артиллерии и всего 28 1/4 комплектов батальонов расквартированы в различных городах и районах, в том числе и в городе Самарканде расположено 6 батальонов[145].

Такая назойливая и чрезвычайная заинтересованность английского парламента и правительства о дислокации царских войск в Туркестане, активная антирусская пропаганда англо-индийской прессы и лихорадочная деятельность английской дипломатии, как в Европе, так и в странах Ближнего и Среднего Востока явились позитивным ответом на события 1868 года, который явился годом окончательного

[143] ЦГВИА, фонд 483, дело 106, л. 23.

[144] Газета „Биржевые ведомости" № 194, 21 июля 1868 г. См.: „Туркестанский сборник", том 1. Спб, 1868; газета „Daily Newes" от 31 августа (12 сентября) 1868; газета „Standart" от 2 сентября 1868 г.; газета „National Zeitung" от сентября 1868 г.; газета „Mernung Herald" от сентября 1868 г.; газета „Times" от 10 июня и 22 сентября 1868 г. Об этом изложено в газете „Московские ведомости" от сентября 1868 г. за № 121; газета „Daley Newes" от августа 1868 г. См. об этом „Туркестанский сборник". 1868 г., том VI, СПб, 1869.

проигрыша Англией в англо-русском соперничестве в Средней Азии. Выигрыш царской России в Средней Азии послужил причиной дальнейшего усиления англо-русского противоречия в международном масштабе.

Царское правительство старалось не раздражать Англию своими резкими проникновениями вглубь территории Бухарского ханства, поэтому вопрос о дальнейшей судьбе города Самарканда и всей Зеравшанской долины долгое время служил ареной полемики и больших споров в среде царских правительственных кругов. На этой почве разгорелись споры не только между министерством иностранных и военных дел царского правительства, но и единство взглядов отсутствовало и среди военных руководящих кругов царской России. 17 мая 1868 года по этому вопросу была подана записка генерал-майора Гейнса и надворного советника, особого чиновника Министерства иностранных дел при Туркестанском генерал-губернаторе К. Струве. В противовес генералу Терентьеву[146] они оправдывают выжидательную политику Кауфмана в отношении Бухарского ханства.

Вместе с тем, Гейнс и Струве признают, что положение царских властей „в Самарканде более неопределенно и более затруднительно, чем оно было до начала военных действий"[147]. Дальнейшее движение царских войск по их мнению может повлечь за собой очень много военных и политических конфликтов.

Гейнс и Струве решительно выступают против предположения о дальнейшем движении царских войск к Бухаре и принуждения эмира силой оружия заключить договор с Россией. Они стоят на этой позиции по тем соображениям, что царское командование совершенно не знает местности, ее оборонительных средств и духа, особенно населения Мианкальской долины[148].

Идти от Самарканда к Бухаре по их мнению не только проходить 240 верст дороги, но и подчинить большие ок-

[145] ЦГВИА, ф. 483, дело 106. л. 18—20.

[146] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Том 1, СПб, 1906 г., стр. 405. В своей работе Терентьев обвинял Кауфмана в снисходительности и уступчивости перед кампанией 1868 года, тогда как Кауфман вел очень тонкую и дипломатическую политику, политику, беспрекословного подчинения Бухарского ханства царизму дипломатическим путем, о чем писал Кауфман в своем рапорте императору от 25 июня 1868 г. См. об этом: ЦГВИА, фонд 400, опись 1868 г., дело 58, л. 4

[147] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 1.

[148] Там же, ф. 715, опись 1, дело 36, л. 368.

рестные районы Мианкальской долины, которая отличалась в истории своим мятежным характером и неповиновением эмиру[149].

Как видно из этой записки, царская власть очень серьезно была встревожена возмущением народных масс Зеравшанской долины и считала его большим тормозом на своем пути.

Гейнс и Струве, ребром поставив вопрос о дальнейшей судьбе русско-бухарских отношений, стараются обосновать свои соображения по этим вопросам. Они считают, что: „Быстрое развитие русского владычества в Средней Азии возбудило внимание всей Европы, особенно Англии. Может быть не без основания она боится, что в случае столкновения с Россией, последняя воспользуется своим положением в Сырдарье и в Мавронагре для движения войск к границам Ост-Индии. Расспросные сведения обнаруживают, что пути в Индии не представляют тех непреодолимых затруднений, которые прежде полагали находить по дорогам из Балха, Герата и Яркенда к Пешавару, Среднему Инду и Кашмиру. Понятно, следовательно, беспокойство распространяющееся в Англии при каждом успехе нашем по направлению большого караванного пути из Ост-Индии в Среднюю Азию"[150].

Развивая дальше свою мысль они пишут, что после взятия Самарканда „над Европой навис созревающий уже восточный вопрос, со всеми его громадными последствиями"[151].

Вместе с тем продвижение русских войск к Бухаре Гейнс и Струве не считали актом завоевательной политики царизма.

„Занятие Самарканда,—писали они,—вызванное угрожающим положением, принятым относительно России эмиром, дело весьма серьезной важности. Насколько нам известно—этот пример добровольного подчинения большого мусульманского города христианам. Благодетельная для Туркестанского края реформа и доверие, которые новая администрация стала приобретать среди туземцев, были, вероятно, большими „двигателями этого подчинения"[152].

Поэтому Гейнс и Струве решительно настаивали на том, чтобы царское правительство закрепило за Россией город Самарканд и всю Зеравшанскую долину не только по политическим мотивам, но и по торгово-экономическим соображениям, так как караванный путь, по их мнению, иду-

[149] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34. л. 20, л. 2 обр. и л. 3.

[150] Там же, ф. 715, оп. 1, дело 36, док. 100, л. 372—373.

[151] Там же, ф. 1, оп. 34, дело 20, л. 6 обр.

[152] Там же, л. 7 обр.

щий на Карши и Керки, или на Шахрисябз и далее Балх, Хулум, Бамиан, Кабул, Джалалабад и Пешавар со всеми коммерческими и другими выгодами проходит через Самарканд. Россия, удержав за собой Самарканд, может разрешить в пользу русских торгово-промышленных кругов эти экономические выгоды.

Исходя из этого они заключают:

„Присоединение Самарканда к России мы считаем одной из мер, приготовляющих своевременное разрешение азиатского вопроса"[153].

В конце своей записки Гейнс и Струве, в случае принятия их предложения фон-Кауфманом, предлагают предпринять следующие меры[154]:

1. Сохранить за царской Россией в качестве залога Самарканд с принадлежащим ему округом, под именем „Временного Самаркандского района".

2. Образовать немедленно на территории „Временного Самаркандского района" отдельное управление с подчинением в распоряжение начальника все гражданские и военные полномочия, вытекающие из сложившейся обстановки. Начальник временного Самаркандского района полностью должен находиться в подчинении Туркестанского генерал-губернатора.

3. Дать начальнику временного Самаркандского района подробные инструкции по делам пограничным, административным и военным.

4. Создать оперативную комиссию для определения стратегических и других условий границ временного Самаркандского района.

5. Устроить для этого района границу с запада приблизительно по меридиану Катта-Кургана, от Шахрисябзских гор до Нуратинских, а с востока приблизительно же по меридиану Пенджикента от Шахрисябзских гор до Кашгар—Давана.

Границы эти должны быть закрыты кордонными линиями и разделены на округа, подчиненные командирам расположенных в нем войск. На начальников кордонных округов должна быть возложена ответственность за нарушение в них порядка извне или внутри, и им же должно быть подчинено местное управление в округах.

6. Проектировать временную администрацию для Самаркандского района, равно как и местное управление.

7. Проектировать небольшой штаб к начальнику Самаркандского района по управлению войсками.

[153] Там же, ф. 715, опись 1, дело 36, док. 100, л. 374.
[154] Там же, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 12–13.

8. Командировать чиновника, опытного в почтовом деле, для открытия прямого пути между Ходжентом, Джизаком и Самаркандом.

9. Все расходы на вышеуказанные мероприятия отнести на доходы, ожидаемые к получению от новообразуемого Самаркандского района.

10. Просить о напечатании в журнале „Петербург" хода переговоров с Бухарским эмиром и всех относящихся к сему документов.

Как показывает ход дальнейшего образа действия царского правительства относительно Самаркандского бекства, многие мысли, высказанные Гейнсом и Струве, были приняты за основу политики Туркестанского генерал-губернатора фон-Кауфмана в отношении Самарканда и Зеравшанской долины.

26 мая 1868 года фон-Кауфману была подана вторая записка, написанная полковником Пистолькорсом. Первая записка Пистолькорса была подана еще в марте 1868 г. Обе записки Пистолькорса по сути дела выражают одну и ту же мысль.

Пистолькорс решительно выступает против мнения, что занятие Бухары ускорит в Европе разрешение восточного вопроса, к которому Россия не успела еще до сей поры приготовиться[155].

Кроме того Пистолькорс, в противовес сторонникам мирного урегулирования русско-бухарских отношений, требует немедленного занятия Бухары и объясняет, что только это может обеспечить конечную цель царского правительства. Он утверждает, что занятие Бухары не повлияет на внешнюю политику царизма в отношении Персии, Кашгара и Афганистана[156].

Таким образом Пистолькорс категорически отрицал решающую роль внешнего фактора в разрешении вопроса русско-бухарских взаимоотношений[157].

А на самом деле, боязнь осложнения международных отношений, страх перед решительными действиями Англии и других стран послужили основной причиной осторожной, более тонкой политики царизма в разрешении азиатского вопроса на фоне всей его внешней политики в международном масштабе.

Полковник Пистолькорс в своей записке также подробно останавливается и на внутренних мотивах, которые могли бы послужить причиной дальнейшего движения царских

[155] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 36, л. 409.
[156] Там же, ф. 715, опись 1, дело 36, л. 418.
[157] Там же, л. 418–419.

войск в пределы Бухары. К таким внутренним мотивам относится прежде всего вопрос о дальнейшей судьбе города Самарканда и всей Зеравшанской долины.

Пистолькорс также как и другие военные деятели царской России решительно выступает против передачи Самарканда снова в распоряжение Бухарского эмира[158]. По его мнению это не только экономически невыгодно для России, но и повлечет за собой большие хлопоты и царизм может потерять свой престиж в глазах не только народов Средней Азии, но и всего Востока.

Далее, он в своей записке доказывал, что никаких прочных условий мира между Россией и Бухарой быть не может, пока ее владетель имеет титул эмира[159]. Он сомневается в прочности предполагаемого мира между Россией и Бухарой, ибо эмир Музаффар, пишет он, утратил свое могущество и в настоящее время является игрушкой в руках духовенства и беков, а народ абсолютно недоволен его политикой. По его мнению мир можно заключить с кем-нибудь из других претендентов на Бухарский престол, как, например, с сыном эмира или его племянником, которым необходима будет непосредственная поддержка России[160].

Таким образом, эмир, по мнению Пистолькорса, после взятия Бухары не сможет собирать большие силы из других областей ханства, как Ширват, Гиссар, Шахрисябз, Карши и других бекств, потому что эти районы ханства очень бедны и разобщены между собой[161].

Если власть эмира в Бухаре прекратится, то эти беки поодиночке и понемногу станут подчиняться царскому правительству.[162]

Таким образом, Пистолькорс выступил ярым защитником мнения о необходимости ликвидации политической и экономической самостоятельности Бухарского ханства и полного присоединения его к владениям России. Одним из основных мотивов Пистолькорса по ликвидации Бухарского ханства должно было служить то, что население ханства поддерживало Россию.

Пистолькорс подчеркивал, что купцы, крупные ремесленники и вся зажиточная работающая часть жителей Бухарского ханства всегда была и будет на стороне России. Но духовенство, аристократия, беки и чиновники, собравшиеся

[158] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 36, л. 409—410.
[159] Там, же.
[160] Там же док. 112, л. 411.
[161] Там же, л. 412
[162] Так же, л. 413.

в Бухару со всех районов ханства дервиши и прочие служители культов и все сектанты, которые целыми тысячами жили в самом городе, с целью возбуждения фанатизма у населения против русских, писал Пистолькорс, постоянно будут готовить царскому правительству козни и стараться возбуждать фанатизм у населения и призывать его к священной войне с врагами правоверных до тех пор, пока занятие Бухары русскими войсками не разгонит эту шайку разбойников, распространяющую заразу во всей Средней Азии. Однако, население тех районов, где господствовала веками тирания и произвол эмира будут охотно поддерживать по его мнению, вступление царских войск в пределы Бухары.[163] Он в качестве примера ссылается на присоединение Самарканда.[164]

Следует подчеркнуть, что он слишком преувеличивал „доверие" покоренного народа Зеравшанской долины, ибо как подчеркнуто выше, трудовой народ Самарканда и Зеравшанской долины подняли крупное восстание, заставив царское правительство быть впредь осторожным в отношении осуществления своей завоевательной политики.

Итак, данная записка подтверждает наши мысли о том, что военно-промышленные круги России, интересы которых выражал Пистолькорс, старались как можно скорее присоединить к России Бухару, подчинить себе всю среднеазиатскую торговлю, непосредственно торговать с Китаем, Кашгаром, Алтышаром, Персией, Афганистаном, Индией и т. д.

Известный интерес при изучении рассматриваемого вопроса представляет другая записка неизвестного автора от 18 мая 1868 года. В центральном архиве УзССР нами обнаружено два варианта этой записки, отличающихся своей датировкой. Первая записка, обнаруженная в фондах дипломатической части Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 18 мая 1868 г., а вторая из фонда коллекции Серебренникова от 8 мая 1868 года. Однако, по содержанию они не отличаются друг от друга.[165]

В записке неизвестного автора излагается точка зрения определенных военных кругов царской России на будущие отношения царского правительства к Самарканду, Бухаре и Шахрисябзу, а также о будущих взаимоотношениях этих городов между собой.

[163] ЦГА УзССР, ф. 715 опись 1, дело 36, док. 112, л. 414.
[164] Там же, л. 416.
[165] Там же, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 14—25; см. также; ф. 715, опись 1, дело 36, лл. 322—334.

Дается четыре различных варианта о будущей судьбе Самаркандского, Шахрисябзского бекства и города Бухары, а также о вытекающей из этих предложений положительной выгоде и отрицательных последствиях для царской России.

Как свидетельствует содержание этих записок, которые должны были разрешить азиатский вопрос, проникнутое духом колониализма, отвечает интересам военно-промышленных и торговых кругов царской России. Они были заинтересованы в сохранении за Россией во что бы то ни стало долины Зеравшан и требовали от царских властей быстрого включения бухарского рынка в сферу влияния общероссийского капиталистического рынка и превращение всей территории ханства в дешевую сырьевую базу развивающейся капиталистической промышленности России.

Таким духом проникнута также другая записка с названием „О политическом владении Самаркандом".[166] Неизвестный автор этой записки писал, что Зеравшанская долина составляет самую южную границу Туркестанского края, а Бухара и ее окрестности снабжаются водой из Зеравшана, поэтому владея Самаркандом, Россия владела бы и Бухарским ханством. Автор приходит к твердому убеждению о том, что Самарканд и Зеравшанская долина являются ключом, который может подчинить Бухарское ханство России.

После внимательного изучения доводов этих многочисленных записок, где излагались мысли главных военно-промышленных и руководящих кругов царского правительства, фон-Кауфман, в свою очередь также составил подробный доклад „Предположения о том как поступить с вновь занятыми в 1868 году землями Бухарского ханства".[167]

Фон-Кауфман в своей записке, как бы, оправдываясь перед царским правительством, подчеркивал, что с трехлетним русско-бухарским конфликтом можно сразу покончить, если царское правительство согласно передать Самаркандские и Катта-Курганские бекства Бухарскому ханству. При этом Кауфман излагал различные варианты по вопросу возвращения этих районов.

Он писал:

„Возвращение вновь занятых нами земель может быть произведено:

1. Без всякого денежнего вознаграждения сверх вносимой уже контрибуции;

[166] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 43, док. 280, лл. 98–102.
[167] Там же, ф. 715, опись 1, дело 39, лл. 84–85.

2. По уплате эмиром единовременного налога сверх контрибуции за издержки войны;

3. С обязательством уплачивать в государственное казначейство в течение известного времени ежегодную подать.

4. Из наших завоеваний 1868 г. может быть образовано особое ханство."[168]

При осуществлении в жизнь первого замысла Кауфмана, русско-бухарские отношения немедленно могли вступить в совершенно новую фазу. Однако, как подчеркивал Кауфман, в Бухаре духовенство примкнувшее к сыну эмира, волновало народ, разжигало в нем ненависть к России. Духовенство имело везде большое влияние на народные массы, поэтому безвозмездное возвращение бухарцам завоеванных царскими войсками земель будет объяснено духовенством велением божиим, заступничеством небесных сил, возвращающих мусульманству священный город, но не уступкой России. При фанатизме и впечатлительности бухарцев, подобные толкования весьма были невыгодны царизму „Стоит им дать средства для борьбы, т. е. возвратить наши завоевания, без финансового ослабления ханства и дать бухарцам убедиться, что возможна безнаказанная борьба с Россией,— писал Кауфман,—и тогда в Туркестанском округе не найдутся средства оборонить границу от нападений, которые начнутся со стороны бухарцев".[169]

По мнению Кауфмана, кроме вышеуказанных и прочих невыгод, которые могли вытекать из возвращения Самаркандского бекства, это обстоятельство могло подорвать авторитет царизма в Средней Азии.[170]

Второй замысел Кауфмана сводился к тому, что взамен вновь возвращенных территорий Зеравшанской долины бухарский эмир сверх установленной контрибуции должен будет платить единовременно новую компенсацию в казну России[171], примерно в сумме 1 млн 500 тыс. рублей.[172] Эта сверх оплачиваемая компенсация должна была производить ощутительное давление на финансы эмира и на бюджет населения ханства.

По мнению Кауфмана, при принятии этого замысла, положение царского правительства в Зеравшанской долине могло еще более осложниться тем, что население долины, в течение того времени, пока единовременный выкуп эмиром не будет выполнен, будет находиться под властью ца-

[168] Там же, ф. 715, опись 1, дело 39, л. 84.
[169] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, дело 20, лл 64–65.
[170] Там же, л. 65 обр.
[171] Там же, ф. 715, опись 1, дело 39, л. 89.
[172] Там же, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 66 обр. и л. 68.

ризма, тогда они постоянно волновались бы и царские войска могли бы остаться в безвыходном положении. Такой ход событий абсолютно не входил в завоевательные планы царизма. Царизм больше всего боялся восстания народных масс, поэтому о принятии этого замысла Кауфмана не могло быть и речи.

Третий замысел, по мнению Кауфмана, имел ввиду возвращение Самаркандского бекства Музаффару при условии, если эмир признает себя вассалом царской России. Однако, при выполнении и этого варианта, выплачиваемая сумма контрибуции должна оставаться в силе, только ее размер должен равняться определенной части дохода Зеравшанского округа, получаемого за один год. Этот замысел можно осуществить на деле лишь при дополнительном условии, если в определенный срок не будет уплачена эта сумма контрибуции „бухарский эмир лишается прав на владение землями Самаркандского и Катта-Курганского округов, с которыми тогда русское правительство может поступать по своему усмотрению.“ [173]

Наконец, четвертый замысел Кауфмана сводился к тому, что на территории Зеравшанской долины с центром в Самарканде создается независимое от эмира Музаффара отдельное ханство, которое должно находиться под протекторатом России. Неудобство этого варианта, по мнению Кауфмана, заключается в том, что его осуществление может стать началом непрерывной вражды между бухарским эмиром и правителем из-за земель образуемого нового владения.

Если народные массы под влиянием духовенства поднимутся на борьбу против этого ожидаемого правителя, то он не только удержится у власти, но и, по мнению Кауфмана, поставит царское правительство перед гибельным для него совершившимся фактом.[174]

Таким образом, как выясняется из этого доклада Кауфмана, он был противником передачи Самаркандского бекства вновь в распряжение Бухарского эмира. Характеризуя это он писал, что „возвращение новозанятых нами земель, в какое бы время ни делалось и по которой бы комбинации не совершалось, может повлечь за собою усложнения и беспорядки на границах, а следовательно, и внутри края,— а потому для возвращения Самарканда требуется большое число войск для обеспечения спокойствия края, чем требовалось для завоевания этого города.“ [175]

[173] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, дело 20, л. 69.
[174] Там же, ф. 715, оп. 1, дело 33, л. 93.
[175] Там же, ф. 1, оп. 34, дело 20, л. 71 обр.

В противовес этому мнению Кауфмана, представители Министерства иностранных дел, продолжая свою линию оглядки на реакцию Британской империи, доказывали, что царские власти в Туркестане поставили Бухарское ханство под непосредственный контроль. Поэтому они считали, что „дополнительные“, „ненужные“ аннексии могут вызвать лишние дипломатические осложнения.

Директор Азиатского департамента Стремоухов в письме Военному Министру (30 декабря 1868 г.) выразил аргументы недовольствия чиновников Министерства иностранных дел по вопросу о дальнейшей судьбе вновь присоединенных районов Зеравшанской долины к Российской империи.[176]

Стремоухов доказывал, что если Самарканд с Зеравшанским округом останется в руках царского правительства, то граница среднеазиатских владений России растянется из бассейна Сыр-Дарьи в долину Аму-Дарьи и охватит огромное пространство.[177]

Если Россия отдаст назад Бухаре Зеравшанский округ и отойдет на прежние границы Сыр-Дарьи и построит сильное укрепление в ущельях у Яны-Кургана и поставит некоторые форпосты по левому берегу Сыр-Дарьи, то Бухара и Кашгар, вынужденным образом станут в зависимое положение от России, как Кокандское ханство.

Таким образом, он думал победоносно можно разрешить все азиатские проблемы.[178]

Взгляд Стремоухова также разделял действительный статсоветник Министерства иностранных дел Н. Ханыков, возвратившийся в конце 1868 года из заграничной поездки. Он побывал в Англии, Франции и Германии и находился в курсе внутренних событий этих стран и был хорошо осведомлен с взлядами правительственных и военно-промышленных кругов этих государств.

В своем письме на имя Стремоухова (от 12—24 ноября 1869 г.) он советовал оставить часть занятого края и, отдав Самарканд Бухарскому эмиру, возвратиться к прежним границам.[179]

Ханыкова, как и других чиновников царского правительства не интересовала дальнейшая судьба населения Самарканда. Для него важно было то, что присоединение Самарканда к России ставит царское правительство в „невыгодное политическое положение“[180] несмотря на то, что Самар-

[176] Там же, ф. 1, оп. 34, дело 20, л. 45—46.
[177] Там же.
[178] Там же, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 46.
[179] Там же, опись 27, дело 1226, л. 7.
[180] Там же, л. 7—8.

канд расположен в верховьях Зеравшана и река Зеравшан играла решающую роль для Бухарского ханства. „Но, занимая его,—писал Ханыков,—не только должны оберегать его округа от набегов узбеков, кочующих в Мианкале, что представляло немалые затруднения, всегда и всем туземным правительствам, а должны сверх того, ведаться с многочисленными и независимыми соседями этой области, до которых нам нет дела на Сыр-Дарье и в Ходженте и через это мы неправильно втягиваемся в участие во все внутренние счета и расчеты этих владений между собой."[181]

Удержание Самарканда за Россией по мнению Ханыкова повлечет за собой недовольство европейских держав и царские войска в Туркестанском крае могут подвергнуться военному конфликту с Англией.[182]

Итак, исходя из этого положения, Ханыков предлагает Министерству иностранных дел России ходатайствовать о немедленном возвращении Самарканда Бухарскому ханству.

Доводы Министерства иностранных дел основывались на фактах активизации дипломатической деятельности английского правительства. Правительство Англии действительно серьезно было озабочено тем, что англо-русское соперничество уже в 1868 году заканчивалось победой политики царизма в Средней Азии. Поэтому Англия была убеждена в том, что „... в весьма близком будущем Россия окончательно присоединит к своим владениям все Бухарское ханство и Хиву."[183]. Чтобы предотвратить надвигающуюся опасность приближения границ среднеазиатских владений Российской империи к Афганистану и английской Индии, лорд Кларендон еще в начале 1869 года предложил царскому правительству провести границу нейтрального пояса Средней Азии.[184]

Царское правительство через донесение своего посла в Лондоне барона Брунова знало, что Англия всерьез обеспокоена сложившейся обстановкой на Востоке, особенно после присоединения Самарканда. Оно, как отмечено выше, выдвинуло предложение лорда Кларендона о границе нейтрального среднеазиатского пояса. В этом плане английский кабинет предусматривал фактически, как подчеркивает Стремоухов, „не зону нейтральную, в более или менее общих очертаниях, весьма определительный крайний предел, далее

[181] ЦГА УзССР, ф. 1 опись 27, дело 1226, л. 7—8.
[182] Там же, лл. 10 и 12
[183] Там же, ф. 715, опись 1, дело 39, док. 40, л. 151.
[184] Там же.

которого оно решило не допускать распространения русских владений в Средней Азии.[185]

Государственный канцлер в письме от 7 марта 1869 года как бы в ответ желаниям английского кабинета, заявил, что царское правительство обещало не вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Однако, это не значит, что военно-промышленные и государственные круги России отказались и от своих торговых и экономических интересов в Афганистане.

Конечно, английское правительство, добиваясь невмешательства царского правительства во внутренние дела Афганистана, имело в виду до некоторой степени изменить соотношения политической силы в Средней Азии в свою пользу. По их расчетам план лорда Кларендона отвечал тому требованию.[186]

Дело в том, что между Афганистаном и Бухарским ханством к северу от Гиндукуша находилось много мелких владений, которые, смотря по обстоятельствам, подчинялись то афганским, то бухарским эмирам. В начале 50-х годов большая часть этих владений находилась во власти Дост-Мухаммеда, но во время последних феодальных междоусобиц в Афганистане, они опять приобрели самостоятельность.

В свою очередь Бухарское ханство в начале 60-х годов овладело этими районами, но уже, начиная с 1868 года данные районы снова приобрели самостоятельность, а в момент кампании 1868 года бухарской эмир имел там очень слабое, фактически, ничтожное влияние. Пользуясь создавшимся обстоятельством, владетель афганского трона Шир-Али-хан, при помощи англичан, утвердившись на престоле отца, опираясь на дальнейшую поддержку английской буржуазии, смело стал подчинять себе эти северные районы. Между Бухарой и Афганистаном разгорелись военные конфликты. Россия должна была поддержать интересы Бухары, потому что среднеазиатское политическое равновесие служило барометром англо-русских отношений на Востоке. А передав Зеравшанскую долину эмиру, по взглядам Стремоухова, царская Россия могла бы противопоставить мощь Бухарского ханства в противовес усилению влияния Шир-Али-хана, поддерживаемому Англией.[187]

Конечно, после таких настойчивых требований Министерства иностранных дел, военный министр Милютин вынужденным образом передал Кауфману директиву царя и совет Стремоухова по данному вопросу. Он вместе с тем, приз-

[185] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 39, док. 40, лл. 151—152.
[186] Там же, л. 153.
[187] Там же, л. 154.

навал доводы Кауфмана о необходимости окончательного присоединения Самарканда к России правильным. Поэтому в своем директивном письме от 6 июня 1868 года Кауфману хотя предлагал „... скорее очистить временно занятый край,"[188] вместе с тем рекомендовал ему, оставляя Самаркандское бекство за Бухарским ханством, добиться его вассальной зависимости от России.

Вместе с тем, Милютин и начальник генерального штаба Гейдин предполагали, что эмир Музаффар не удержит за собой власть в Бухаре, и тогда может представиться для России случай поставить на его место другое лицо, преданное царизму.

Право избрания кандидата для этого назначения представлялось Кауфману.

„В случае затруднения выбора лица, не может ли быть полезен в этом отношении, нынешний кокандский хан Сеид Мухаммед Худояр-хан, поведение которого относительно нас,—писали Милютин и Гейден,—в последние годы отличалось миролюбием, уступчивостью и даже тактом, кажется он достаточно убедился в трудности борьбы с Россией, в необходимости дорожить ея расположением. Поэтому, быть может Худояр-хан охотно согласился бы променять свое место в Коканде на более почетное место в Бухаре и такое перемещение, доказав наше внимание, могло бы служить ему некоторой наградой за дружественные к нам отношения."[189]

Это предложение Милютина и Гейдена было согласовано с Министерством иностранных дел и получило одобрение царя.[190]

Однако, Кауфман с таким решением не согласился, поэтому он уже в августе 1868 года просил разрешение на выезд в Петербург, для получения точной инструкции от царского правительства, относительно дальнейшей судьбы Зеравшанской долины. В своем докладном письме (от 28 февраля 1869 г.) Милютину он писал, что присоединение Самарканда к России остается „полумерою в отношении к Бухаре и могло бы повести нас к дальнейшим приобретениям, я тогда же при возобновлении переговоров с Бухарским эмиром сделал предложение о возвращении ему всей Самаркандской территории, по уплате ими значительной военной контрибуции. Но на это в то время не согласились уполномоченные эмира. Непрочное положение Сеид-

[188] ЦГВИА, фонд 483, дело 196, л. 28.
[189] ЦГВИА, ф. 483, дело 106, л. 28 обр.
[190] Там же, л. 29.

Музаффара в самой Бухаре и неприязненные его отношения к шахрисябзским бекам, заставили его, как надо полагать, опасения, что он не удержится в Самарканде, и он поэтому предпочел отказаться от этих земель в нашу пользу ... В настоящее время, судя по последним известиям, положение эмира внутри ханства значительно улучшилось и упрочилось и он теперь может быть не откажется вступить во владения Самарканда."[191]

Однако, здесь Кауфман явно пытался оправдать колонизаторскую политику царского правительства, потому что эмир Музаффар и господствующие классы всего Бухарского ханства никогда не отказывались и не могли отказаться от желания снова в свои руки приобретать богатые районы долины Мианкалы и Самарканда. Многочисленные факты подтверждают это. Так, Бухарское посольство, побывавшее в Петербурге с ноября по декабрь месяцы 1869 года в составе: сына эмира, Абдульфаттаха, брата жены эмира Абдулькасима и секретаря посольства просветителя А. Дониша,[192] выразило императору Александру верноподданические и дружественные чувства эмира Музаффара и попросило его вернуть эмиру Самарканд и долину Мианкаль.[193]

Конечно, Кауфману было неудобно открыто признаться в том, что интересы военно-промышленных кругов, которые он горячо поддерживал, требуют от царского правительства включить навсегда в состав России Зеравшанскую долину и город Самарканд. Чтобы настоять на выполнении этого плана Кауфман просил царское правительство представить ему особые полномочия и права.[194]

Мнение Кауфмана по приезде в Петербург, где он горячо настаивал на окончательном присоединении Самарканда к России, при непосредственной поддержке военного министерства, победило: Кауфману было дано особое право относительно Самарканда. Было решено из Самарканда и Катта-Кургана образовать особый округ и переименовать его—во временный Зеравшанский округ. Губернатором округа был назначен генерал Абрамов.

Абрамов немедленно приступил к подчинению окружающих районов Зеравшанской долины, под свою власть.

В августе 1868 года из города Пенджикента была выслана делегация с изъявлением покорности и с просьбой о присоединении Пенджикента к Зеравшанскому округу.[195]

[191] ЦГА УзССР, ф. 715, опись 1, дело 39, док. 16, л. 68—69.
[192] Там же. ф. 126, опись 1, дело 712, л. 1—7.
[193] Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное, Таджикгосиздат. 1960, стр. 66—67.
[194] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, дело 20, л. 27.
[195] Там же, ф. 5, опись 1, дело 3, л. 2.

7 августа 1868 г. генерал Абрамов со специальным отрядом двинулся по направлению юго-восточной части округа. 8 августа в Пенджикенте был созван совет аксакалов, на котором Абрамов объявил программу царского правительства относительно Пенджикента и его окрестностей. В частности согласно обещаниям Абрамова на прежних должностях были оставлены аксакал города Мирза Карим Аминов, казы города и другие старшины пенджикентских участков.[196]

В январе 1869 года Абрамов организовал экспедицию во главе капитана Гребенкина для изучения истории, языка, богатства недр вновь присоединенных районов Пенджикента. Кроме того, Гребенкин имел особое задание собрать подробные сведения о населенных пунктах и районах, находящихся в верховьях Зеравшана.

В результате этой экспедиции Гребенкин составил докладную записку „о верховьях бассейна реки Зеравшан".[197]

В верховьях Зеравшана располагалось 8 бекств с населением свыше 40000 человек.[198]

Бассейн реки Фан был богат месторождением каменного угля. А недалеко от Урмитана находились золотые промыслы. В районе Фан-Дарья были обнаружены Гребенкиным месторасположение свинца, меди, железа и прочих полезных ископаемых.[199]

„Эта горная страна,—пишет Абрамов в своем докладе Кауфману (29 мая 1869 г.),—отделяющая Ходжентский и отчасти Джизакский уезды от бекств долины Аму-Дарьинского бассейна, не находится во власти никакого самостоятельного сильного владетеля. Она раздроблена на несколько микроскопических бекств, ничем не связанных с южными бекствами, которым они никогда не принадлежали и в то же время неимеющих возможности существовать без наших рынков: Пенджикента, Ура-Тюбе, Заамина и Самарканда; это последнее обстоятельство уже само собою доказывает трудность сообщения описываемой страны с городами Аму и напротив большую связь с нашими владениями."[200]

Таким образом, по утверждениям Абрамова в географическом отношении эти районы больше всех были связаны с Зеравшанским округом и „... совершенно случайно не вошли в состав Зеравшанского округа"[201], поэтому Абрамов предлагал царскому правительству немедленно занять эти районы, которые по его мнению приведут царскую Россию

[196] Там же, ф. 1, оп. 34, дело 43, л. 11—18.
[197] ЦГА Уз ССР. ф. 5, оп. 34, дело 43, л. 12-18.
[198] Там же, л. 12.
[199] Там же, л. 15.
[200] Там же, ф. 1, опись 34, л. 1 обр.
[201] ЦГА УзССР, ф. 1, опись 34, л. 2.

на „... грань Аму-Дарьинского бассейна и даже дадут косвенную возможность, до некоторой степени, влиять на дела этого последнего бассейна."[202]

Конечно, вопрос о географической идентичности верховьев Зеравшана и Зеравшанского округа, их экономическое тяготение, судьба народов населяющих эти районы, которые по словам Абрамова смотрели на царскую Россию как на своих будущих покровителей, интересовала царскую власть настолько, поскольку эти районы имели огромные природные богатства, овладение и освоение их полностью отвечало интересам торгово-промышленных кругов России. Вот поэтому, материальные выгоды, дающие царизму эти районы, послужили в дальнейшем причиной присоединения их к особому Зеравшанскому округу.[203]

Когда в Петербурге стало известно о рекогносцировке, предпринятой генералом Абрамовым в верховьях реки Зеравшана, Стремоухов, ссылаясь на директиву царя выраженную в инструкции от 15 апреля 1869 г. Кауфману и начальнику Главного штаба графу Гейдену от 15 июня 1870 г., писал, что Зеравшанский округ занят Россией временно и при известных условиях подлежит возвращению Бухаре. На этом основании подчеркивалось, что царская администрация должна только заботиться о сохранении тишины и порядка в округе, а вступление царских войск произведет беспокойство в умах местных народов, может повести к весьма невыгодным для России последствиям.[204]

Пока между различными царскими правительственными учреждениями шла различная переписка по этому вопросу, в этот момент дальнейшая судьба районов верховьев Зеравшана была разрешена, т. е. они были присоединены к Зеравшанскому округу.

Однако, боясь дальнейших осложнений в правительственных кругах, Кауфман решил оставить все районы верховьев Зеравшана в составе Самаркандского отдела, с учреждением должности особого помощника начальника Самаркандского отдела[205], с соответствующими штатными единицами, которые находились в городе Пенджикенте и непосредственно подчинялись Самаркандскому отделу.[206]

Итак, уже в конце 1870 года особый Зеравшанский округ территориально был приравнен к прежним своим гра-

[202] Там же.
[203] Там же, ф. 1, опись 34, дело 43, л. 3.
[204] Там же, ф. 1, опись 34, дело 43, л. 29, 31, 64-65, 276-277.
[205] ЦГА УзССР. ф. 5, опись 1, дело 35, л. 29.
[206] Там же, ф. 5, опись 1, дело 1, л. 59.

ницам, которые существовали до присоединения Самарканда и части Зеравшанской долины к России.

Однако, несмотря на это, спор о дальнейшей судьбе Зеравшанского округа явился предметом долгой полемики различных государственных органов царской России. Этот спор продолжался четыре года. Только в 1873 году Самарканд и весь Зеравшанский округ были окончательно включены в состав Российской империи.[207]

Таким образом, скептики из Министерства иностранных дел и Министерства финансов были поставлены перед совершимся фактом. Русские торгово-промышленные круги, наконец, добились осуществления своих давнишних чаяний. Русские купцы, фабриканты, промышленники и различные дельцы начали экономическое освоение Зеравшанской долины.

[207] См. Материалы для описания Хивинского похода 1775 г., вып 4, Ташкент, 1881, стр. 32.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В САМАРКАНДЕ ПОСЛЕ ЕГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Зеравщанский округ и его административное устройство

„Временное положение" об управлении Зеравшанского округа, составленное в первой половине июля 1868 года, вошло немедленно в силу после его утверждения Кауфманом. В своем отношении Туркестанский генерал-губернатор военному министру (от 18 октября 1869 г.) писал, что **„имея в виду политические и другие соображения, во временных правилах опущено все, что введено в проект Положения (по управлению в Семиреченской и Сырдарьинской областях) с целью постепенной руссификации края"**[1] (подчеркнуто — Т. С.).

Согласно § 1 „Временного положения", особый Зеравшанский округ официально не входил в состав Российской империи, но подчинялся непосредственно начальнику Туркестанского края на основе секретной инструкции царского правительства. Границы между двумя отделами округа — Самаркандским и Катта-Курганским определялись на основе прежних границ, „существовавших между Самаркандским и Катта-Курганским бекствами".[2]

„Временное положение" также предусматривало, кроме царской власти, организацию местной администрации в лице аксакалов и аминов.

При этом колониальные власти должны были преследовать цель — настоятельно „привязать к русской власти влиятельных туземцев".[3]

Все органы и функции управления — администрация, полиция, взыскание налогов и сборов, разбор претензий жи-

[1] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 20, л. 31.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 32.

телей, суд—были сосредоточены в руках начальника округа, который осуществлял эти функции через русских чиновников при помощи аксакалов, аминов.

„Временное положение" также предусматривало, что все расчеты должны производиться российскими серебряными монетами с условием свободного приема бухарских монет всех видов.

В сентябре 1868 года была сформирована канцелярия при генерал-губернаторе, которая первоначально состояла из 3-х отделений—распорядительного, хозяйственного и бухгалтерского,[4] а в 1869 году в канцелярии генерал-губернатора были оставлены только распорядительный и хозяйственный отделы.

В 1869 году при канцелярии генерал-губернатора дополнительно учреждается должность топографа по округу, который обязан был составлять рельефно-топографическую карту округа и вести геолого-разведочные работы.[5]

Таким образом, с течением времени царская бюрократическая администрация области приспосабливалась к обстановке и еще больше стала сосредотачивать свое внимание на эксплуатации трудового народа и ограблении его богатств в округе.

Итак, после образования особого Зеравшанского округа была срочно создана комиссия под председательством Абрамова. Перед комиссией стояла задача: определение точных границ всего округа и его двух отделов. Согласно представлений этой комиссии на территории бывших Самаркандского и Катта-Курганского бекств было образовано два отдела. Самаркандский отдел состоял из трех районов, включающих в себя 11 населенных пунктов,[6] а Катта-Курганский отдел состоял из одного района, который имел 16 селений.[7]

Однако, с первых же дней проведения границ, население многих районов чувствовало различные неудобства потому, что организация двух отделов и их разграничение царскими чиновниками проводились произвольно, без учета социально-экономических особенностей этих районов.[8] Чиновничье-бюрократический аппарат царизма не считался с интересами коренного населения. Для него главным вопросом являлось сохранение спокойствия и обеспечение интересов эксплуататорских классов. Поэтому границы между отделами и кишлаками царской администрацией были установлены в большей части произвольно в угоду царским чиновникам.[9] Такая неразбериха продолжалась вплоть до 1917 года, не только в Зеравшанском округе, но и на всей территории Туркестанского края.

Итак, в результате отсутствия четких административных и территориальных границ между районами и отделами больше всех страдало население, ибо ему приходилось платить иногда двойные подати, страдать от ограбления царскими и местными чиновниками. Местной администрации генерал-губернатор округа давал из общей суммы сборов от 5 до 10% собранных ими денег в качестве вознаграждения.[10]

Администрация отделов как во внутрихозяйственных, так и в полицейских целях подчинялась полностью единоначалию начальников отделов. Начальники отделов распоряжались и военными силами, находящимися в их ведении. С 1869 года это право начальника Самаркандского отдела было упразднено и он действовал в этом вопросе в случае необходимости через генерал-губернатора округа.[11]

Царизм в 1871 году издает новый проект об управлении краем с разъяснениями, более одинаковый по своему содержанию для его применения в Сырдарьинской, Ферганской областях и в Зеравшанском округе.[12] По мнению составителей проекта Положения 1871 года, соединение военной и гражданской власти в руках начальников уездов подрывало, как военную дисциплину, так и благоустройство населения. Кроме того, вся „гражданская власть и по общим законам имела достаточно средств пресечь при помощи потребованной ею военной силы всякое зачинающееся возмущение".[13] Несмотря на это до начала 80-х годов уездные начальники не освобождались от командования войсками, расположенными в их компетентных районах, так как царизм смертельно боялся борьбы трудящихся масс.

Только в 1884 году после долгих споров и бесчисленных обменов мнениями и переписок между Туркестанским генерал-губернатором и царской центральной канцелярией, заведывание войсками, расположенными на территории уезда, было изъято, однако с обязательным условием, „... полицейским властям обращаться в случае надобности к содействию войск ..."[14]

---

[4] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 22.
[5] Там же, л. 24.
[6] Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2, л. 27.
[7] Там же, л. 28.
[8] Там же, лл. 9, 12, 13, 16, 17.
[9] К. Пален, Уездное управление. СПб, 1910, стр. 8.
[10] Там же, стр. 9.
[11] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 27.
[12] К. Пален, Уездное управление, СПб, 1910, стр. 5.
[13] Там же, стр. 6.
[14] Там же, стр. 6—7.

Далее, „Временное положение" 1868 года об управлении Зеравшанским округом по городу Самарканду специально органов управления не предусматривало, поэтому по всем вопросам город Самарканд подчинялся начальнику Самаркандского отдела. При начальнике Самаркандского отдела было учреждено специальное хозяйственное и общественное управление, представляющее из себя некоторое подобие городского управления, которое было учреждено в г. Ташкенте по проекту „Положения" 1867 года. Несмотря на это, Самарканд не выделялся в особую административную единицу, а лишь упомянутые выше хозяйственно-административные органы управления функционировали под руководством одного из помощников начальника Самаркандского отдела с 1875 по 1886 гг. В 1887 году эти органы управления города Самарканда целиком ликвидировались, а все функции и полномочия городской власти были переданы в ведение начальника Самаркандского уезда.

С момента принятия „Положения об управлении Туркестанского края" от 12 июня 1886 года Зеравшанский округ был преобразован в Самаркандскую область, а должность начальника округа была упразднена.

6 апреля 1887 года Самаркандская область была разделена на четыре уезда: Самаркандский, Каттакурганский, Ходжентский и Джизакский. Ходжентский и Джизакский уезды были переданы из состава Сырдарьинской области.

Постепенно, создавая органы управления в Туркестане, царизм в то же время оставил в полной неприкосновенности или несколько видоизменил некоторые органы старой феодальной государственной иерархической власти бухарского эмирата. Ибо эти органы власти рассматривались царизмом как средство для сохранения экономической, политической и культурной отсталости народов Средней Азии.

Один из таких органов феодального государственного аппарата был так называемый народный суд.

В целом суд казиев был оставлен без существенных изменений и лишь приспособлен к царскому режиму, который был установлен в округе. Изменение, произведенное царизмом сводилось к тому, что оно установило выборное начало, создало съезды „народных судей", ограничило рамки наказаний, выносимых казиями.

Теперь казии и аксакалы, назначение которых в известной степени зависело от избирателей, постепенно стали терять свой прежний авторитет, а для сохранения своих мест—как источника дохода и обогащения—они старались применять различные интриги и подкупы избирателей и царских чиновников, от которых зависело сохранение их мест.

Как свидетельствуют многочисленные факты, представители местной царской администрации не только занимались произволом, грабежом, взяточничеством, для своего обогащения они не брезговали ничем и действовали по принципу: „Все средства хороши, когда средства оправдывают поставленную цель". Они занимались торговлей и ростовщичеством. Одним словом, они грабили народ всякими путями и средствами.[15]

Подобный характер местной царской администрации вскоре показал свою несостоятельность. Народные массы все больше стали бороться против произвола царских чиновников.[16]

Для русского населения были введены уездные судьи, компетенция и объем деятельности которых были те же, что у мировых судей в Европейской России.

Институт уездных судей существовал до 1 января 1887 года, когда по положению 12 июня 1886 года он был заменен институтом мировых судей как в уездах, так и в городах Самаркандской области.

Согласно циркуляру царского правительства от 14 мая 1899 года Самаркандский областной суд, который подчинялся областному правлению, был преобразован в Самаркандский окружной суд и действовал на общих основаниях Судебного Устава, применяемых для других губерний Российской империи.

Местным жителям предоставлялось право разбора их дел в русском суде (при согласии двух сторон). Однако фактически на деле и царский суд старался защищать интересы баев, феодалов, торговцев. Нередко при обращениях в царский суд местными жителями учитывались жалобы богача, а не бедного населения. Часто повторялись случаи, когда царский суд в отношении к местным жителям соответствующего решения не принимал, а ограничивался результатом административного вмешательства военного губернатора или начальника уезда, которые заключали в тюрьму или высылали в Сибирь без суда и следствия и даже без всякого письменного распоряжения. Таким же порядком иногда освобождали заключенных из тюрем.

Такая судебная система, установленная царизмом в Туркестане, в том числе и в Самаркандской области, преследовала своей главной целью защиту интересов господствующего класса, осуществление колониальной политики царизма и подавление классовой борьбы народных масс против своих угнетателей.

Однако необходимо подчеркнуть, что уничтожение должности казы-каляна, установление принципа, хотя формальной, но выборности местной администрации и казиев, огра-

[15] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, 155, л 6; оп. 4, д. 337, лл. 4—5, 6, 20—22, 25—27; ф. 18, оп. 3, д. 3126, д. 70

[16] Там же, ф. 1, оп. 4, д. 537, л. 9.

ничение функций и прав местной администрации, создание принципа районирования (с определением примерного количества населения), отмена телесных наказаний и смертных приговоров, передача русскому суду ряда статей по тяжким уголовным преступлениям, представление права местному населению пользоваться услугой русских судебных органов, установление съезда „народных" судей—все эти нововведения являлись более прогрессивными по сравнению с судебной и административной системой, существовавшей при власти бухарского эмира, кровавый деспотизм и гнет которого хорошо был известен трудовому народу.

Население

Присоединение Самарканда к России положительно отразилось на социальной структуре и динамике роста населения как города Самарканда, так и всей Самаркандской области. Это изменение главным образом выразилось в росте населения городов по отношению ко всему населению области, которое еще больше в дальнейшем дифференцировалось. Изменялся их классовый состав, который характеризовался процессом постепенного формирования пролетариата и национальной буржуазии.

Хотя рост населения области, плотность его не являются основным, определяющим фактором социально-экономической жизни населения Самаркандской области, все же он сыграл важную роль в экономических и исторических условиях ее развития.

С середины XIX по первое десятилетие XX века динамика населения в Самаркандской области, в том числе и в городе Самарканде, была следующей:

Таблица № 4.

Годы	Всего населения по области	В том числе в городе Самарканде
1868	315,533	10—25 тыс.
1870	200,000	30 тыс.
1872	163,185	35—40 тыс.
1883	241.595	26025
1885	437.420	44125
1887	661.160	41777
1888	712.420	41777
1897	860.021	55128
1902	966.085	58194
1907	879.745	69264
1908	908.544	67900
1911	—	87560
1914	—	97530[17]

[17] Таблица составлена на основе следующих сведений:

Из вышеуказанных данных видно, что рост населения города Самарканда и всей Самаркандской области в эти годы шел как за счет естественного прироста, так и за счет присоединения к ним новых районов. Рост населения области происходил также и за счет переселения из других областей и губерний Российской империи. Однако этот процесс происходил неравномерно: более быстрый рост наблюдался в городах области и в прилегающих к ним селениях. Плотность населения также была различна. По густоте населения Катта-Курганский уезд стоял на первом месте, где плотность достигала в 1888 году 24,3 человека, затем шел Самаркандский уезд, где она равнялась 17,6 человека на одну кв. версту. А густота населения в городе Самарканде, в долине Зеравшана, особенно в Мианкале, не имела себе равной в Средней Азии. А в орошаемых районах Зеравшанской долины плотность населения на одну кв. версту равнялась 128,9 человека.[18] Если сравнить плотность населения Самаркандской области с другими районами Российский империи, которые приводит В. И. Ленин в книге „Аграрный вопрос в России к концу XIX века", то выясняется, что плотность населения в европейской России в 4 раза ниже, чем в царстве Польском; в Средней Азии она составляла 2,5, а в Сибири только 0,5 жителей на одну кв.

В. И. Ленин. О Средней Азии и Узбекистане, Т., 1957, стр. 37.

ЦГА УзССР, ф 5, оп. 1, д. 1?, л. 52; дело 1171, лл. 42—48; ф. 1, оп. 11, д. 385, лл. 117—119, 226—229, 239—241.

Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане; 1874—1889 годы. СПб, 1889 стр. 168—169.

И. И. Гейер. Туркестан, Ташкент, 1909, стр. 218.

А. В. Буняковский.О пространстве и населении Туркестанского края, В кн: Русский Туркестан, вып. 1, Москва. 1872, стр. 120.

Д. Иванов. Русская земля, Самарканд, См., в журнале „Беседа", СПб, 1872, VIII, стр. 27.

Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб, 1870, стр. 88.

Л. Костенко. Описание путешествия русской миссии в Бухару в 1870 году, „Военный сборник", № 12, 1870, стр. 389—390.

Обзор Самаркандской области с 1888 по 1908 гг. Самарканд, 1888—1901 гг.

К. К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркеставе, часть II, таблицы, СПб, 1911, стр. 28—29.

Путеводитель по Туркестану и среднеазиатской железной дороге, СПб, 1903, стр. 38—39 (за 1901 год).

Сб. Материалов для статистики Самаркандской области. Самарканд, 1889, стр. 6.

А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. Географгиз, 1950, стр. 50

А. Хорошхин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб. 1876, стр. 210.

[18] Сборник материалов для статистики Самаркандской области, Самарканд, 1889. Предисловие, стр. VI.

версту.[19] А Самаркандская область по густоте и плотности населения по всей территории Российской империи уступала только С.-Петербургу (507,1 чел.) и Московской губернии (274,5 чел.)[20]

Хотя после присоединения Самарканда его население постепенно втягивалось в сферу влияния капитализма в России, все же феодальные отношения с их замкнутостью и натуральным характером производства преобладали в жизни населения. Это, в свою очередь, тормозило росту городского населения Самаркандской области, удельный вес которого в общей численности населения в 1868—1870 гг. составлял всего лишь 1,3%, а в 1897 году—15,7%.[21] Рост удельного веса городского населения свидетельствовал о росте общественного разделения труда в Самаркандской области, который особенно наблюдался после 1886 года, т. е. после открытия Закаспийской железнодорожной магистрали.

Уже в конце XIX века в Самаркандской области насчитывалось 6 городов. Среди них, как видно из нижеследующей таблицы, самым крупным городом был Самарканд, который в 1897 году имел 55128 чел., в 1914 году—97530 человек жителей.

Таблица № 5

Наименование городов	1887—1888 гг.	1897 г.	1914 г.
1. Самарканд	49960	55128	97530
2. Ходжент	27360	30109	40476
3. Ура-Тюбе	9105	20621	22922
4. Джизак	12735	15710	14034
5. Каттакурган	14015	10087	12089
6. Пенджикент	2475	3658	5210[22]

Таким образом, наряду с ростом населения городов Самаркандской области росло и общественное разделение труда, яснее вырисовывалось хозяйственное районирование в Самаркандской области.

[19] В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 17, стр. 69.

[20] Сборник материалов для статистики Самаркандской области. Самарканд, 1889. Предисловие, стр. VI—VII.

[21] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 51. Также: ф. 1, оп. 34, д. 20, лл 27—28. Также: Первая всесоюзная перепись населения Российской империи 1897 года, Самаркандская область, XXXIII, 1905, стр. III, IV.

[22] ЦГА УзССР, ф. 1, д. 385, лл. 118, 119, 226, 228, 229. Также: Первая всеобщая перепись Росс. империи 1897г., Самаркандская область, XXXIII, 1905, стр. IV. Также: В. В. Заорская и К. А. Александер, Промышленные заведения Туркестанского края. СПБ, 1915.

Процесс специализации районов Самаркандской области происходил на почве дальнейшего усиления обнищания трудящихся масс, сопровождаемого резкой дифференциацией.

Изменения, происходившие в составе населения Самаркандской области и города Самарканда, со времени их присоединения к России до первого десятилетия XX века, можно проследить более детально по статистическим данным всеобщей переписи 1897 года. (См: Приложение).

По данным первой всеобщей переписи населения России в Самаркандской области в 147534 хозяйствах проживало 860021 человек обоего пола. Местные жители составляли по области 97,67% населения, уроженцы других уездов Самаркандской области—0,13%, других губерний 1,93%, иностранные поданные—0,26%. Из 860021 человека жителей по области на различных работах занято было 194608 человек, в том числе 5545 женщин. Из 147534 хозяйств области наемных работников или прислуги имели всего 17149 или около 11,9% всех хозяйств,[23] в том числе в городе Самарканде в 8798 хозяйствах насчитывалось 55128 жителей, в том числе 31734 мужчины и 23394 женщины. Из 55128 человек жителей в городе занято было на различных работах 19735 мужчин и 1883 женщины. Из 8798 хозяйств, находящихся в городе, имели наемных работников или прислугу всего 1053 хозяйства или 11,94% всех хозяйств.[24]

Приведенные данные говорят об относительно быстром росте населения Самаркандской области, в том числе и города Самарканда в рассматриваемый период, причем, оно увеличивалось в основном за счет военных, чиновников, купцов и других бизнесменов, выходцев из других губерний России и иностранцев, а также из числа лиц, прибывших из разных районов края в поисках работы.

По своему национальному составу население города Самарканда и области также являлось разнородным. Если на территории города в 1888 году проживало в основном около 5—6 народностей, то уже после 1897 года, как свидетельствуют материалы всеобщей первой переписи населения (1897 год), на территории Самарканда проживали представители более 17 национальностей.[25]

Повсеместный рост населения и территории Самаркандской области в частности, города Самарканда, европейская

[23] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. под ред. Н. А. Тройницкого, вып. XXXIII, Самаркандская обл. СПб. 1905, стр. I, III, VI, 2, 3.

[24] Там же, стр. 112—113.

[25] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. под ред. Н. А. Тройницкого, вып. XXXIII, Самаркандская область. СПб 1905, стр. 2, 3.

часть которого уже в 1910 году равнялась 229 десятинам, а азиатская часть—4629 десятинам;[26] свидетельствовал о постоянном росте и развитии производительных сил области в рамках всего дореволюционного колониального Туркестана, который постепенно втягивался в водоворот развивающегося капитализма Российской империи. Этот, хотя медленный и мучительный процесс, который распространился вне воли и желания царизма, положительно влиял на состав населения и на его классовое расслоение, что особенно наглядно видно из материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи, предствленной нами в следующем виде. (См. приложение).

Эти данные свидетельствуют, что капитализм, подвергая окраины России экономическому подчинению, разлагал патриархальные и феодальные отношения в Самаркандской области, вызывал в них рост использования наемного труда, рост населения городов и деревень, разложение крестьянства, эволюции ремесла.

Итак, для более определенного выяснения вопроса об общественном разделении труда, все население Самарканда и Самаркандской области по характеру и роду их занятий следует распределить на три большие группы.

Основываясь на научные приемы В. И. Ленина, изложенные в его книге „Развитие капитализма в России“,[27] к первой группе можно отнести население, занятое в сельском хозяйстве, ко второй группе—торгово-промышленное и к третьей группе—население, не участвующее в процессе хозяйственного производства. Из вышеуказанных 10 групп хозяйств (см. приложение) только одну группу (группу „з“)—частную службу, прислуг и поденщиков нельзя отнести к трем вышеуказанным категориям населения. По мнению В. И. Ленина, эту группу можно распределить между населением торгово-промышленной и сельскохозяйственной групп, поэтому мы также ту часть населения этой группы хозяйств, которая проживала в городах области (их было 9714 человек) отнесли к категории торгово-промышленного населения, а остальную часть, местопрожирвание которых указано в уездах области (их 27512 человек) отнесли к сельскохозяйственному населению области. При таком делении все население Самаркандской области распределяется на три большие группы следующим образом:

[26] Там же, стр. 94, 95. Род занятий составлен мною в след. порядке: а) 1—4, б) 5—8, в) 9—12 и 60, 62, г) 14—15, д) 16, 40, 63, 65, е) 46—59 и 61, ж) 41—45, з) 13, и) 17—20, к) 21—39.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 501—502.

Таблица № 7.

По Самаркандской области	Всего населения	в % к общему числу (860011)
Сельскохозяйственное население	689258	80,1
Торгово-промышленное население	132570	15,4
Непроизводительное население	38193	4,5
Итого:	860011	100

Приведенные данные (таблицы № 7) дают яркую картину разделения общественного труда и развития товарно-денежных отношений в области. Непроизводительное население равнялось 38193 чел. и составляло 4,5% всего населения области, производительное и полупроизводительное население—95,5%. С другой стороны, эти цифры демонстрируют о преобладании сельскохозяйственного производства и доказывают о том, что Туркестан, в том числе и Самаркандская область, оставался в целом аграрным придатком развивающихся капиталистических отношений в России.

Сельское хозяйство

Царское самодержавие своей поземельно-аграрной политикой здесь укрепило и узаконило принцип частной собственности на землю, которая уже в конце XIX в и начале XX века нашла широкое распространение и носила повсеместный характер. По обследованиям отдельных дореволюционных исследователей, уже к 1913 году около 90% всех орошаемых земель принадлежало владельцам, как их частная собственность.[28] „Это была не феодальная собственность старого типа или современная форма частной собственности, а особая форма буржуазно-феодальной собственности, так как земля стала сосредотачиваться в руках не только феодальных, но и байско-кулацких элементов, представителей городской и сельской буржуазии“.[29]

Таким образом, внедрение частной собственности на землю и воду приводило к быстрому увеличению мобилизации земли, повышению цен на нее, концентрации земельной собственности в руках крупных владельцев, потере и измельчанию ее в низших группах населения. Эти безземельные и малоземельные крестьянские хозяйства являлись

[28] В. И. Масальский. Туркестанской край. СПб, 1913.

[29] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959, стр. 89.

основным резервом, из числа которого формировались ряды батраков, мардикеров, чайрикеров и других полупролетарских слоев деревни Самаркандской области.

В неразрывной связи с земельной политикой царизма находились мероприятия правительства по вопросам ирригационного дела в Туркестане, в частности в Зеравшанской долине.

С 1868 года вопрос водопользования из реки Зеравшан становится одним из главных вопросов взаимоотношений между царской Россией и Бухарским ханством. Пользуясь бесконтрольностью царской администрации, богатые землевладельцы стали захватывать воду реки Зеравшан, что уже 1870 году привело к большой засухе в нижних районах Зеравшанской долины, относящейся к Бухарскому ханству. Поэтому бухарский эмир неоднократно обращался к фон-Кауфману с просьбой о разрешении вопроса водопользования из реки Зеравшан между Зеравшанским округом и Бухарским ханством.

Кауфман, вопреки интересам трудящегося дехканства Зеравшанской долины, для завоевания расположения эмира, решил в 1870 году, несмотря на маловодье реки Зеравшан, закрыть все арыки, идущие на земли дехканства и пропустить воду в нижних районах Зеравшана в пределы Бухарского ханства для орошения, главным образом, земель эмира и бухарских феодалов сроком на один месяц.[30]

Подача воды затем еще была продлена до 15 мая, сроком на 15 дней.[31]

Но, закрытие самаркандских арыков и пропуск полностью воды Зеравшана в переделы ханства не разрешило вопроса о водопользовании между Зеравшанским округом и Бухарой. Поэтому царское правительство вынуждено было в дальнейшем предпринимать ряд мер по вопросу равномерного распределения воды между Зеравшанским округом и Бухарскими владениями.[32]

Учитывая важность распределения воды Зеравшана между Самаркандской областью и Бухарским ханством, тайный советник Министерства иностранных дел Н. К. Гирс в своем секретном письме от 4 мая 1884 года вновь назначенному генерал-губернатору Туркестана Розенбаху указывал обратить особое внимание на правильное распределение воды Зеравшана.[33]

Итак, наряду с попыткой отрегулирования вопросов во-

[30] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 30, л. 1.
[31] Там же, л. 2.
[32] Там же, ф. 1, оп. 34, д. 331, лл. 15—16.
[33] Там же, д. 605-а, л. 4.

допользования между Бухарой и Самаркандом произведен ряд существенных изменений: построены вододелители, составлены карты арыков Зеравшана и т. д. Однако царизм в силу своей колониальной природы не в силах был разрешить ни земельного, ни водного вопроса. Эту проблему радикальным образом могла на первом этапе разрешить только буржуазно-демократическая революция, а затем Великая Октябрьской социалистическая революция окончательно разрешила аграрный вопрос в стране.

Реакционная колонизаторская политика царизма в области земельного вопроса была направлена на укрепление господства самодержавия, на удовлетворение интересов помещиков, кулаков и буржуазии. Царизм рассчитывал на превращение Самаркандской области в сырьевую базу, поставляющую для растущей промышленности метрополии хлопок, шелк, виноград, сухофрукты, сырую кожу, каракуль, скот и т. п.

Сразу же после присоединения Самарканда к России царские власти и русские военно-промышленные круги обратили особое внимание на увеличение производства хлопка. Тогда же стали проводить опыты по разведению новых сортов хлопчатника. В 1869 году русскими промышленниками и купцами был поднят вопрос о разведении хороших сортов хлопчатника в Средней Азии.

В 1870 году известным специалистом по хлопководству полковником Н. Раевским в Самарканде было организовано первое хлопководческое плантаторное хозяйство на площади 8 танапов поливной земли.[34] В октябре 1870 года Н. Раевским из Америки было куплено 60 пудов хлопка американского и египетского сорта.[35]

Такое же хлопковое хозяйство было организовано в Катта-Кургане, которое в 1877 году имела 59 танапов земли, из которых 24,5 танапа были заняты под хлопчатником. В 1877 году плантация купца Иванова имела всего 36986 кв. сажен земли, из которых под хлопком было занято 5147,5 кв. сажен. Весь урожай плантации Иванова в 1877 году составил 63 пуда.[36]

[34] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 60, лл. 11—12, 13—14.
[35] Там же.
[36] М. В. Абдурахимова. Указанная работа, стр. 82.

В 1875 году в Ургуте и Пенджикенте также были произведены первые опыты посева семян американского хлопка.[37]

Таким образом, выгоды, полученные на первых порах русскими хлопководами при их попытке возделывания хлопка из американских семян, вызвали сначала настоящую хлопковую горячку: „на возделывание хлопка бросились решительно все, кто имел хотя бы небольшой запас денег".[38]

Однако в условиях крупного плантаторского хозяйства хозяева плантаций не сумели добиться интенсификации производства хлопка, присущей капиталистическому способу производства. А господство в то время в Средней Азии феодального способа производства и феодальных методов эксплуатации, делали невозможным применение в широком масштабе, наёмной рабочей силы и передовой машинной техники.

Попытка некоторых крупных фирм в хлопководстве поднять доход хлопководческих хозяйств путём применения машин вместо дорогого ручного труда не дала ожидаемых результатов. В целом эти плантации показали свою нерентабельность и одна за другой были закрыты. В Самаркандской области к концу 90-х годов XIX века остались только плантации товарищества Мейркорта, которые имели до 200 десятин[39] земли и в районе Ходжентского уезда действовала хлопководческая фирма товарищества Большой Ярославской мануфактуры, имеющая 150 десятин ирригационной земли.[40]

Поэтому в дальнейшем русские промышленники и фирмы стали ликвидировать или сокращать своё хозяйство. Хлопковая плантация Самарканда, существовавшая на средства казны, в 1890 году была сдана на 24 года в арендное содержание.[41]

Итак, главным товаропроизводителем хлопка в Самаркандской области оставались мелкие крестьянские хозяйства. Они под давлением метрополии стали из года в год расширять посевы и производство хлопка (см. табл. №8).

---

[37] Г.А.Арандаренко. Досуги в Туркестане, 1874 — 1889, СПБ, 1889, стр. 303. 306.

[38] М.П.Федоров. Хлопководство в Средней Азии, СПБ, 1898, стр. 100.

[39] История Узбекской ССР, т. I, кн II, Ташкент, 1956, стр. 116.

[40] Обзор Самаркандской области за 1891 г., Самарканд, 1912 стр. 6.

[41] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 5, д. 424, л.I.

Таблица №8

Посев хлопчатника (в десятинах) по Самаркандской области

Годы	Самарканд. уезд		К-Курган. уезд		Ходжент. уезд		Джизак. уезд		Всего по Сам. обл.
	амер. сорт	мест. сорт	амер. сорт	мест. сорт	амер. сорт	мест. сорт	амер. сорт	мест. сорт	
1885	данные по уездам отсутствуют								5800
1888									7980
1894	2863	2504	5000	3200	1543	858	245	399	16411
1895	1485	2606	3717	3736	2052	1113	295	277	15223
1899	2990	1395	5910	2490	2651	1252	350	94	17132
1905	2088	498	7729	2896	4860	382	214	70	18737
1908	2076	21	10285	2734	5242	278	335	111	21683[43]

Небывалый рост потребности текстильной промышленности России в хлопке-сырце, которая с 1865 года по 1907 год возросла почти в 10 раз и достигла уже к 1908 году 20—25 млн. пудов в год,[42] вызвала к жизни новые районы Туркестанского края к производству хлопка-сырца. Из приведенных данных следует, что среди остальных 3-х уездов Катта-Курганский уезд по развитию хлопководства занимал первое место. Здесь под хлопком было занято почти столько же земли, сколько во всех остальных трех уездах, вместе взятых, несмотря на то, что этот уезд по своей территории был наименьшим из 4-х уездов области.

В целом по области, количество посеянного хлопка в 1888 году составляло 7980 десятин, а в течение 20 лет к 1908 г. оно увеличилось до 21683 десятин, т.е. почти в 3 раза. Если в 1891 году под американским хлопком было занято 5939 десятин, а местным — 11409 десятин, то по сравнению с 1899 годом площадь под новым сортом хлопчатника увеличилась на 123,8%, а посев местных сортов сократился на 55,2%,[44] в 1908 году под американским сортом

---

[42] Таблица составлена на основании след. материалов: за 1885г. ЦГА УзССР, ф. I, оп. 5, д. 424, л. I. См. Малаховский. Производительные силы Туркестана, вып. I, 1909, стр. 64 за 1888 г. см. ЦГА УзССР ф.18 д. 5706, л. 3. Данные за 1894, 1895, 1905, 1908 гг. из обзоров Самаркандской области за 1894. 1895, 1905 и 1908 гг.

[43] К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. ч. I, отдел II, СПБ, 1911, стр. 42—43.

[44] Обзор Самаркандской области за 1891 год. Самарканд, 1892, стр.5

было занято 17939 десятин, а под местным — всего лишь 3744 десятины пахотной земли.

Самым отрадным явлением в хлопководстве было то, что коренное дехканство стало применять новые приёмы возделывания хлопчатника. Например, использовались разделка хлопковых участков на грядки и рядовая посадка семян хлопчатника вместо рассыпного метода посева прежде. До 1872 года в Самаркандской области, как и во всем Туркестане, населению не была известна чеканка хлопчатника,[45] до некоторой степени способствующая быстрому созреванию и раскрытию коробочек, а также увеличению его урожайности.

Рост посевных площадей под хлопчатником и его производство можно проследить по данным таблицы №9.

Таблица № 9

Производство хлопка-сырца в Самаркандской области

Годы	Собрано хлопка (в пудах)		
	американского сорта	местного сорта	всего
1868	Данные отсутствуют		102000
1888			779536
1894	553814	402797	956611
1895	385199	361612	748811
1898	573410	245503	818913
1905	905820	289820	1185105
1908	764875	136690	901565 [46]

Эти статистические материалы ясно показывают, что в течение 40 лет после присоединения Самарканда к России производство хлопка-сырца в Самаркандской области возросло почти в 11 раз.

[45] М. Вродовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе. Русский Туркестан, сборник..., вып. I под ред. Н.А. Маева, Москва, 1872.

[46] Таблица составлена на основе следующих материалов:
ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 60, л. 1, также:
Обзор Самаркандской области за 1889 г., Самарканд, 1891, стр. 5.
Обзор Самаркандской области за 1895 г., Самарканд, 1896, стр. 8.
Обзор Самаркандской области за 1898 г., Самарканд, 1900, стр. 7.
Обзор Самаркандской области за 1905 г., Самарканд, 1906. стр. 8.
Обзор Самаркандской области за 1908 г., Самарканд, 1909. стр. 7—8.

Эти цифровые данные о росте производства хлопка-сырца дехканскими хозяйствами Самаркандской области говорят о ломке старых, натурально-патриархальных, феодальных производственных отношений и о всевозрастающих темпах перехода их к товарному производству.

Наряду с ростом хлопководства в Самаркандской области, особенно в Ходжентском, Самаркандском и Катта-Курганском уездах быстрыми темпами развивалось также виноградарство, садоводство шелководство.

О росте производства винограда в Самаркандской области можно судить по следующим данным:

Таблица №10

Годы	Площадь виноградника в десятинах	Урожай винограда в пудах
1872	1964	180508
1888	6388	1881360
1897	7832	3618100
1900	9923	4809733
1905	13437	6820450
1906	12913	7006150[47]

Главным районом виноградарства Туркестанского края являлась Зеравшанская долина. Особенно с древнейших времен славились производством различных сортов винограда Челекский, Дагбитский, Ургутский, Махаллинский, Ходжа-Ахрорский районы и город Самарканд в Самаркандской области. Из всех земледельческих хозяйств в Махаллинском районе — 92,9% хозяйств, в Каль-Курганском районе Катта-Курганского уезда 52,8% хозяйств занимались только виноградарством.[48]

[47] Таблица составлена на основе следующих материалов: за 1872 г. см. И. М. Слуцкий. Краткий очерк Самаркандского виноделия в связи с виноградарством. Справочная книжка Самаркандской области, 1897 г. выпуск V, стр 40. Данные, видимо, относятся только к Самаркандскому отделу, так как Катта-Курганский отдел имел очень малые земельные угодья под виноградником, которые в 1888 году равнялись лишь 1169 десятин; за 1888 г.—Сборник материалов для статистики Самаркандской области, Самарканд, 1889, стр. XVI; за 1897 г.-см. ЦГА УзССР, ф. I оп 6, д. 253, л. 23, также Обзор Самаркандской области за 1897 г, Самарканд, 1898, стр. 13; за 1900 год — Обзор Самаркандской области за 1900 г., Самарканд, 1901, стр. 7; за 1905 г. — ЦГА УзССР, ф. I, оп. 6, д. 253, л. 23 — 24; за 1906 г. — Обзор Самаркандской области за 1906 г., Самарканд, 1907, стр. 19 — 20.

[48] К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, часть I, отдел II, СПБ, 1911, стр. 7.

С ростом вывоза сухофруктов и сушеного винограда из Самарканда, а также переработки его на вино на месте, все больше поднимался удельный вес виноградарства в системе других отраслей сельскохозяйственного производства.

Если в 1872 году в Самаркандской области под виноградником было занято приблизительно лишь 1964 десятины поливной земли и годовое производство составляло около 180508 пудов, то уже в 1906 году имелось 12913 десятин, с урожаем 7006150 пудов. Хотя земельные угодья под виноградником по областям по сравнению с 1888 годом в 1906 году возросли всего в два раза, зато урожайность винограда поднялась почти в 4 раза. В Самаркандской области выращивалось свыше 40 сортов винограда. Урожайность виноградной лозы в 1905 году достигла здесь до 1500 пудов с десятины, а общий сбор по области равнялся более 6 млн. пудов. Из которых в 1897 году на вино перерабатывалось только лишь $^{2}/_{3}$, или около 100000 пудов, остальная часть подвергалась сушке и меньшая часть шла на продажу.[49]

Если в 1885 году по Самаркандской области было вывезено 290000 пудов сухого кишмиша различных сортов,[50] то уже к 1905 году вывоз сушеного винограда достиг 980000 пудов на сумму 1790950 рублей,[51] т.е. возрос за 10 лет в 3,4 раза.

По своему экономическому значению шелководство занимало также одно из важных мест в сфере хозяйства населения Самаркандской области.

Вслед за присоединением Самарканда к России, русские военно-промышленные и торговые круги стремились захватить в свои руки торговлю семенами шелковичных червей, покупку коконов, переработку и вывоз в Россию и в другие страны. Например, известные русские купцы Трубчанинов, Хлудов, Иванов, Филатов в момент осады Самарканда находились в цитадели, первыми из числа русских купцов, вслед за царскими войсками вошли в Самарканд и организовали там торговые лавки, винодельный завод и т.д. Трубчанинов находился в тесных связях с итальянскими фирмами по покупке семян шелковичной грены, в то же время он был сторонником запрещения продажи грены в

[49] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 6, д. 253, л. 23—24.

[50] Обзор Самаркандской области за 1895 г., Самарканд, 1895, стр. 12-13.

[51] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 6, д. 253, л. 23.

Средней Азии иностранцам. Свои взгляды по вопросу торговли греной Трубчанинов выразил в письме из Ташкента от 20 сентября 1869 года в докладной записке, составленной им совместно с купцами М.А. Хлудовым, Г.Г. Мозером и А.Н. Хренниковым.[52]

Правительство полностью поддерживало купечество в этом вопросе, поэтому уже в 1870 году вывоз грены иностранцами был категорически запрещен. Кроме того, вывоз грены из Средней Азии был ограничен до 3500—4000 пудов и могли этим заниматься только — Хлудов, Первушин, Келлер, Хренников и Адамоли — агент фирмы „Стекен и Шпис".[53]

Точка зрения царского правительства о развитии шелководства в крае и вывозе грены за границу из Туркестана очень ясно выражена в письме Кауфмана Бухарскому Куш-Бегию.

В ответ на письмо Куш-Беги от 14 февраля 1870 года по вопросу о высылке 15 фунтов семян шелковичного кокона по просьбе Абрамова[54] Кауфман подчеркивал, что в большинстве стран Европы болеют шелковичные черви. Если допустить вывоз семенной грены, то Бухарское ханство и весь Туркестанский край лишается самого доходного источника, кроме того, эта болезнь вполне может проникнуть и в Среднюю Азию. Поэтому Кауфман категорически настаивал перед эмиром о запрещении вывоза семян шелковичных коконов из Бухарского ханства[55].

Однако правительство, хотя запретило вывоз шелковичной грены из Средней Азии, все же различные болезни проникли в Среднюю Азию, в том числе в Самаркандскую область, через привозную грену контрабандным путем из других стран. Широкое распространение болезни грены отрицательно сказывалось на росте производства коконов в Туркестане. Но это явление все-таки не смогло остановить спрос русских фабрикантов и купцов на шелк, поэтому они всякими путями старались получить высокие прибыли от шелководства, что привело в целом к росту производства коконов как в крае, так и в Самаркандской области.

[52] М.К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией, 40—60 годы XIX века. М., 1963, стр. 163.

[53] Там же.

[54] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1. 12, лл. 132—133.

[55] Там же.

О росте производства коконов в Самаркандской области можно судить по следующим данным (таблица № 11).

Таблица № 11

Годы	Производство коконов в пудах
1888	6642
1892	16510
1893	27811
1897	46081
1899	70876
1905	76384 [56]

Как видно из этих статистических цифр за 1888—1905 годы, производство коконов в Самаркандской области ежегодно, возрастало почти в 2 раза в среднем и в 1905 году, оно по сравнению с 1888 годом увеличилось в 11,5 раза, или же с 6642 пудов в 1888 году увеличилось до 76384 пуда в 1905 году.

Таким образом, выше приведенные данные показывают, что уезды и районы Самаркандской области постепенно специализировались по производству различных отраслей сельскохозяйственных культур. Эта территориальная специализация особенно ярко проявляется в конце XIX и в начале XX веков. Процесс специализации районов шел параллельно с процессом развития товарно-денежных отношений и дифференциацией крестьянских хозяйств, сопровождаемых обезземеливанием дехканства.

Если в конце 70-х годов XIX века по обследованиям А. Гребенкина только в Ангарском районе 25%, а в Челекском районе 33% крестьянских хозяйств являлись безземельными[57], то по обследованиям другого автора, который относится к 1892—1893 гг. в кишлаке Дагбит из 611 хозяйств, 34,5% дехканских хозяйств являлись безземельными, а по всей Дагбитской волости из 1206 хозяйств 290

[56] Таблица составлена на основе следующих материалов: См. Сборник материалов для статистики Самаркандской области. Самарканд, 1889 стр. XVI.
Обзор Самаркандской области за 1893., Самарканд, 1894, стр.20—21.
Обзор Самаркандской области за 1897 год, Самарканд, 1898, стр. 18.
К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Часть I, отдел II, СПб, 1911, стр. 161. Обзор Самаркандской области за 1906 г., Самарканд, 1907, стр. 22.

[57] А. Гребенкин. Таджики. Русский Туркестан, вып. I, под ред. Н. А. Маева 1872, стр. 19.

Таблица № 12

Категории крестьянских хозяйств		В Махаллинской волости		В семи волостях Самаркандской области						В % хоз-в, владеющ. землей по уездам					
		всего хоз-в	Общее число хоз-в в % %	Общее число хоз-в в % %	приx. в среднем на 1 хоз-во десят.	всего удоб. земли в дес.	в % к общ. удоб. земли	общ. число всех хоз-в	в % к общ. числу хоз-в	Самарк. уезд	К-Кург. уезд	Ходжент. уезд	Итого по уезд.	Итого по губ.
Безземельн.	I	84	—	0,04	—	—	—	1	—	8,0	15,6	9,6	11,6	58,6
II. До 0,5 дес.	II	118	—	7,8	0,3	57	4,1	191	—	17,7	23,1	25,2	22,0	
III. 0,51—1, 0 дес.	III	73	84,6	10,3	0,7	182	13,2	251	30,7	15,9	16,9	10,4	14,4	
IV. 1,01—2 дес.	IV	—	—	11,9	1,45	435	31,1	299	29,9	12,9	11,1	7,3	10,6	
Безлишние							20,4							
V. 2,01—3 дес.	V	33	—	12,8	2,5	780	5,7	311	30,7	13,7	11,4	12,5	12,5	27,0
VI. 3,01—5 дес.	VI	12	14,8	17,7	3,86	1673	12,1	433		30,7	16,6	14,0	15,6	
Средн.							17,9							
VI. 5, 01—10	VI	3	—	23,9	7,07	4108	17,7	581		10,6	6,2	15,9	10,9	
VII. 10—01—20 дес.	VII	1		11,5	13,37	3805	27,9	285	38,6					14,4
VIII. 20. 01—30 дес.	VIII	1	0,6	1,9	24,16	1112	8,1	46		5,3	1,7	5,56	3,5	
Богатые							61,7							
IX свыше 30 дес.	IX	—	—	1,2	48,5	1457	8,0	30						
ИТОГО:		325	100	100	10,2	13669	100	2428	100	100	100	100	100	100

1. Эти данные введены в указанной нами таблице по интересующейся системе на основе материалов ревизии Палена „Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане", часть 1, отдел 1, СПб, 1911, стр. 111. Также, часть II таблицы, стр. 106, 108—109, 110. Данные использованы нами в следующем порядке: графы по вертикали: № 8, 9, 10, 11 12, 13, 18, графы по горизонтали: № 3, 48, 51, 52, 70.

хозяйств являлись безземельными[58]. А по отдельным селениям Челекского района количество безземельных хозяйств было еще больше[59].

Для более ясного представления дифференциации дехканства Самаркандской области, к сожалению, мы не располагаем полными и точными статистическими материалами, за исключением некоторых данных по 7 районам всех уездов Самаркандской области, обследованных выборочно при сенаторской ревизии К. Палена. Общие итоги о хозяйственных группах этих районов отражены в таблице № 12.

Из этих данных явствует, что в 7-ми районах Самаркандской области обследованию подвергались 2428 хозяйств, в том числе в Махаллинском районе 325 хозяйств.

При сопоставлении данных Махаллинского района со всеми 7 районами и 3-мя уездами Самаркандской области выясняется, что в Махаллинском районе, где 92,3% хозяйств было занято виноградарством, преобладают мелкие хозяйства, имеющие от 0,5 десятины до 2-х десятин земли (84,6% всех хозяйств). Эти хозяйства жили в постоянной нужде и нищете. 14,8% хозяйств имели от 2-х до 5 десятин земли. А остальная часть, т. е. 0,6% хозяйств, имеющих от 5 до 30 десятин земли, являлись крупными хозяйствами, в которых широко применялся наемный труд и вырабатывалась товарная продукция.

Если в Махаллинском районе мелкие хозяйства составляли 84,6% всех хозяйств, то во всех 7 районах они составляли—30,7 всех хозяйств,меньше почти в 2 раза.Однако, сравнительно с другими районами, в Махаллинском районе средних дехканских хозяйств было меньше. Зажиточные и богатые владельцы земельных угодий, которые имели от 12 до 120 танапов и выше составляли 38,6% всех земледельческих хозяйств по семи районам, тогда как в Махаллинском их было всего лишь 0,6%.

Если сопоставить единицу земельных угодий по группам дехкан, то выясняется, что в семи районах Самаркандской области приходится в среднем на одно бедняцкое хозяйство от 0,3 до 1,45 десятины, всего принадлежало 20,4% удобной земли, середняцким хозяйствам, владеющим от 2,5 до 3,86 десятины, всего—17,9% земли, зажиточным и крупным землевладельцам—61,7% всех земельных угодий.

При сравнении данных 7-ми районов по группам дехканских хозяйств с данными 3-х уездов Самаркандской области, то выясняется, что и по уездам среди различных крестьянских хозяйств и групп имелось хотя и небольшое, но некоторое различие, хотя полюс разделения низших и высших групп и в масштабе трех уездов также отчетливо выделяется. Из этих цифр видно,что по Самаркандскому,Катта-Курганскому и Ходжентскому уездам бедняки составляли 58,6%, середняки—27%, а зажиточные, кулацкие и богатые прослойки, которые становились костяком сельской буржуазии составляли 14,4% хозяйств. Именно этой прослойке землевладельцев принадлежало 61,7% обрабатываемой земли, а бедняцким и середняцким хозяйствам, составляющим 85,6% дехканства принадлежало всего лишь 38,3% обрабатываемых земельных угодий.

Процесс дифференциации крестьянских хозяйств послужил также основной причиной купли и продажи земельных участков мелких,бедняцких крестьянских хозяйств, которые стали переходить в руки крупных земледельцев, торговцев, ростовщиков и скупщиков.

Если в Самаркандском уезде в 1889 году было продано ирригационно-поливной, ирригационно-садовой и богарной земли всего 2336 десятин, то уже в 1893 году, она равнялась 3821 десятине, или же в Самаркандском уезде по обследованиям ревизии Палена за 5-летие было продано 15588 десятин земли. По Джизакскому уезду, если в 1889 году было продано 437 десятин, то уже в 1893 году—3829 десятин, т. е. почти в 9 раз[60] больше. Соответственно за это время возросла средняя цена одной продаваемой десятины земли в зависимости от дальности гг. Самарканда и Джизака за первым от 46 до 85 рублей, а за вторым соответственно от 14 до 64 рублей. Однако в отдельных районах, как Махаллинском, за пятилетие цена десятины колебалась от 400 р. до 2300 рублей[61].

Вышеуказанные материалы, таким образом, очень ярко свидетельствуют, что зажиточная и богатая прослойка деревни ведет торговое земледелие, так как размеры его земли превышают ее семейные нормы, а для получения более высоких доходов он прибегал к использованию наемной рабочей силы—мардикеров, чайрикеров, сроковых и годовых рабочих. При этом необходимо отметить, что величина земельных угодий не является основным показателем уровня развития капиталистических отношений, так как „... размер площади далеко не всегда и далеко, не непосредственно

[58] В. И. Чертов. Дагбитская волость. Данные экономического исследования Самаркандской области за 1866 г.,вып.IV, под ред. М. Вирского Самарканд, 1896, стр. 2—3.

[59] В. А. Хомутов. Статистические сведения по Челекской волости Самаркандского уезда. СКСО, 1896, стр. 116,

[60] К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел I, СПб, 1911, стр. 123.

[61] Там же.

указывает на действительно крупный размер хозяйства и на его капиталистический характер.

Данные о наемном труде несравненно доказательнее и показательнее в этом отношении"[62].

Вот общие цифры, характеризующие применение наемной силы в Самаркандской области (таблица № 13):

Динамика применения наемной рабочей силы в 7-ми районах Самаркандской области

Таблица № 13.

Группы хоз-ва	Виды землепользования	Всего дехканских хозяйств		Пользующ. наем рабоч. силой		Число работающих				
		всего число	% к итогу	с кол. наем. раб.	% к общ. числу	годовых	% к итогу	с сроковых	% к итогу	итого
Бедная	Мардикеры, чайрикеры, шеррикоры, работающ. наем. скотом с упряжью, и с разн. смеш. способами	932	38,5	—	—	—	—	—	—	—
Средняя	Без посторонней помощи	822	34,2	—	—	—	—	—	—	—
Зажиточная и богатая	Самими хозяевами с обяз. применен. раб. силы. (мард., чайрикер.)	663	27,3	с одним наем. раб. — 304 с 2 р/с — 43 с 3 и бол. р/с — 15	83,9 11,8 4,3	161	36,5	279	63,5	440
	Итого:	2417	100	362 хоз.	100					100[64]

Как свидетельствуют материалы (таблица № 13) обследования в 7-ми районах 2417 дворов, о которых известны сведения: 932 семейства—38,5% составляют бедную прослойку дехканства, а средняя переходная категория — 822 хозяйства—34,2% находятся в неустойчивом положении. Она всегда составляет резерв между крестьянской буржуа-

[63] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 149–150.

[64] Таблица составлена на основе материала: К. Пален, Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, Ч. II, таблицы, СПб, 1911, стр. 111, 112, 113. Цифры подытожены в следующем соответствии порядковых номеров таблицы: бедная —142–149, средняя—139, зажиточная и богатая—140 и 141, 150, 151, 152, 153, 156 и 159.

зией и сельским пролетариатом. Высшая группа крестьянства—сельская буржуазия составляет 663 семейства—27,3% всех хозяйств.

Характерным признаком этой прослойки является то, что в хозяйстве значительно употребляется наемный труд. Данные этой таблицы свидетельствуют, что из 663 хозяйств,362 пользовались трудом наемных рабочих, в том числе по одному наемному рабочему в 304 семействах (45,8%), с двумя наемными рабочими—43 хозяйства (11,8%), и с тремя и более наемными рабочими—15 семейств (4,3%). 362 хозяйства продавали свою рабочую силу в качестве годовых 161 человек (36,5%) и сроковых 279 (63,5%), всего 440 человек.

Из этих данных видно, что в 7-ми районах Самаркандской области при соотношении годовых рабочих со сроковыми количество последних преобладает над первыми. Но это нисколько не уменьшает роли и значения наемной рабочей силы от эксплуатации, у которых сельская буржуазия присваивала результаты прибавочной стоимости, создаваемой трудом наемных рабочих. Именно поэтому, писал В. И. Ленин, можно „... видеть в найме поденных рабочих весьма характерный признак сельской буржуазии"[65].

Теперь посмотрим обеспеченность всех 3-х групп дехканских хозяйств рабочим скотом (таблица № 14).

Таблица № 14

Сведения о распределении в дехканских хозяйствах рабочего скота

Категория хозяйств и число хозяйств, имеющих рабочий скот (лошадей и волов)	Число крестьянских хозяйств	в % к общему числу крестьян. хозяйств	
Бедняки			
Без лошадей и волов	676	27,6	51,5
с 1 голов. раб. скота	568	23,9	
Середняки			
С 2-мя голов. раб. скота	397	16,1	16,1
Зажиточные и богатые			
С 3-мя голов раб. скота	572	23,5	32,4
с 4-мя голов. раб. скота и более	215	8,9	
	2428	100[66]	

[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 87.

[66] Таблица составлена нами на основе материала ревизии К. Палена. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, Ч. II. Таблицы, СПб, 1911, стр. 111. Цифры подытожены в следующем виде по порядковым номерам в таблице: бедная 121, 125, средняя—126, зажиточная и богатая: 127, 128, 129.

Вполне естественно, что по мере концентрации основных средств производства—земли в руках богатого землевладельца, в его руках сосредотачивался также и основной рабочий скот. В высшей группе крестьянских хозяйств, владеющих 3—4 и более голов рабочего скота, было 787 хозяйств (32,4%), тогда как 1244 двора (51,5%) с населением 2/3 части являлись без лошадей и волов или же имели некоторые из них по одной голове рабочего скота. Лица этой группы, именно владельцы одной головы рабочего скота, большей частью являлись шериккорами или же издольщиками-чайрикерами. Эти дехкане, как и другая часть бедной прослойки дехканства, работали на небольших клочках земли, арендованных на кабальных условиях. Двойной гнет, под которым находилось бедное дехканство и большая часть середняцких хозяйств, приносил баям, кулакам и царским колонизаторам большие ренты. Размеры ренты были настолько велики, что бедное и среднее дехканство не в состоянии было прокормить свою семью и вести хозяйство. В то же время в силу слабого развития промышленности, они не имели возможности искать работу в городах. Города края не могли поглощать массу безземельных дехкан. Поэтому большинство безземельных и малоземельных крестьян не могли порвать связи с сельским хозяйством. Они становились либо чайрикерами, либо батраками, или шли в вынужденную долговую кабалу к баям или ростовщикам.

Царизм при проведении своей земельно-податной политики рассчитывал отнимать у местного населения „излишки" земель и объявлял их государственной собственностью. Эти земли стали служить фондом для русской колонизации. Царизм этим путем рассчитывал разрешить аграрный вопрос в России. „Колонизационный вопрос в России, — писал В. И. Ленин, — есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны"[67].

Колонизация Самаркандской области по сравнению с другими районами края началась гораздо позже. Царизм при колонизации окраин прежде всего обращал внимание на рост кулацких хозяйств, поэтому к переселению в Самаркандскую область допускались исключительно русские поданные христианских вероисповеданий, принадлежащие по состоянию к сельским обществам. На каждого работника из числа госземель отводилось до 10 десятин земельных угодий. В течение первых 3-х лет по прибытию переселенцы освобожались от уплаты гербового сбора и государственного поземельного налога, а в последующие 5 лет они должны были выплатить налоги в размере 50%[68].

В Самаркандской области стали появляться переселенческие поселки — Надеждинский (1886 г.), Запорожский 1886 г.), Стреженский (1886 г.), Николаевский (1892 г.), Обетованный (1896 г.), Романовский (1896 г.), Нижне-Волынский (1896 г.), Верхне-Волынский (1897 г.), Конногвардейский (1897 г.). Федоровский (1900 г.)[69].

В 1911 году в Самаркандской области насчитывалось всего 13 русских поселков с населением около 3500 человек. Среди русских переселенцев также происходила дифференциация и увеличивалось количество малоземельных и безземельных крестьян. Из 994 переселенческих хозяйств в поселках Самаркандской области 32,7% хозяйств выдавали свои наделы чайрикерам, а сами шли искать более легкие и выгодные работы. Они шли на работы — на стройку Голодностепского канала, на железные дороги и т. д. Из 994 хозяйств абсолютно земельных участков не имело 61 хозяйство[70].

Процесс разложения крестьянских хозяйств-переселенцев особенно усиливается после столыпинской реакции в России. Поэтому советский историк Б. Г. Гафуров совершенно справедливо отмечал, что „в Самаркандской области положение русских переселенцев было особенно тяжелым".[71]

В Туркестанском крае, в том числе и в Самаркандской области были развиты две формы кредита—займа денег под проценты и заем под урожай посеянных продуктов; в первом случае нуждающееся дехканство брало деньги у торговца или вообще у богатого человека с условием уплаты за взятые деньги обыкновенно 2—3 копейки в месяц за рубль, что составляло 24—36% годовых; во втором случае земледелец брал нужное количество денег, у скупщика хлебных продуктов в долг, по наступлении срока он платил продуктами урожая, под которые были заняты деньги. Расчет производился по существующей базарной цене, со скидкой одного рубля (а иногда и более) с батмана в пользу кредитора.

С развитием хлопководства очень быстро стала развиваться новая форма кредита выдачи задатков под десятину хлопка и под конкретной мерой в размере урожая хлопка

---

[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 70.

[68] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1. д. 1292, лл. 4—5.

[69] М. Я Абдурахимова. Указанная работа, стр. 115—116.

[70] Там же.

[71] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Госполитиздат, 1955, стр. 428.

скупщиками, агентами русских фирм и посредниками. Все эти формы долговой кабалы, которые особенно проходили через посредничество формирующейся местной буржуазии и послужили питательной почвой для ростовщических операций.

Ростовщичество имело свою древнюю историю в Средней Азии. Оно существовало и до присоединения края к России. Деятельность ростовщиков и после присоединения Зеравшанской долины и России не прекращалась, а, наоборот, развивалась успешно. По сообщениям Г. А. Арандаренко, неурожайные 1870, 1871 годы, особенно 1872 год в Бухарском ханстве очень отрицательно повлияли на положение трудового народа долины и уже в 1877 году 375 ростовщиков Зеравшанского округа собирали под проценты выданные им кредиты—537500 рублей чистого денежного дохода. Всего за 6 лет (1871—1877 гг.) ими было собрано 3225000 рублей[72].

Царское правительство не могло не видеть угрожающего положения роста влияния ростовщиков и их роли в экономике Зеравшанского округа, поэтому 28 сентября 1877 года фон-Кауфман вынужден был направить начальнуку Зеравшанского округа циркулярное предписание о запрещении ростовщичества[73].

Однако меры, предпринятые царским правительством не могли остановить роста кабальной зависимости трудящихся масс от крупных земледельцев. Ростовщичество росло и носило повсеместный характер. Так, например, бывший наследник афганского престола Исак-хан постоянно проживал в Самарканде, занимался ростовщичеством в Ургуте. В конце 1899 года им было выдано 500 тыс. тенег под проценты. А взаимаемый процент равнялся 15% годовых. Его должниками в Ургуте являлись более 30 крестьянских хозяйств[74].

Таким образом, на горьком опыте жизни трудящихся Самаркандской области видно, что „чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение. Число этих мелких пиявок громадно (по сравнению со скудным количеством продукта у

[72] Г. А. Арандаренко. Цит. работа, стр. 349.
[73] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 881, л. 122.
[74] Там же, ф. 1, оп. 4, д. 372, лл. 206, 208, 216—223.

крестьян) ...Зависимость крестьян от владельцев денег приобретает неизбежную форму кабалы"[75].

Хотя ростовщичество в момент своего возникновения до некоторой степени способствовало созданию предпосылок для капиталистического способа производства, все же, как характеризует К. Маркс „Ростовщичество не изменяет способ производства, но присасывается к нему, как паразит и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях".[76] Высказывание К. Маркса вполне можно отнести и к ростовщичеству в Самаркандской области, так как хотя ростовщичество участвовало в создании предпосылок для возникновения капиталистических производственных отношений, оно в то же время тормозило дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, ибо ростовщический капитал, консервируясь в руках ростовщиков, не расходовался для дальнейшего развития производительных сил, а наоборот, использовались для дальнейшего расширения растовщических операций, которые все больше приводили производительные силы в бедственное положение.

Таким образом необходимо подчеркнуть, что после присоединения Самарканда к России крестьянство было втянуто в сферу влияния русского капитализма, здесь разрушалась феодальная замкнутость деревни, существенно изменились отсталые, средневековые застойные формы хозяйства, преодолевалась местная и национальная ограниченность,расширились внутренний рынок и товарное обращение, происходила хозяйственная специализация районов и, наконец, все эти существенные, качественно новые изменения, хотя медленно, но все же уверенно, способствовали развитию производительных сил.

Ремесленное производство

В городах области постепенно произошли, хотя на первый взгляд не очень заметные, но существенные изменения, основывающиеся на объективных законах развития городской жизни на начальных этапах капитализма, которые были вскрыты еще В. И. Лениным: „...Одна за другой отрасли промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта отрываются от земледелия и становятся самостоятельными, образуя следующее, индустриальное население"[77]. Благодаря этому воздействию, город становится ры-

[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 383.
[76] К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1952, стр. 610.
[77] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 222.

чагом, куда втягивается население других районов и сел, в результате чего население городов непрерывно растет и создаются предпосылки, при которых „...капиталистическое производство... накопляет историческую силу движения общества вперед"[78].

Вновь складывающиеся новые производственные отношения разрушали на своем пути всякие препятствия и послужили причиной эволюции ремесленного производства городов Самаркандской области.

Среди ремесленников города развиты были тканье бумажных, полушелковых и шелковых материй, выделка кож, тиснение кож для переплетов, приготовление обуви, скорняжная работа, гончарное, кузнечное, ножевое, седельное, шорное и красильное производство, приготовление медной посуды, литье чугуна, выделка серебряных и золотых украшений, токарное дело, изготовление арб, плугов, вил и лопат, обжигание древесного угля, изготовление камышовых и соломенных плетенок, изделия из бирюзы, чеканные предметы из бронзы и железа, слесарные работы, проволочные и жестяные изделия, изготовление мыла и сальных свечей, резьба по дереву, разрисовка деревянной посуды и мебели, ганчевая (гипсовая) лепная работа, сундуки, станки для очистки ваты, размотки ниток, резки клевера, сеяльные доски, фонари, игрушки—словом все предметы домашнего обихода и все, что требуется для производства промышленных и сельских работ.

Все ремесленники работали лично у себя на дому или же на базаре. При этом их заработок зависел преимущественно от обрабатываемого ими материала и их специальности. Кузнецы получали чистый заработок в день от 40 до 60 коп., ткач шелковых материй простых—от 20 до 40 коп., ткач бархата получал высший заработок в день—80 коп., мастер, изготовляющий основу для тканья шелковых материй зарабатывал 40 коп., ткач бумажных материй от 15 до 30 коп., кожевник от 40 до 70 коп. и т. п[79].

При найме подмастерьев хозяева входили в особые соглашения и нанимали их сдельно или от базара до базара, т. е. понедельно, а иногда и помесячно[80]. Ремесленники работали прямо на продажу, доставляя свои изделия на базары, иногда же исполняли заказы. Весьма часто отдельные мастера, занимающиеся одним и тем же производством, избирали из своей среды старшину, исполняющего

[78] Там же. стр 224.

[79] С. А. Давыдова. Отчет 1890 г. Кустарная промышленность в Средней Азии". В кн: Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. II, СПб, 1894, стр. 46.

[80] Там же, стр. 47.

обязанности маклера. Таким, старшина отыскивал ,работу и брал на себя разные заказы и поручительства, за что получал при заключении условий и при расчетах некоторое денежное вознаграждение[81].

В ремесленном деле чаще всего встречалась сдельная работа, в сельском хозяйстве—работа на срок. В первом случае хозяин не заботился о продовольствии наемного рабочего, а во втором—содержал его, причем, старался тратить на него как можно меньше. Расплата с рабочими происходила не всегда согласно договору, хозяева часто старались прижать работника. В общем, наемные рабочие в кишлаках получали в день в среднем от 10 до 20 коп., в городах поденный заработок доходил до 40 коп. Рабочие дни у ремесленников колебались до 305 дней в году[82].

По данным Л. Костенко за 1870 год в Самарканде насчитывалось до 740 ткацких, шелкомотальных 15, красильных 42, сапожных 162, седельных 63, гончарных 37, швейных 26, плотничных 42, токарных, столярных и кузнечных 77, чугуно-литейных 12, кирпично-обжигательных 4, сально-свечных и мыловаренных 34, кожевенных 30, мельниц-2, средние и мелкие мастерские. Всего по подсчетам Л. Костенко в городе Самарканде было 1610 ремесленных заведений различного типа, где работало от 1—3 человек ремесленников в каждой мастерской[83].

По сообщениям Д. Иванова, относящихся к 1872 году, в городе Самарканде насчитывалось до 827 ткацких, шелкомотальных 15, красильных 42, сапожных 162, седельных 63, гончарных 37, швейных 20, кузнечных и слесарных, столярных и токарных 130 и других мастерских, которых всего имелось до 1610 различной величины[84].

Уже в 1882 и 1883 годы в городе Самарканде насчитывалось 251 промышленное заведение с годовым производством на 209987 рублей. Здесь было занято на работе 537 наемных рабочих. В эти же годы в городе имелось 155 мастерских с годовым производством на сумму 54970 рублей. В них работало 296 человек, 1924 ремесленных заведений с годовым производством на сумму 105430 рублей. В них занято было 2904 ремесленника[85].

[81] С. А. Давыдова. Отчет 1890 г. Кустарная промышленность в Средней Азии. В кн: Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. II, СПб, 1894, стр. 48.

[82] Там же, стр. 47.

[83] Л. Костенко. Описание путешествия русской миссии в Бухару в 1870 г., Военный сборник, год тринадцатый, № 12, декабрь 1870, стр. 391—393

[84] Д. Иванов. Русская земля. Самарканд, журн. „Беседа", № 67 за 1872 г., См. Туркестанский сборник, т. 67, СПб, 1873, стр. 68—71.

[85] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 843, л. 2.

В 1887 году в Ходженте было 168 кустарно-ремесленных предприятий с общим числом работников 299 человек, в Ура-Тюбе в этом же году было 130 кустарно-ремесленных предприятий, в которых работало 169 человек. А уже в 1909 году в Ходженте насчитывалось 2302 предприятия кустарного типа, где работало 3122 человека. Годовое производство этих предприятий равнялось 28745 рублей.

О динамике дальнейших изменений в составе ремесленно-кустарного производства свидетельствуют следующие данные (таблица № 15). Эти данные по Самаркандской области относятся к 1888 году.

Таблица № 15

Уезды	Заводы	Сумма производства в руб.	Мастерские	Сумма пр-ва в руб.	Ремесл. заведения	Сумма производ. в рублях
Самарканд.	1130	632690	172	110240	1969	115050
Каттакург.	571	83895	38	6417	232	72580
Джизакск.	143	64456	—	—	—	—
Ходжент.	232	92270	885	43700	733	218100
ИТОГО по области	2076	873318	595	160257	2934	405730

Уезды	Бум. ткацких стан. в них	Водяных мельниц	Крупорушек
Самарканд.	2285	959	570
Каттакург.	1349	820	85
Джизакск.	4	552	—
Ходжент.	449	321	50
ИТОГО по области	4087	2152	705[86]

Эти сведения показывают о том, что наибольшее число заводов—54,5%, мастерских—28,9% ремесленных заведений—66,8%, бумажно ткацких станков—55,8% водяных мельниц—44,1% и крупорушек—80,8% находилось в Самарканде.

Кроме того, из данных материалов следует, на наш взгляд, мнение, что после присоединения Самарканда к России, т. е. в течение 20 лет в Самаркандской области количество ремесленных заведений различной величины во многом возросло, что наблюдается в целом и особенно в последующем десятилетии. „Это явление наглядно свидетельствует о той силе,—писал В. И. Ленин,—с которой в крестьянстве развитие товарного производства, отделение земледелия от промышленности, рост торговли и промышленности вообще... это отделение начинается раньше, чем отделение земледельцев от промышленников: всякое предприятие, производящее продукты на рынок, вызывает обмен между земледельцами и промышленниками. Следовательно, появление такого предприятия означает прекращение домашней выделки продукта земледельцами и покупку его на рынке, а эта покупка требует продажи крестьянином сельскохозяйственных продуктов. Рост числа торгово-промышленных предприятий знаменует, таким образом, растущее общественное разделение труда, это общее основание товарного хозяйства и капитализма"[87].

Для того, чтобы этот вопрос был более понятен, обратимся к фактам:

Все 6 винодельных, один спиртоочистительный и 2 пивоваренных предприятий[88] находились в городе Самарканде. Из 28 кирпичных, 57 гончарных, 35 мыловаренных, 27 по производству свечек, 270 маслобойных предприятий по области в городе Самарканде сосредотачивались: кирпичных 10, гончарных 10, мыловаренных 20, по производству свечек 10, маслобойных 46 заведений.

Из всех 3271 заведений различных типов на территории г. Пенджикента находилось всего 80, в Каттакургане—375 вместе с лавками, а на территории города Самарканда более 2912 заведений[89].

Неодинаковый уровень развития отдельных отраслей ремесленного и промышленного производства в Самаркандской области, в том числе и в городе Самарканде, свидетельствовал об отсталости в техническом и организационном отношениях ремесленного производства.

[86] Сборник материалов для статистики Самаркандской области. Самарканд, 1889, стр. 43.

[87] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 344.

[88] Сборник материалов для статистики Самаркандской области. Самарканд, 1889, стр. 43. Авторы „Сборника материалов для статистики Самаркандской области" за 1888—1889 г., видимо „под предприятиями заводского типа имеют ввиду предприятия средней величины, которые отличались в некоторой степени по характеру производства от других ремесленных заведений. Станет более понятным, если обратимся к фактам: из всех так называемых виноградоводочных заводов, которых в области насчитывалось 9, годовое производство их равнялось 261000 рублей. В одном из них—спиртоочистительном, который считался наиболее крупным в 1888 г., работало всего 11 рабочих, а остальные имели от 3 до 10 рабочих на каждом.

[89] Сборник материалов для статистики Самарк. обл., Самарканд, 1889, стр. 43.

Все же после присоединения края к России в жизни и деятельности ремесленников и кустарей произошли существенные изменения вследствие проникновения и развития в крае капиталистических отношений.

Естественно, что с появлением более крупных заведений мелкие кустарные предприятия не могли конкурировать с русской фабрично-заводской промышленностью и начали сокращаться.

Русским фабрикантам и дельцам при активной поддержке царского правительства удалось вытеснить из обращения иностранные мануфактурные товары и завоевать рынки Самаркандской области. Этот процесс с другой стороны заставил существенно изменить ремесленное и кустарное производство.

Если до присоединения Туркестана к России с территории Бухарского ханства, особенно Бухары, Самарканда и Ходжента, большое количество хлопчатобумажных тканей шло в Россию[90], то уже в 1895 году, когда железная дорога проходила через Самаркандскую область, там начался упадок кустарного ткачества вследствие увеличения и удешевления провоза фабричных тканей и пряжи из России. Ткачи, вынужденные конкурировать с фабричным производством, пытались улучшать свои изделия. Это приводило к увеличению затрат на сырье и требовало большой затраты труда, что тяжело отражалось на положении ткачей[91].

С этого момента все больше усиливается приток ситца и пряжи из России[92]. Если в 1893 году в край из России было вывезено 35897 пудов пряжи, то в 1894 году вывоз достиг 52007 пудов на сумму 1. 208. 296 рублей. „Судя по имеющимся теперь запасам,—писал в 1896 году русский фабрикант Мансырев,—русской пряжи в оптовых складах и лавках Самарканда находится достаточно и можно утверждать, что вывоз их из года в год увеличивается. Ясно, что и доныне здешние кустари-ткачи воюют с нашей фабрикой"[93].

Жертвами конкуренции стали кустари-кожевники[94]. Хотя основная масса дехканства продолжала пользоваться изде-

[90] Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию, СПб, 1869, стр. 10.

[91] Р. З. Шмидт. Об эволюции ремесла в Туркестанском крае, Известия АН УзССР, серия общественных наук, № 2, 1959, стр. 37.

[92] Там же.

[93] С. П. Мансырев. Базарная торговля в Самаркандском уезде. В кн. СКСО за 1898 год, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 123.

[94] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 12, д. 815, л. 215.

лиями местного ремесла, все же городское население стало носить фабричную обувь, привозимую из России[95].

После присоединения Самарканда к России кожевники-ремесленники до некоторой степени стали пользоваться наемной рабочей силой. Оплата наемным рабочим производилась сдельно и поденно: за воловьи кожи наемный рабочий получал 40 коп., за коровьи—30 коп., телячьи—20 коп. За 36 козлиных кож рабочий получал 5 рублей, за 100 штук бараньих—4 руб. 80 коп[96].

Отдельные данные свидетельствуют о некоторой специализации ремесленников-кожевников в зависимости от рода производимых ими продуктов своего труда. Так, одни ремесленники полностью были заняты производством, в основном, подошвенных материалов, а другие—выделкой хромовых кож, третьи—выделкой бараньих и козлиных кож. Кроме того определенная часть ремесленников занималась специально выделкой кож.

Труд „чармгаров" был тяжелее, чем труд выдельщиков, поэтому выделкой самостоятельные ремесленники старались заниматься сами, а более состоятельные и заинтересованные, имевшие большие возможности, для выделки кож применяли только труд наемных рабочих.

Один мастер-кожевник, с одним наемным рабочим, за год могли обработать кож: воловьих до 250 шт., столько же коровьх, а телячьих до 300 шт., козлиных до 1000 штук и бараньих до 1200 штук[97].

Для большей ясности и определения социально-экономического положения ремесленника-кожевника мы попытаемся подсчитать средний годовой заработок одного самостоятельного мастера ремесленника и наемного рабочего, который работал непосредственно под его руководством.

Если один мастер-ремесленник за год с одним рабочим могли обработать до 300 штук телячьих шкур себестоимостью сырой продукции в размере 300—450 рублей, а стоимость товарной продукции равнялась 480—600 рублей, то из этой суммы наемному рабочему выплачивались заработки до 70 руб, поземельные и прочие налоги составляли 40—60 руб. и в итоге, в руках ремесленника-кустаря без учета амортизации орудий производства и других дополнительных расходов оставалось годового дохода примерно 80—100 рублей.

Конечно, эта сумма при наличии 5—10 членов в каждой семье ремесленника являлась скудным доходом и не могла

[95] В. И. Масальский, Туркестанский край. СПб, 1913, стр. 536.

[96] В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края, СПб. 1915, стр. 542.

[97] Там же стр. 538—542.

обеспечить даже минимальную потребность ремесленника на самые необходимые средства к жизни. К тому же, если прибавить чрезвычайно низкий уровень гигиенических и санитарных условий, в которых приходилось работать им, то становится более ясным, что положение ремесленников и кустарей шло к ухудшению, в результате чего ремесленник вынужденным образом стал бросать свои ремесла и переключаться на другие отрасли ремесленного производства, шел в кабалу к богатым промышленникам и скупщикам, искал выход из этого трудного положения поисками работы в других отраслях производства.

В конце XIX и в начале XX веков особенно наблюдается рост разорения и обнищания ремесленников города Самарканда. Как сообщают Заорская и Александер, по словам аксакала самаркандских кожевников-ремесленников Нор Мухамедова, до присоединения Самарканда к России членов общества „кунчиликов" города Самарканда насчитывалось до 400 человек, а в 1908 году их осталось 118.

Таким образом, главной причиной падения ремесленного производства кожевников Самарканда было то, что ремесленники-кожевники не выдерживали конкуренции более крупных кожевенных предприятий капиталистического типа, которых в начале XX века в городе Самарканде насчитывалось 8 из всех 14 кожзаводов, расположенных на всей территории Туркестанского края[98].

Кроме того, отрицательное влияние также оказало на разорение местных ремесленников и кустарей-кожевников открытие железнодорожной магистрали. Русские и местные деловые круги с открытием железной дороги получили более доступный способ ввоза сырой кожи из Самаркандской области в европейскую Россию. В результате усиления ввоза сырого материала естественно цена его во много раз повысилась, отрицательно повлияв на положение ремесленников и кустарей.

В кожевенном производстве имелись налицо все признаки капитализма, хотя они носили половинчатый характер. Кожевники работали на рынок. На заводах Самарканда"... наемный труд употребляется неслучайно, а систематически ..."[99].

Об этом говорит тот факт, что на кожевенных предприятиях Самаркандской области в 1905 году работало 175 рабочих[100], а на остальных 12 кожевенных предприятиях Туркестана[101], работало 422 рабочих, т. е. на одно предприятие приходилось в среднем около 12 рабочих, а по Самарканду на каждый завод падало по 21,9 рабочих.

[98] В. В. Заорская и К. А. Александер. Указанная работа, стр. 224—225.
[99] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр 330.
[100] К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел I, СПб, 1911, стр. 364.
[101] В. В. Заорская и К. А. Александер. Указанная работа, стр. 233.

Резким изменениям подверглось гончарное ремесло, которое также широко было развито в Самаркандской области. До присоединения Самарканда к России эта отрасль ремесленного производства переживала некоторый подъем, так как привоз русских фаянсовых изделий в результате отсутствия железнодорожных путей сообщения подвергся большим затруднениям, а местные гончары, боясь наплыва фабричных изделий из России, старались улучшать качество изделий своего производства, стремились копировать русские образцы[102].

С налаживанием железнодорожной линии доставка фарфоровых и фаянсовых изделий из Центральной Европы в Туркестан, в том числе в Самаркандскую область, послужила причиной падения гончарного ремесла, наблюдаемого еще с 1897 года, а в 1900 году оно наблюдалось повсеместно. Теперь ремесленники-гончары мало стали обращать внимания на окраску глиняных изделий, некоторые гончарные мастерские совсем перестали расписывать посуду[103]. Например, в Самаркандской области, по сообщениям К. Розвадовского[104], хотя в одном Ходжентском уезде изготовлялось ежегодно 100—150 тысяч предметов на сумму 8—12 тысяч рублей, все же только в одном Самаркандском уезде из 24 гончарных мастерских 12 мастерским пришлось прекратить расписывание и покрытие изделий глазурной краской[105].

Однако были и некоторые отрасли кустарного производства, как, например, седельное производство, которое в Самаркандской области развивалось успешно, так как среди местного населения различные седла пользовались большим спросом, кроме того, эта отрасль кустарного производства носила исключительно местный характер.

В 1900 году в городе Самарканде было 90 седельных мастерских, в которых работало 180 рабочих с годовым производством до 28000 седел, из которых до 20000 штук вывозилось во все города края и в Бухарское ханство, а в Самарканде продавалось до 8 тысяч штук в год. Стоимость каждого седла равнялась от 4 до 10 рублей[106].

[102] Н. А. Кирпичников. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области. Справочная книга Самаркандской области на 1897 год, сост. Вирским, вып. 5, стр. 120.
[103] Р. З. Шмидт. Об эволюции ремесла в Туркестанском. крае, Изв. АН УзССР, серия общественных наук, № 2, 1959, стр. 37.
[104] К. Розвадовский. Опыт исследования гончарного и некот. др. кустарных промыслов в Турк. крае, Журн. „Туркестан. сельск. хозяйство", 1916, № 7, стр. 636.
[105] Там же.
[106] В. Розвадовский. Указанная работа, стр. 347.

Хотя в Туркестане утилизация крупным капиталом мелких заведений проходила в несколько иной обстановке, чем в других губерниях России и носила угробный характер, все же этот процесс постепенно распространился в Туркестанском крае, в том числе и в Самаркандской области, что можно проследить из следующей динамики кустарного производства Самаркандской области (таблица № 16):

Таблица № 16

Годы	Число кустарных заведений	Сумма годовой производительности (в руб.)
1868	1816	Данные отсутствуют
1883	1916	159143
1888	5005	1459305
1892	10587	3145620
1893	10183	2918631
1905	7046	1837072
1908	8034	2103749
1910	7788	2087924[107]

С окончанием соединения железнодорожных путей Средней Азии и прохождение их через территорию Самаркандской области резко изменилось положение и удельный вес ремесленного производства. Если в 1888 году сумма годового производства всего фабрично-заводского производства предприятий Самаркандской области равнялась 1.033573 рубля, то уже в 1905 году она достигла 11.469.580 рублей, а в 1908 году—14.84.3287 рублей[108], совместно с годовым оборотом чайно-рассыпочных складов, без которых сумма годового производства фабрично-заводских предприятий по области в 1905 году равнялась 2.616.652 рублям, а в 1908 году—5.121.995 руб., в 1913 году она поднялась до 10.129.773 рублей[109].

Если в 1893 году стоимость продукции ремесленного производства по области составила 2.918.631 рубль[110], а продукция фабрично-заводской промышленности 3.054.697 рублей и, следовательно, предприятиям фабрично-заводского типа принадлежало 51,2% стоимости продукции всей области, то в 1913 году на долю 80337 ремесленных заведений падало всего лишь 1.814.377 рублей, а на фабрично-заводские предприятия—10.129.773 или же 84,8% стоимости годовой продукции Самаркандской области.

Таким образом, рост числа населения, занятого в промышленном и ремесленном производстве, свидетельствовал об усилении общественного разделения труда, о росте капиталистических элементов в области. С другой стороны, приведенные данные по вопросам ремесленного производства говорят также о действиях объективного закона капитализма—о товарном производстве, о поглощении или вытеснении многих ремесленных производств фабрично-заводскими. „Рост мелкого производства в крестьянстве означает появление новых производств, выделение новых отраслей обработки сырья в самостоятельные сферы промышленности, процесс в общественном разделении труда, начальный процесс капитализма, тогда как поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его. Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготовляет почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы"[111].

Фабрично-заводское производство

После присоединения Туркестанского края, в том числе и Самарканда к России, царизм, как главный защитник феодально-крепостнических пережитков, всячески тормозил развитие капиталистических отношений в Средней Азии. Колониальная политика царского правительства в Туркестанском крае прежде всего выразилась в том, что она держала экономику края в качестве основной базы для потребности метрополии.

Несколько забежим вперед. Все же для более правильной характеристики сущности колониальной экономической политики царизма в Средней Азии, в том числе и в Самарканде, обратимся к таким фактам:

[107] Таблица составлена на основе след., материалов: ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. II, л. 105; д. 12, л. 125; д. 1333, л. 2. Сборник материалов для статистики Самар. обл., Самарканд, 1889, стр. XVII—XVIII; ЦГА УзССР, ф. 18, оп. I, д. 222, л. 7, д. 296—А, л. 12; К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отд. I, СПб, 1911, стр. 318, 365, 366; В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. СПб, 1915 стр. 141; Обзор Самаркандской области за 1910 год. 30; ЦГА УзССР, ф. 18 оп, 1, 3665—3, л. 34—35.

[108] К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел I, СПб, 1911, стр. 364.

[109] В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. СПб, 1915, стр, 143.

[110] Р. З. Шмидт. Об эволюции ремесла в Туркестанском крае. Известия АН УзССР, серия общественных наук, № 2, 1959, стр. 40.

[111] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 344—345.

В 80-х годах XIX века владельцы Большой Ярославской мануфактуры в Самарканде купили участок земли для постройки бумажно-прядильной фабрики. Однако царские власти немедленно под различными предлогами остановили ее строительство.

Несколько позднее, именно в 1913 году, Самаркандское акционерное общество обратилось к генерал-губернатору Самаркандской области Самсонову с просьбой разрешить построить в Самарканде ткацкую фабрику—первую во всей Средней Азии, но в ответ получило резкий отказ. В ответ царский прислужник высказал, что развитие ткацкого производства в Туркестане нежелательно, ибо его строительство и производство „... весьма неблагоприятно отразилось бы на московском фабрично-заводском районе, сокращая в нем обработку хлопка на все то количество, которое остается с той же целью в пределах Туркестана и, подрывая торговлю московских мануфактурных фирм на среднеазиатских и персидских рынках выпуском своих значительно более дешевых изделий"[112].

Несмотря на это, отдельные промышленные предприятия начали возникать в Средней Азии в первые же годы после ее присоединения к России.

Вслед за царскими войсками в край, в том числе и в Самаркандскую область, шли различные русские военные и гражданские чиновники, капиталисты и иностранцы, которые развернули на местах свою частную предпринимательскую деятельность. Еще до 1868 года на территории Туркестанского края для освоения его богатств стремились такие крупные русские дельцы, как братья Хлудовы, Иванов, Филатов, Трубчанинов[113], Ф. Подвинцов, И. А. Первушин, И. И. Первушин, Григорьев, Крюков, Кетчер, Е. Переяславская, Харитонов, А. П. Подвинцов, А. Осипова. Они просили „... выдать им дозволительные свидетельства на производство розысков и разработку золотых россыпей и других горных промыслов в Туркестанской области"[114].

Частные предприниматели, прибывшие из России, стали создавать в Самарканде и в других районах края различные предприятия и заведения, начали разводить новые сорта хлопчатника, табака и пр. Они стремились в первую очередь к организации винокуренных, коньячно-винодельных,

[112] Н. И. Матюшкин. СССР—страна великого содружества народов. Москва, 1953, стр. 13—14. Об этом же см. А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959, стр. 158.

[113] М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX века, Москва, 1963, стр. 162—163.

[114] ЦГА УзССР, ф. 450. оп. 1, д. 13, лл. 285, 342.

спирто-водочных и хлопкоочистительных заводов, для которых на месте имелось необходимое сырье и дешевая рабочая сила. Кроме того, эти отрасли производства не требовали больших затрат и могли принести предпринимателям большие доходы.

Первые частнопредпринимательские заведения появились в Самарканде еще в 70-х годах XIX столетия[115]. В 1868 году в Самарканде купцом Филатовым был построен первый винокуренный и пивоваренный завод с незначительным производством[116].

Винодельный завод Филатова производил вина в 1881 году—1200, в 1890 году—16000 и в 1900 году—20000 ведер[117]. Капиталисту Филатову в Самаркандской области уже в 1900 году принадлежало: 2 винодельных, 1 коньячно-винокуренный и 1 спиртоперегонный заводы.

Техник-практик поручик Лямин в 1879 году построил в городе Самарканде водяную мукомольную мельницу в ручьях реки Сиаб-сай, расположенных по Самаркандско-Ташкентской дороге[118]. Стоимость этой мельницы равнялась 26000 рублей[119]. Водяная мельница Лямина с начала 1880 года приступила к производству муки хорошего качества, которую в шести поставах получали в сутки до 1000 пудов[120]. На мельнице Лямина переработка 7,5 пудов зерна стоила 50 коп., тогда как местные мельницы-тегирманы за пуд перемола взимали 85 коп[121]. Отмечая большое значение водяной мельницы предпринимателя Лямина, в то же время даже представители царской власти вынуждены были признать то, что капиталистический способ производства поглощает в результате отчаянной борьбы более мелкие предприятия и заставляет местных владельцев предпринимать более решительные меры. В одном из своих рапортов Туркестанскому генерал-губернатору царские власти в Самарканде сообщали, что „... устройством рационального размола зерна усовершенствованными механизмами мельница эта, служит для туземных мельников живым и поучительным примером к улучшению существующего у них при-

[115] Там же, ф. 1, оп. 16, д. 266, лл. 10, 12, 24.

[116] Обзор Самаркандской области за 1898 год, Самарканд, 1900, стр. 12.

[117] Е. Марков. Россия в Средней Азии. В книге: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге, том II, СПб, 1901, стр. 278.

[118] ЦГА УзССР, ф, 1, оп. 5, д, 295, лл. 84—85.

[119] Там же, ф. 1, оп. 5, д. 295, л. 32.

[120] Г. Арандаренко. Из Самарканда, корреспонденция „Туркестанской ведомости". № 22, 1880.

[121] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 5, д. 295, л. 84.

митивного способа размола и вызвала в виде конкуренции необходимость переустройства многих мельниц, что не могло в то же время не отразиться весьма благоприятно на интересах потребляющего муку русского и туземного населения, которое стало получать муку и лучшего качества и дешевле, так как помол стал обходиться мельницам дешевле против прежнего времени"[122].

В последующих годах экономическая политика царизма в Средней Азии настоятельно требовала строительства железной дороги. Еще в 1874 году, определяя основной курс экономической политики царизма Кауфман писал, что „Высочайше повелено господину министру путей сообщения обсудить наилучшее направление железного пути в Центральную Азию, и что, следовательно, мысль о проведении сего пути понемногу зреет и должна привести к желаемому результату, столь необходимому как для развития занимаемого нами края на пользу русской торговли и промышленности, так и для обеспечения от всяких случайностей нашего там положения"[123].

Надвигающиеся события последующих годов, обострение англо-русского соперничества, план дальнейшего продвижения царских войск в направлении Туркмении ускорили строительство Закаспийской железной дороги.

После присоединения Самарканда к России на территории области в особенности в городе Самарканде, вслед за железной дорогой возникают новые отрасли промышленности. Так, были открыты заводы: хлопкоочистительные, кишечноочистительный, пивоваренные, винокуренные, коньячно-винодельные, макаронный, табачный и пр.

Это еще более подтверждаеся высказыванием В. И. Ленина о том, что „... русская буржуазия „слушает да ест". Пока „интеллигенция" ищет новых путей, она предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда"[124].

До проведения железных дорог перевозка товаров от Самарканда до Оренбурга длилась около шести–семи месяцев. Такая транспортировка грузов увеличивала стоимость одного пуда товаров от 2,5 до 3 рублей (золотом)[125].

[122] Там же, л. 108.
[123] ЦГВИА, ф. 400, по. 1874, д. 23, л. 4.
[124] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 324.
[125] В. Суворов. Историко-экономический очерк развития Туркестана, Ташкент, Госиздат УзССР, 1962, стр. 21.

С проведением железной дороги положение коренным образом изменилось.

Регулярное сообщение от Красноводска до Кизил-Арвата началось 15 октября 1886г., а от Кизил-Арвата до Самарканда к 15 мая 1888 года.

Стоимость сооружений Закаспийской военной железной дороги (протяжением в 1415 верст от Красноводска до Самарканда и 293 версты до Кушки) всего 1708 верст составила 79,7 млн. рублей или 46,6 тыс. рублей в расчете на одну версту[126].

С проведением железной дороги до Самарканда встал вопрос о продлении ее до Ташкента. В мае 1895 года под руководством инженера А. И. Урсати началось строительство железнодорожной линии Самарканд-Ташкент и отдельной линии на Андижан. На строительстве этого участка было занято около 13 тысяч человек, среди которых были и коренные жители Средней Азии. Тяжелые жизненные условия и рабский труд господствовал в железнодорожном строительстве. Трудящиеся массы терпели всякие трудности. Тяжелый труд, отсутствие жилья, недостаточная медицинская помощь, недоедание и различные болезни были постоянными их спутниками. Кроме этого, рабочие нередко несколько месяцев не получали заработную плату, которую всячески задерживали и не выдавали под различными предлогами, это признавали даже сами чиновники железной дороги.

Строительство Среднеазиатской железной дороги выходило за рамки военных нужд, оно имело огромное значение не только для Средней Азии, но послужило толчком для некоторого промышленного подъема России. Были даны заказы на изготовление железнодорожных рельс крупным заводам Европейской России. Поставками различного оборудования были заняты заводы Путиловский, Новороссийский, Брянский, Николь-Мариупольский, Екатеринославский, Варшавский; цемента—Глухозерский, извести—из Чарджоу. Облицовочный материал был из Самарканда и Теджена[127].

Итак, как подчеркивал В. И. Ленин, „Закаспийская дорога стала „открывать" для капитала Среднюю Азию..."[128].

Со строительством среднеазиатской железнодорожной магистрали фактически начинается экономическое освоение всего Туркестанского края, в том числе и Самаркандской области, русскими капиталистами и помещиками.

В развитии капиталистических элементов немаловажная

[126] Там же, стр. 24—25.
[127] Там же, стр. 27.
[128] В. И. Ленин. Полн. собр. собр. соч., т. 5, стр. 82.

роль принадлежала до проведения железных дорог, и даже после их проведения, шоссейным и проселочным дорогам, от исправности которых зависели торгово-экономические связи как внутри районов области, так и их внешние связи.

Особенно чувствительно отражался на местной жизни недостаток шоссейных дорог, строительство и развитие которых являлось одним из непременных условий экономического освоения области русскими торгово-промышленными кругами.

После присоединения Самарканда к России для налаживания более прочных связей с другими районами страны были построены почтовые тракты Кабул-сай-Верный (длиной 737 верст), которые примыкали к Самарканд—Ташкентскому тракту (длиной 287 верст). Эта дорога шла затем в Оренбург и Сибирь. Затем немаловажное значение имел почтовый тракт Самарканд—Термез (338 верст), соединяющий территории Самаркандской области с Бухарским ханством[129]. На территории Самаркандского уезда на этой магистрали находились от Самарканда станции Багрин (22 верст), Аман-Кутан (39 верст), далее Тахта-Карача (43 верст).

Кроме того, от г. Самарканда колесная дорога шла по почтовому тракту на запад к г. Катта-Кургану и на северо-восток к Ташкенту через станцию Джамбай, Ак-Тепе и Каменный мост. Станции Джамбай и Ак-Тепе были основаны еще в 1870 году.

Немаловажное значение имели колесные дороги, которые шли от Самарканда к Пенджикенту, Дагбиту, Ургуту, Челеку, Лаишу, Даулу и другим районам области. Достаточно сказать, что только по одному почтовому тракту Самарканд-Ташкент ежегодно в среднем проходило до 300 тыс. арб, до 560 тыс. лошадей с вьюками, до 890 тыс. верховых лошадей, до 280 тыс. верблюдов, до 200 тыс. рогатого скота, до 400 тыс. мелкого скота и др[130].

После присоединения Самарканда к России в городе в начале 1869 года было открыто первое почтовое отделение[131]. По мере роста города, развития его связей с Россией, росла и увеличивалась потребность в налаживании средств связи и почтово-телеграфных дел в округе. Поэтому заведующий Самаркандским почтовым отделением Баратинский, обращаясь с рапортом от 18 ноября 1870 года к генералу Абрамову, просил открыть специальную контору связи[132].

---

[129] К. Пален. Областное управление. СПб, 1910, стр. 263.

[130] Г. А. Бажезицкий. Самаркандский уезд. Статистический обзор, 1905, стр. 65.

[131] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. I, л. 48—49.

[132] Там же, лл. 62, 64 обр.

По мнению Баратинского, расходы на открытие окружной конторы почты оправдают себя и контора может принести в последствии большие доходы для государства. Особенно после открытия ярмарки в Ташкенте самаркандское торговое население неминуемо войдет в торговые связи с ташкентским купечеством[133].

Хотя почтовый штат в Самарканде был утвержден в составе 6 человек и начал свою деятельность, царизм, в отличие от других губерний России, с 1875 года отказался от содержания почтовых расходов за счет казны и стал передавать содержание почтового тракта в аренду частным лицам[134].

Наряду с налаживанием деятельности почтового тракта в интересах военно-промышленных кругов, царская власть вынужденным образом стала проводить мероприятия по проведению телеграфной линии между Самаркандом, Ташкентом и Бухарой[135], строительство которой было начато в 1875 году[136].

В 1884 году была построена телеграфная линия от Каттакургана до Бухары[137], которая, таким образом, во многом способствовала развитию экономики и торговли Самаркандской области и связала ее еще больше с Бухарским ханством и с Ташкентом.

Однако все мероприятия правительства, которые были направлены на осуществление экономического освоения края, не получили соответствующего успеха вплоть до строительства железной дороги. Только строительство железной дороги окончательно открыло возможность всестороннего освоения края метрополией.

После строительства Закаспийской железной дороги из года в год росли ее обороты, о чем свидетельствуют следующие данные: движение грузов из Самарканда в 1902 году с 4.887.937 пудов поднялось в 1907 году до 12.749.715 пудов, т. е. увеличилось почти в 3 раза, а движение пассажиров с того года с 97718 человек возросло до 180497 человек—увеличилось в 2 раза[139].

В целом рост численности и производительности про-

---

[133] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. I, л. 62—64. обр.

[134] Там же, ф. I, оп. 5, д. 122, л. 2—3 обр. л. 27—28; д. 111, л. 33, д. 122, лл. 27—28.

[135] Там же, ф. I, оп. 34, д. 605—А, л. 8.

[136] Там же, ф. 17, оп. I, д. 1833, л. I.

[137] Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. т. II, СПб, 1911, стр. 190.

[139] Г. А. Бажезицкий. Самаркандский уезд, Статистич. Обзор, 1909, стр. 65.

мышленных предприятий Самаркандской области характеризуется данными таблицы № 17.

Эти данные свидетельствуют о начавшемся процессе концентрации производства. Со временем предприниматели, имевшие по одному—два предприятия, становятся владельцами нескольких промышленных заведений, появляются торговые дома и различные товарищества. Кроме того, эти данные свидетельствуют, что в течение 30 лет выросли как объем валовой продукции отраслей промышленности области, так и ее количество.

Если в 1893 году в области насчитывалось 51 промышленное заведение с годовым производством на 3054697 рублей, где работало 805 рабочих, то уже в 1913 году количество предприятий увеличилось до 117, годовая продукция которых равнялась 10. 129. 773 рублям, где занято было всего 2814 рабочих. Если здесь прибавить объем производства чайно-рассыпочных складов, по данным материала ревизии К. Палена, в 1908 году, где занят был 731 рабочий, сумма производства во всех 16 чайно-рассыпочных складах равнялась 9. 066 000 рублей, тогда объем промышленных заведений Самаркандской области в 1913 году будет равен 19. 195. 773 рублям, где насчитывалось 3545 рабочих обоего пола, считая и подростков.

Из 2814 рабочих, занятых во всех отраслях промышленного производства области, 1002 человека или 35,6% работали на хлопкоочистительных заводах. Затем в 24-х винодельных заведениях работало 522 человека. Самое крупное предприятие области по числу рабочих и по валовому объему производства, падающих на одно предприятие, был пивоваренный завод Медведчиковых, на котором в 1900 году работало 40 рабочих, в 1905 году—88, в 1908 году—175 и в 1913 году—305 человек. Соответственно по годам объем производства равнялся в 1900 году 99. 000 рублям, в 1905 году—366. 952 рублям, в 1908 году—399. 000 рублям, а в 1913 году—400. 000 рублям. На данном заводе в 1913 году было произведено 260. 000 ведер пива или же по объему производства и концентрации рабочих пивоваренный завод Медведчиковых занимал первое место по Туркестанскому краю. Из 305 рабочих 190 человек являлись сезонными рабочими[140].

Итак, в конце XIX века и в начале XX века в Самаркандской области появляется предприятие капиталистического типа, где постепенно формировался местный пролетариат и национальная буржуазия.

[140] В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края, СПб, 1915, стр. 384—385.

Таблица № 17

ДИНАМИКА

рога и развития промышленных заведений Самаркандской области с 1883 по 1913 годы

Отрасли промышленности	1883 год			1893 год			1898 год			1908 год			1913 год		
	число заведений	сумма пр-ва	число рабочих	число заведений	сумма пр-ва	число рабочих	число заведений	сумма пр-ва	число рабочих	число заведений	сумма пр-ва	число рабочих	число заведений	сумма пр-ва	число рабочих
Хлопкоочистит.	—	—	—	14	2330798	407	22	2583600	880	35	3284000	420	31	5794612	1002
Пивоваренная	2	26000	10	1	40000	18	2	101232	64	1	396000	175	1	400000	305
Винодельная	2	32500	70	4	105500	40	19	164400	275	28	205540	259	24	1040532	522
Мукомольная	—	—	—	3	200000	30	4	401205	116	5	682100	95	3	346074	59
Кожевенная	15	8900	52	15	66000	80	17	131650	157	8	202692	60	14	406127	101
Маслобойная	—	—	—	—	—	—	1	70000	32	1	220000	80	5	677182	147
Типографии	—	—	—	1	2000	—	3	30000	—	3	113000	104	3	129600	197
Кишечкочист.	—	—	—	4	64000	30	5	72000	15	3	87100	41	4	105906	62
Спиртоочистит.	—	—	—	—	—	—	4	141000	42	2	241500	28	3	361052	38
Свинцепрокат.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	95000	22	1	144045	29
Искусств. мин. воды	—	—	—	1	3300	—	1	3960	4	3	25000	12	5	52586	30
Коньячно-ликер.	5	100577	146	4	83370	110	4	67420	120	3	53700	45	4	663457	14
Макаронная	—	—	—	—	—	—	1	2700	34	1	27000	8	2	69660	27
Прочие	—	—	—	5	160029	90	4	49930	74	—	—	—	17	—	286
ВСЕГО:	24	167077	278	52	3054697	805	87	3879097	1812	94	5585632	1348	117	10129773	2814

[139] Таблица составлена на основе нижеследующих материалов: 1. ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 1333, л. 2. Обзор Самаркандской области за 1893 год. Самарканд, 1894, стр. 108—111. Приложение № 2 и 3; К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб, 1911, стр. 364; В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края, СПб, 1915, стр. 143.

Торговля

Торговля в Самаркандской области развивалась по двум направлениям: внутренняя и внешняя. В области внутренней торговли решающее место принадлежало базарной торговле. Однако она в основном носила мелочный характер. Торговлей в Самарканде занимались те лица, которые имели определенные суммы для оборота[141]. О значительном увеличении товарных отношений свидетельствует рост числа базаров и их оборотов. Через базары проходила значительная часть товарооборота Зеравшанского округа. Развитию базарной торговли способствовало прежде всего то, что сельское население постепенно стало переходить от принципа натурального обмена к товарно-денежному обмену. Но это вместе с тем доказывало о слабости общественного разделения труда. В 1872 году в Зеравшанском округе было 33 базарных места, где постоянно торговлей занимались около 3166 человек. В неделю на 33-х базарах вели торговлю до 9500 человек[143].

Самаркандские мелкие торговцы большей частью заботились о быстроте оборота своего капитала и старались в течение одного года делать несколько оборотов, несмотря на то,что эти торговые обороты могли приносить очень малые доходы.

Из торговцев города Самарканда $^3/_2$ части имели по несколько лавок с различного рода товарами, где торговали их родственники или приказчики[146].

Вся деятельность богатых купцов в основном проходила в караван-сараях Самарканда. Цены на товары на самаркандском центральном базаре служили руководящей ценой для других базаров Зеравшанского округа[144].

По мере развития торговли, среди купечества также происходит существенное изменение. Основной торговый капитал начинает сосредоточиваться в руках кучки богатых купцов. По подсчетам С. П. Мансырева, в Самаркандском уезде в 1896 году было 183 базоза, в 1897 году—193, а в 1898 году число их увеличилось до 232 человек, из которых весьма немногие торговали на наличные капиталы, а более чем $^4/_5$ базозов покупали товары в кредит у местных оптовых торговцев в г. Самарканде, которым давали при покупке 10—15% цены товара с условием в дальнейшем помесячной оплаты. Размер кредита в месяц равнялся от

[141] Газета „Туркестанские ведомости", 1871, № 5.
[142] А. Гребенкин. Таджики. Русский Туркестан, вып. I, под ред. Н. Маева. Москва, 1872, стр. 26.
[143] Там же, стр. 28, 30.
[144] Там же, стр. 30.

1 до 2,5% от общей суммы оборотного капитала. Средний годовой оборот базоза достигал от 2 тыс. до 2500 рублей при доходах от 12 до 25%[145].

После базозов в базарной торговле важное место играли аттары, которых по уезду в 1897 году было 193, в 1898 году— 205 человек. Средний оборот каждого аттара не превышал 600—900 рублей с прибылью от 20 до 25% годового оборота[146].

Следующий вид торговцев составляли мелкие торговцы по продаже местных хлопчато-бумажных материй. Годовой оборот каждого был до 400—500 руб., и прибыль до 15%. В 1897 г. в уезде таких торговцев было 132, а в 1898 г.— 148 человек.

Весьма распространенным видом торговцев на базаре являлись баккалы, которые продавали преимущественно сухие фрукты, овощи, муку, ячмень и т. д. Они большей частью располагались на дорогах.

Баккалов в 1897 году было в уезде 104, а в 1898 году— 92 человека. Оборот каждого составлял приблизительно 600—700 руб., а прибыль до 20%[147].

О значительном увеличении товарных отношений также свидетельствует рост числа купцов всех категорий. Эти изменения можно при следитьпри сопоставлении данных за 10 лет, т. е. с 1888 по 1898 год.[148]

Если в 1888 году было выдано по Самаркандской области 8687 торговых документов, в том числе купцам I и II гильдий—103, лицам, занимающимся внешней и развозной торговлей—56, то уже в 1898 году было выдано 18357 торговых документов, из них купцам I и II гильдий 450, купцам, занимающимся внешней и развозной торговлей—143 документа. Остальные документы носили мелочный характер.

Эти данные, во-первых, показывают рост и развитие внутренней торговли, во-вторых, они свидетельствуют о широком распространении мелкой торговли.

Наиболее крупным уездом области, где сосредоточивались торговые обороты, был Самаркандский уезд. В Самаркандском уезде, если в 1888 году было выдано всего 4206 различного рода торговых документов (47,2% всех торговых

[145] С. П. Мансырев. Базарная торговля в Самаркандском уезде. Справ. книжка Самаркандской области на 1898 год, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 125—126.
[146] Там же, стр. 127—128.
[147] Обзор Самаркандской области за 1889 год. Самарканд, 1891, стр. 13 и Обзор Самаркандской области за 1898 год. Самарканд, 1899, стр. 15.
[148] Обзор Самаркандской области за 1889 год. Самарканд, 1891, стр. 13 и Обзор Самаркандской области за 1898 год, Самарканд, 1899г., стр. 15

документов по области), то уже через 10 лет, т. е. в 1898 году выдача поднялась до 6918 документов или 51,8% всех документов, выданных по области.

Самаркандский уезд как по видам торговли, так и по своему развитию, разделялся в основном на три части:

1. В новой части города Самарканда располагались (без вокзального участка) 233 торговых и промышленных заведения, годовой оборот которых только в 1897 году составил 2238400 руб., доход из этого торгового оборота был 196740 рублей.

Так называемая русская часть города от „азиатской" части прежде всего отличалась тем, что в ней количество и размеры разного рода ремесленных заведений до крайности были ничтожны и далеко не удовлетворяли потребности даже незначительного числа европейского населения.[149]

2. Основная торговля сосредоточивалась в „азиатской" части города, где торговля в основном делилась на мануфактурную, чайную, местное сырье, прочие изделия, съестные продукты, аренда, бани, цирульни, меняльные лавки и прочие. Общий оборот со всех видов торговли „азиатской" части города в 1897 году составлял 134613350 руб. с прибылью до 1215295 рублей.[150]

На местном рынке по сумме оборотов главное место занимала торговля мануфактурными товарами, из которых привозные ситцы, пряжа, сукно и т. п. были преобладающими, обороты этой части торговли достигали 64,5% общей суммы оборотов.

Таким образом, годовой оборот торговли города Самарканда только за 1897 год достигал до 15.699.750 рублей с прибылью до 1.412035 рублей.

3-й вид торговли Самаркандского уезда составляла торговля и промыслы сельских базаров Самаркандского уезда, которые в основном сосредоточивались в Ургуте, Дауле и Дагбите. Количество торговцев в Ургуте достигало до нескольких сот человек, а торговые обороты составляли свыше 1 млн. рублей в год, из которых около 0,5 млн. приходилось на долю одной только хлебной торговли. Сбыт сушеных фруктов (черный изюм) достигал до 100 тыс. пудов в год, отправляемых в Европейскую Россию.[151]

Кроме Ургутского базара, дагбитский участок Самаркандского уезда занимал первое место в уезде по количеству торговых точек и караван-сараев и по сумме годового

[149] Обзор Самаркандской области за 1897 год. Самарканд, 1898, стр. 28.

[150] Там же, стр. 30.

[151] Г. А. Бажезицкий. Самаркандский уезд. Статист. обзор. 1909, стр. 138.

оборота. Оборот одного дагбитского базара достигал до 1 млн. рублей.

Самое бойкое движение в базарные дни было в среду (ак-тюбинский базар) и в субботу (джамбайский базар). В эти дни по дороге проходило свыше 1 тыс. арб, от 3 до 5 тыс. вьючных лошадей, до 5 тыс. верховых лошадей, до 1 тыс. верблюдов, до 1 тыс. рогатого скота и до 4 тысяч мелкого скота.

Джамбайский базар обслуживал нужды крестьянских хозяйств всей восточной части Дагбитского участка и имел связи с базарами: Чукур-базар (г. Самарканд), Сарыча, Байга-тепа, Джума, Чуян-тепа и Ак-тепе. Общий годовой оборот в этом районе достигал до 2,5 млн. рублей, из которых на Джамбайский базар падало до 900 тыс. рублей, на Ак-тюбинский до 1,5 млн. рублей.[152]

Однако удельный вес торгового оборота сельских базаров Самаркандского уезда составлял незначительное количество, т. е. 21,3% по отношению к сумме оборотов города Самарканда. Следовательно, главным рынком, снабжающим все население Самаркандского уезда привозимыми товарами и товарами местного производства, служил г. Самарканд. В нем сосредоточивались торговые караван-сараи, агентства, лавки, ремесленные и фабрично-заводские заведения.

В Самаркандском уезде главное место в торговом обороте занимала торговля продуктами и изделиями первой необходимости, оборот которой в 1897 году равнялся сумме 1247700 рублей. Второе место занимали обороты заводов и вальцовых мельниц — 511000 рублей, третье—торговля мануфактурными товарами—470800 руб. и, наконец, остальные виды мелочной торговли—603600 рублей. Оборот торговых и промышленных заведений достигал в уезде до 2833100 рублей, а в целом за 1897 год торговые обороты Самаркандского уезда с городом составляли до 18.532.850 рублей, с прибылью в 1.754.790 рублей.[153]

Значительным событием в торговой жизни города явилась отмена зякетного сбора и применение в Самарканде с 1 января 1875 года общероссийского положения „О пошлинах за право торговли промыслов" 1865 года. В соответствии с новыми правилами заведения, владельцы которых не приобрели соответствующих торговых документов, должны были быть закрыты.

Однако это новшество не сыграло решающей роли в

[152] Г. А. Бажезицкий Указанная работа, стр. 140, 141.

[153] Обзор Самаркандской области, за 1897г., Самарканд, 1898, стр. 31–36.

[154] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 91, л. 38.

развитии внутренней и внешней торговли, о чем вынуждены были признавать даже чиновники царского правительства в Туркестане. В одном из своих рапортов от 19 октября 1874 года исполняющий делами туркестанского генерал-губернатора признавал, что местная фабрично-заводская промышленность производит очень мало изделий и удовлетворяет лишь местную потребность, поэтому по его мнению, царской администрации для развития и улучшения местной заводской и фабричной промышленности следовало бы вовсе освободить местное население от платежа торговых пошлин. Иначе, писал он, обложение этих заведений торговой пошлиной может повести к закрытию многих заводов и мельниц, ибо их доходы почти не покрывают расходов по уплате пошлин.[155]

Конечно, царизму не хотелось потерять одну из статей доходов, поэтому это предложение не только не было принято, а, наоборот, со стороны Кауфмана получило осуждение.

Как видно из сообщения Г. А. Арандаренко, только в Ургутском районе Самаркандского уезда, если в 1875 году было купцов второй гильдии и зажиточных торговцев других категорий 22 человека, то уже к концу 90-х годов торговлей мануфактурой занимались только 12 человек. Таким образом, количество так называемых базозов только в одном районе сократилось почти на 50%. Однако сумма торговых оборотов у оставшихся 12 базозов в несколько раз превышала сумму годовых оборотов 22 купцов в 1875 году.[156]

Однако, как было подчеркнуто выше, по мере развития торговли оборот которой непрерывно рос, положение торговцев также изменялось. Определенные круги торговцев, которые сосредоточивали в своих руках оптовую торговлю и жили от процентов, ограждались царскими законами от различных случайностей. А установленный торговый тариф по пошлинам в целом падал на долю мелких торговцев.[157] Это привело к разорению мелких торговцев. Так, если в 1888 году было выдано по Самаркандской области всего 8687, а в 1896 году—13357, то уже в 1906 году было всего лишь выдано населению 11707 торговых документов.

По сравнению с 1898 годом в 1906 году общее количество выданных торговых документов сократилось на 1650

[155] Там же, д. 815, л. 12.

[156] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, 1874—1882, СПб, 1889, стр. 37, 38, 51.

[157] Там же, стр. 66 67.

документов, однако, сумма годового оборота торговли по сравнению с 1888 годом от 9.771,372 руб. возросла в 1908 году до 63.000.000 рублей, в течение 20 лет она увеличилась почти в 7 раз. В целом, несмотря на общее сокращение количества документов мелочной торговли, даже еще в 1906 году основная часть торговли находилась в руках мелких торговцев. Так например, среди 11707 торговых документов, взятых в 1906 году, было 3615 свидетельств III-го и 6628 документов IV разрядов, всего 10243 документа мелочного торга.[158].

Таким образом, распространение товарного кредита на своеобразных условиях, погашения долга в базарные дни и мелкими суммами от 20 коп. до 1 рубля и более, отсутствие необходимых прочных закрытых помещений, близость базаров в густонаселенном пункте, которые позволяли в течение недели перекочевывать с вьюками товаров с одного базара на другой, все это еще в большей степени способствовало развитию мелочной торговли.

Однако, наряду с мелкой торговлей, крупная оптовая торговля, особенно торговля промышленными изделиями, в особенности чаем, стала объектом действий торгового капитала русских торговых фирм.

Царское правительство с первых дней присоединения Самарканда к России способствовало развитию чайной торговли в Самарканде и других районах края. В 1868 году туркестанский генерал-губернатор Кауфман ходатайствовал перед царским правительством об отмене пошлины на кяхтинский чай, привозимый русскими купцами.[159]

В соответствии с предложением Кауфмана, в 1868 году по Туркестанскому краю была разрешена русским купцам беспошлинная торговля кяхтинским чаем и установлена повышенная пошлина на привозимый чай из соседних стран. Уже с этого момента город Самарканд становился центром чаеразвесочной торговли внутри края и с соседними странами. Уже в конце 1869 г. в городе Самарканде в 50[160], в городе Катта-Кургане в 13[161] специально оборудованных лавках местные купцы торговали чаем и другими товарами, привезенными из России.

Итак, если средняя и мелочная торговля мануфактурой и розничная торговля чаем принадлежали почти целиком местному купечеству, зато оптовая торговля чаем принад-

[158] Обзор Самаркандской области за 1905 год, Самарканд, 1907, Приложение № 9.

[159] ЦГ ВИА, фонд 400, опись 1868г., дело 41, лл. 1, 5, 7, 8.

[160] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 12, л. 124.

[161] Там же, оп., 1, д. 11, л, 105.

лежала фирмам Вогау, Попова, Вауэра, Кузнецова, Ганшина, Прохорова, Гусева, Данилова, Шаровского, „Циндел и К°", крупным русским купцам, как Филатову, братьям Каменским, местным купцам Пинхасову, Муллокандову, Каланта-рову и другим.

Останавливаясь на торговле чаем, следует сказать, что Самарканд, благодаря своему географическому положению и удобствам железнодорожного сообщения, занимал в этой торговле первое место в крае.

Если в 1899 году в городах Азиатской России всего было обандеролено 7816119 фунтов чая, из них на долю г. Самарканда падало 35,4%. После Тюмени (3263423 фунтов) Самарканд по всей оптовой чайной торговле занимал второе место по всей Российской империи и первое место по Средней Азии[162].

Таким образом, чайная торговля представляла важнейшую отрасль внешней торговли Туркестанского края. До 90-годов XIX века она производилась главным образом в Бухаре, куда ввозилось ежегодно из индийских городов Бомбея и Пешавара сухим путем через Кабул до 100 тыс. пудов зеленого чая. Основная часть чайной торговли сосредоточивалась в руках пешаварских купцов.[163]

Только с включением Бухарского ханства в 1894 году в таможенную черту России и затем с разрешения царизма в 1895 году транзита чая в Туркестанский край через г. Батуми на Баку и затем из Баку в Красноводск, положение чайной торговли коренным образом изменилось.

После этого для русских купцов и торговых фирм, торгующих оптовой чайной торговлей, открылись большие возможности. Вышеназванные фирмы в г. Самарканде стали открывать один за другим свои оптовые склады. Это дало возможность Самарканду превратиться в главного распределителя чайного рынка в Туркестане. Эта роль окончательно упрочилась за Самаркандом с учреждением в 1902 году Самаркандской внутренней таможни.

Рост чайной торговли вызвал возникновение и развитие новых отраслей промышленного производства ремесленные мастерские по изготовлению чайных ящиков из привозной фанеры, свинцовопрокатный завод, годовое производство которого равнялось сумме 7200 рублей, литографии, печатающие исключительно чайные сорочки и пр.).

---

[162] Справочник Самаркандской области на 1901г., вып., III, Самарканд. 1901, стр. 54.

[163] К. Пален, Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел 1, СПб, 1911, стр. 368.

На этой торговле хорошо зарабатывали также арбакеши, перевозившие чай со станции Самарканд Среднеазиатской дороги.

Уже в 1908 году по подсчетам ревизии К. Палена, в Самаркандской области 16 чаеразвесочных заведений стали выпускать на рынок чая на сумму свыше 9 миллионов рублей. В этих чаеразвесочных заведениях в 1908 году было уже 731 рабочий.

Расширение товарного производства, развитие буржуазных отношений все больше и больше втягивали Самаркандскую область в систему общероссийского рынка. В связи с этим внутренняя и внешняя торговля приобретала все новое содержание и значение для народного хозяйства области. Повсеместно соблюдалась товарность продуктов сельского хозяйства, это подрывало устои феодализма в деревне. Значительная часть сельхозпродуктов по области вывозилась в Центральную Россию, в соседние и сопредельные страны. Общая динамика внешней торговли Самаркандской области после проведения железной дороги была следующей (таблица № 18).

Таблица № 18.

Динамика (среднегодовая) внешней торговли Самаркандской области (в рублях)

Годы	Вывоз	Привоз	Всего	Вывоз больше (+) или меньше (—) привоза
1887	4215698	7318258	11533951	—3102565
1888	4820034	4951338	9771372	— 131304
1892	4838343	10755478	15593821	—5917135
1893	1340105	9288997	10629102	—7948892
1894	4261580	11647843	15912423	—7364254
1908	18000000	45000000	63000000	—27000000[164]

Эти факты, с одной стороны говорят о том что, во внешней торговле Самаркандской области привоз из России и других стран превышал вывоз и носил активный характер, с другой стороны—они показывали, что Самаркандская область, как и весь край, оставалась в целом рынком сбыта промышленных товаров метрополии.

---

[164] Таблица составлена на основе следующих материалов:
1. Сборник материалов для статистики Самаркандской области, Самарканд, 1889, стр XVIII—XIX; Обзор Самаркандской области за 1892 год. Самарканд, 1893, стр. 37—42; Обзор Самаркандской области за 1893 год. Самарканд, 1894, стр. 30—35; Обзор Самаркандской области за 1894 год, Самарканд, 1895, стр. 39—44; К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отдел 1, СПб, 1911, стр. 375.

В результате неурожаев в области, экономических кризисов в промышленности России, изменений в таможенной политике, неустойчивости цен и т. д. торговые обороты подвергались большим изменениям. Несмотря на это, торговый баланс Самаркандской области с Россией, в отличие от внутренней торговли, носил пассивный характер. Если сравнить данные внешней и внутренней торговли, то выясняется, что внутренней торговле принадлежало решающее место. Для уяснения этого вопроса, за отсутствием общих данных по внутренней торговле Самаркандской области, ограничимся сопоставлением данных внешней торговли с внутренней торговлей только одного Самаркандского уезда. Объем внутренней торговли Самаркандского уезда в 1897 году составлял 18.532.850 рублей, тогда как общий объем внешней торговли по всей области за этот же год составил всего лишь 12814311 рублей.[165] Это значит, что в Самаркандской области во всех сферах жизни населения все глубже проникали буржуазные отношения, способствующие росту и развитию производительных сил, росту и расширению внутренней и внешней торговли.

Культура

После присоединения Самарканда к России, под благотворным влиянием передовой русской культуры произошли известные сдвиги и в области культуры.

„Русские ученые организовали для народа,—писал тов. Рашидов Ш. Р.,—библиотеки, музеи, научные общества, школы, больницы, поликлиники и пропагандировали достижения русской науки и культуры. Под влиянием прогрессивной русской культуры в Средней Азии стало развиваться просветительно-демократическое направление в общественно-философской мысли и литературе".[166]

В 1873 году Кауфман представил царскому правительству „План устройства учебной части и народного образования в „Туркестанском крае". В этом плане в основном преследовались две главные цели: 1) обрусение народов Туркестана, 2) игнорирование религиозной стороны преподавания мусульманских предметов. Согласно закона 1875г. о народном образовании в Туркестане при генерал-губернаторстве было организовано Управление учебными заведениями края, которым руководил главный инспектор

[165] Обзор Самаркандской области, Самарканд, 1898г., стр. 16, Приложение № 3.

[166] Ш. Рашидов. Навеки вместе с русским народом. (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России). „Коммунист", № 10, М., 1959, стр. 40.

училища. Согласно этого закона Туркестанские царские власти имели право открыть на территории Средней Азии мужские и женские прогимназии для русского населения края и русско-туземные школы для коренного населения. Кроме того, согласно этого закона все существующие мусульманские школы различных типов должны были подчиняться Управлению учебных заведений Туркестанского края.[167] Все же Кауфман в этом вопросе держал политику не вмешиваться в жизнь местных религиозных школ. По его мнению при отсутствии материальной и духовной поддержки со стороны властей и надлежащего надзора они будут разваливаться. Такую меру Кауфман считал политической более действеннее, нежели вмешательство русских чиновников во внутренние дела мактабов и медресе, которое могло бы, по мнению Кауфмана, породить ненависть у фанатиков-мусульман против царского самодержавия.

Вместе с тем, царские власти в Туркестане для ослабления влияния мусульманского духовенства в неофициальном виде решили запретить обучение лиц коренных национальностей в духовных учреждениях Самарканда и Бухары. Царское правительство „... признало необходимым запретить... в том, дабы туркмены и киргизы области не принимались бы вовсе в мусульманские учебные заведения Бухары, а принятые в таковыя были бы под разными благовидными предлогами исключены".[168]

Кроме того, царская администрация в Самаркандской области для материального ослабления мусульманских учреждений запретила передачу имуществ, земли и денег в качестве вакуфов духовным учреждениям и школам.[169]

По мнению царских чиновников, наиболее лучшим видом воздействия на коренное население могли служить так называемые русско-туземные школы, которые могли бы подготовить из числа коренных жителей нужные царизму кадры. Выпускники этих школ должны были служить опорой в осуществлении русскими колонизаторами их руссификаторской политики.

Впервые в истории Туркестанского края первая так называемая „русско-туземная" школа для коренного оседлого населения была открыта в Самарканде с 14 января 1870 года.[170] Приказом Абрамова от 24 марта 1870 года капитан Гребенкин, хорошо знающий местные языки и пись-

[167] Свод законов, том XI, отделение второе. Об управлении учебными заведениями в Туркестанском крае, статья 89.

[168] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 372, л. 294.

[169] Там же, д. 371, лл. 403—405.

[170] ЦГА УзССР, ф. 5, оп 1, д. 18, л. 13.

менность, был назначен особым лицом царской администрации в данной русско-туземной школе.

Основная цель и задачи этой школы были изложены в особой инструкции, данной Абрамовым капитану А. Гребенкину, где указывалось: ознакомить местных учеников с приемами русского сельского хозяйства, познакомить их с приемами огородничества, обучить русскому языку, дать элементарные знания по истории, географии, биологии и арифметике.[171]

В 1870 году на нужды этой школы было отпущено 900 рублей. Укомплектована была школа 20—30 учащимися. Кроме изучения русского языка в плане школы предусматривалось обучить детей-учащихся ремеслам и сельскохозяйственным работам, для чего была устроена сразу же с 1870 года маленькая хозяйственная ферма и для школы был отведен участок земли.[172]

Кауфман относился к опыту Абрамова неодобрительно, но не запретил создание этой школы.[173] В 1876 году Самаркандская школа впервые была проверена чиновниками царской администрации, командированными в Самарканд для обследования школ. Судя по их отчету, в этой школе в 1876 году училось 111 учащихся. Состав учащихся был разнородным. В ней учились узбеки, таджики, евреи и индусы.

Несмотря на все усилия царских колонизаторов добиться через русско-туземные школы „слияния, ассимиляции присоединенного края с метрополией"[174] русско-туземные школы организовывались во всем Туркестанском крае, как и в Самаркандской области очень медленно.

С 1887 года при Самаркандской русско-туземной школе были открыты вечерние курсы, где учились 25 слушателей, преимущественно-взрослые лица из коренного народа, которые являлись представителями купечества города. С этого года вечерние курсы по изучению русского языка постепенно были организованы при русско-туземных школах всех уездных городов области.

О росте русско-туземных школ в Самаркандской области свидетельствуют данные таблицы № 19.

Как свидетельствуют эти факты, русско-туземные школы в Самаркандской области хотя медленно, но все же росли. Своим ростом, эти школы большей частью были обязаны труду и усилиям русской прогрессивной обще-

[171] Там же.

[172] „Из Самарканда". Газета „Русский инвалид", 11 апреля 1870г.

[173] Н. П. Остроумов. К истории народного образования в Туркестанском крае. К. П. Кауфман—устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877—1881гг), Ташкент, 1899.

[174] Туркестанские ведомости, 1895г., № 1.

Таблица № 19

Годы	Количество русско-туз. школ	Учащихся в них	Вечерние курсы при них	
			всего	Учащихся в них
1887	4	48	1	25
1890	7	230	4	99
1906	12	330	6	263[175]

ственности Туркестана, особенно прогрессивно настроенной русской интеллигенции.

В начале XX века русско-туземные школы края накопили некоторый опыт по обучению детей коренного населения русскому языку, элементарной арифметике, истории и географии. В учебниках, составленных для этих школ, особенно в „Книге для чтения", давались элементарные знания о природе, людях, животных и птицах, а также в них были включены краткие отрывки из стихов классиков русской литературы—Пушкина, Лермонтова, Крылова и других. К числу наиболее удачных учебников русско-туземных школ была „Книга для чтения", составленная в 1787—1899 гг. С. М. Граменицким.[176] До этого в качестве учебника при обучении чтению и письму рекомендовалась „Азбука" В. П. Наливкина,[177] а по арифметике „Сборник арифметических задач" Малинина и Буренина.

Отдельные учителя, которые стремились по-настоящему дать знания и обучить учащихся русскому языку, не ограничивались обучением детей только по установленным учебникам. Они старались дать им дополнительные знания по русской литературе, истории и географии, рекомендовали более лучше успевающим ученикам дополнительные задания по чтению рассказов и сказок о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и др. Такие учителя как братья Алексеевы, Ф. И. Русанов (в Катта-Кургане), А. А. Кузнецов (в кишлаке Дагбит), А. М. Лукьянов (в Пенджикенте)[178] и многие другие стремились обучать

[175] Таблица составлена на основе след. материалов: за 1887г.. Е. Н. Павловский. Очерки Самаркандской области, см. в кн. Азиатская Россия. Москва, 1908 стр. 1141; за 1899г.: Справочник Самаркандской области на 1901г., вып. III, сост. М. Вирский, Самарканд, 1901, стр. 68—70; на 1906г; Е. Н Павловский, там же.

[176] Т. Н. Кары-Ниязов. Школа жизни, Т., 1964, стр. 60.

[177] В. П. Наливкин. Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края. Ташкент, 1886г.

[178] М. Ф. Думенко. Русско-туземные школы Туркестана, канд. дисс. М., 1955, стр. 244—245.

детей трудящихся коренных народов по-настоящему, по-братски и твердо стремились выводить их в люди.

Если царское самодержавие в распространении русского языка преследовало только одну цель, цель руссификации и подавления национальных языков и культур коренного населения Туркестанского края, стараясь ограничить обучение на родном языке в школах, не желало издавать на узбекском, таджикском, казахском и других языках народов края газеты, журналы и книги, стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило национальное обрусение нерусских народов, то в противовес царизму и царским чиновникам, передовые прогрессивные русские ученые, агрономы, врачи, учителя стремились пропагандировать передовые идеи русской культуры и русского языка, старались добиться изучения русского языка не из-под палки, а путем разъяснения и воспитания чувства солидарности и братства великого русского народа к угнетенным народам. Поэтому передовые представители узбекской культуры энергично выступали за дружбу с русским народом. В изучении русского языка они видели мощное средство приобщения к неисчерпаемым духовным ценностям русского народа. Выдающийся поэт, один из первых узбекских переводчиков гениального Пушкина, Фуркат в 1892 году писал: „Если народ России предлагает нам изучать его язык и грамоту, то его желание, неплохое ... народ России хочет видеть нас, мусульман, зажиточными и радостными".[179]

Еще в 1913 году, отмечая всемирно-историческое значение великого русского языка, В. И. Ленин писал, что „Прогрессивное значение **русский** язык имел для тьмы мелких и отсталых наций—бесспорно".[180]

Важнейшей стороной колониальной политики в области народного образования в Туркестане являлось то, что царизм по мере своего продвижения вглубь Туркестанского края, в противовес местной школе, стал заботиться об обучении и образовании детей русских колонизаторов. Уже в 1871 году в городе Самарканде для русского населения была организована первая русская начальная школа.

В 1878—1880 году эта школа была разделена на мужскую и женскую, а каттакурганская оставалась совместной. Уже к 1882—1883 учебному году эти школы были превращены в 3-х классные училища: для мальчиков и для девочек. Самаркандских городских 3-х классных училищ всего было 4, где обучалось 78 учащихся, из которых 39 человек были представителями коренных народов. Кроме того, в Самарканде имелось три женских приходских училища с 24 учащимися. В Катта-Кургане работало одно приходское совместное училище с 7-ю учащимися. В Ходжентском уезде, который в тот период еще не входил в состав Зеравшанского округа, положение было гораздо иное, чем в Катта-Кургане. В Ходженте в 1883 году работало хотя одно приходское совместное училище с 18 учащимися, из них девочек было 8. Из 18 учащихся детей коренного населения было 5 человек.[181] Об обеспеченности этих училищ учебниками и наглядными пособиями говорят следующие факты: Самаркандское городское училище имело библиотеку с 684 томами книг различных наименований в 1000 экземпляров, различного рода наглядных пособий; Ходжентский располагал 301 томами книг и 250 экземплярами наглядных пособий, а Самаркандское женское училище располагало одной библиотекой с 700 книгами-учебниками и 135 наглядными пособиями.[182]

Как видно из этих фактов, школьная сеть в Самаркандской области для русского населения росла очень быстро и обеспечивалась она учебниками и наглядными пособиями в значительном количестве. Этот факт объяснялся тем, что царская администрация стремилась вооружить русское население Самаркандской области образованием, чтобы это население могло господствовать в области и успешно вести его экономическое освоение.

В первые годы после присоединения дети привилегированных русских семей из Туркестана отправлялись в Европейскую Россию. Не всегда и не всем офицерам и чиновникам удавалось посылать своих детей на учебу в Центральную Россию. Поэтому царская администрация стала заботиться о среднем образовании детей своих офицеров и чиновников. В Самарканде уже в 1899 году для русского населения имелись такие учебные заведения, как женская гимназия с 167 учащимися, классическая мужская прогимназия с 51 учащимися, городское 4-х классное мужское училище с 104 учащимися. При училище был организован интернат. Кроме того, в распоряжении их было одно городское мужское приходское училище имени А. С. Пушкина с 72 учащимися, городское женское приходское училище, также имени А. С. Пушкина с 67 учащимися. В этот период было обращено также некоторое внимание на профессиональное обучение, ибо работа в промышленных заведениях области и железнодорожная линия требовали знающих

[179] „Туркистон вилояти газетаси", от 14 мая 1892г.
[180] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 234
[181] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, л. 385, лл. 11—12.
[182] Там же.

кадров рабочих. Поэтому уже в конце XIX века в Самарканде были открыты (1898г.) мужская и женская приходские железнодорожные училища, которые в 1899 году имели: мужских-2 класса с 68 учащимися, женских-2 класса с 49 учащимися.[183]

Что касается подготовки квалифицированных работников для поднятия в крае сельскохозяйственного производства и первичной обработки его продуктов, то скромные начинания в этой области продвигались медленно и только энергией отдельных лиц из прогрессивной русской интеллигенции в 1904 году была открыта в городе Самарканде низшая школа садоводства, виноградарства и виноделия 1-го разряда. Еще в августе 1899 года городское хозяйственное управление передало под эту школу 2 участка городской земли общей площадью до 11 десятин и другие хозяйственные точки стоимостью свыше 100.000 рублей.[184]

Что касается состава учащихся, то в школу было принято в 4 класса в 1904 году 32 учащихся. Среди них были и прибывшие из Сырдарьинской области — 1, из Ферганской области—2, из Ходжентского уезда—1, из Джизакского уезда—2, из Катта-Курганского уезда—1, из Бухары и из Кушки—2, это составляло около 30% всех учеников.[185]

Передовые прогрессивные представители русской интеллигенции с первых же дней после присоединения Самарканда к России старались создавать различные очаги культуры для населения Самаркандской области. Хотя в первые периоды эти очаги культуры, главным образом, служили интересам русских офицеров и чиновников, все же появление их не могло не повлиять положительно на умы местного населения.

Характеризуя стремление прогрессивных представителей русской интеллигенции, неизвестный автор писал, что „...люди, жаждущие общественной деятельности, страются и устраивают клубы, вечера, спектакли и концерты...“[186]

Благодаря инициативе отдельных прогрессивно-настроенных представителей русской интеллигенции в 1870 году в Самарканде была организована общественная библиотека.[187] Библиотека была организована в складчину—книгами и деньгами, с условием подписки при взносе один рубль ежемесячно.

Организаторы этой библиотеки преследовали при этом не

[183] Справочник Самаркандской области на 1901г., вып. III, Самарканд, 1901, стр. 68.
[184] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 6, д. 253, лл. 24—25.
[185] Там же, лл. 25—26.
[186] Из Самарканда Газета „Новое время“ за 1873 г.
[187] Газета „Русский инвалид“ за 11 апреля 1870 г.

только цель пропаганды книгочтения, но и имели в виду собирание и хранение восточных рукописей, различных ценностей, касающихся исторического прошлого Средней Азии.[188]

Большим событием для дальнейшей судьбы города Самарканда явилось создание в 1874 году областного исторического музея.

Передовая русская культура положительно влияла на рост и дальнейшее развитие искусства узбекского народа. В Узбекистан, в том числе и в Самаркандскую область, приезжали русские актеры, музыканты, художники, архитекторы. С их творчеством знакомилось местное население. Первым европейским художником после А. Лемана, который снискал себе всемирное уважение, был Верещагин. Его знаменитые работы „У ворот Тамерлана“, „Пусть войдут“, „Торжествуют“ (площадь Регистан в Самарканде), „Самаркандский зиндан“ и другие являются шедеврами русского и мирового искусства.[189] В. В. Верещагин в 1868 году, находясь в Самарканде, не только занимался зарисовкой исторических памятников, он старался понять внутреннюю сторону жизни коренного населения, заводил с ними дружбу. Он в своих воспоминаниях с восхищением писал:

„Я ежедневно ездил в город и за город, осматривая мечети, базар, училища, особенно старые мечети, между которыми уцелело еще немало чудных образцов, материала для изучения рисования было столько, что буквально трудно было решиться за что ранее приняться: природа, постройки, типы, костюмы, обычаи, все было ново, оригинально, интересно“.[190]

Самарканд, его природа и исторические памятники являлись постоянными объектами работы для русских художников: Н. Н. Каразина, Симакова, скульптора Артура Обера и других. Такие работы Н. Н. Каразина, как „Смерть коня—смерть всаднику“, „Хивинский поход“, „Погоня за наживой“, „С севера на юг“ (некоторые из его работ в настоящее время находятся также в Самаркандском музее) также были высоко оценены на всемирных выставках в Петрограде и в Париже.

Мусульманское владычество в Средней Азии задавило не только общественную, но и частную жизнь всего населения. Как известно, до присоединения края, в том числе и Самарканда, к России здесь за исключением театра ки-

[188] Там же.
[189] В настоящее время 7 картин художника В. В. Верещагина находятся в Самаркандском музее истории и искусства.
[190] В. В. Верещагин. Самарканд в 1868 году. (Из воспоминаний художника), „Русская старина“, СПб, 1888, № 9, стр. 617.

зикчи и кукол другие виды театральных жанров отсутствовали. С присоединением, мусульманская замкнутая жизнь начинает заметно выходить из своих прежних рамок. Согласно мусульманскому закону „Мужья стоят выше жен, потому что бог дал первым преимуществ над вторыми и потому, что они из своих имуществ делают траты на них".[191] Поэтому появление женщины на местных праздниках и зрелищах с открытым лицом перед мужчинами в качестве певицы, танцовщицы и музыкантши в истории мусульманского Востока являлось сверхестественным явлением, чудом. Однако, благодаря присоединения Самарканда к России, история мусульманского Востока открылась новой страницей. Вопреки законам шариата и злой ненависти фанатиков, в Самарканде, после 1868 года, на театральной сцене появились первые актеры, музыканты из числа женщин коренного населения. Первой такой актрисой не только Самарканда, но и всей Средней Азии явилась Курбан-Хан.[192]

Курбан-Хан обладала большим талантом не только как певица, но и как музыкантша. Она самостоятельно вводила в музыкальные ноты различные народные стихи, хорошо играла на многих народных музыкальных инструментах, исполняла песни и танцы с большим искусством, обладала очень тонким, привлекательным голосом. Курбан-Хан находилась в некотором общении с представителями передовой части русской интеллигенции Самарканда.

Вечера, народные гулянья, различные праздники, которые организовывались в городе, не проходили без участия Курбан-Хан. Видимо, горячая любовь к искусству, которая привела ее на сцену, заставида ее порвать с законами шариата, вопреки воли мужа и родителей и уйти от них. Конечно, только благодаря поддержке и покровительству передовых русских людей она смогла пойти на такой решительный шаг, порвать цепи рабства, выйти на свободу с открытим лицом, перед народом исполнить любимые народные песни, танцы, играть на различных музыкальных инструментах. Высоко оценивая выступления Курбан-Хан на на сцене, один из очевидцев Д. Иванов в 1872 году писал:

„Нам удалось случайно видеть иранский (видимо, автор

[191] Коран, глава 4, стих 38, перевод Г. Саблукова, Казань, 1877.

[192] Курбан-Хан родилась в 1859г. в г. Самарканде, в семье ремесленника-ткача шелковых материй. Ее родители считали себя по национальности таджиками иранского происхождения. Отец Курбан-Хан в 1865г. был убит при июньском событии 1868г. в г. Самарканде. В 1870г. мать ее ввиду крайней нужды и голода вынуждена была 12-летнюю молодую девочку выдать замуж за женатого человека. По мусульманскому обычаю мать за Курбан-Хан от жениха получила калым в сумме 600 коконов (120 рублей).

хочет сказать таджикский танец—Т. С.) танец, исполненный девочкой, ей было 11 лет, уже далеко отличался от танцев плясунок... и многое напоминал из бойких, страстных и оригинально грациозных танцев образованного Востока. Она в состоянии увлечь самого большого знатока танцевального дела".[193]

Хотя нами ведутся поиски, к сожалению еще не удалось установить дальнейшую судьбу мастера своего дела, обладательницы большого таланта Курбан-Хан. Но все же хочется сказать, что ее вступление на театральную арену хотя было единичным фактом, все же такой пример произвел большое влияние на жизнь и дальнейшую судьбу женщин коренных национальностей. Это было началом пробуждения женщин мусульманского Востока.

Впервые в 1880 году в Самарканд приезжает труппа русских артистов в составе 9 человек для постановки спектаклей.[194] Так, Туркестан посещают артисты и музыканты с всероссийской известностью: певец Л. Собинов, актриса В.Комиссаржевская, пианист С. Бертенев, артисты П.Н. Орленева, М. В. Дальский, М. И. Петипа и другие.[195] Периодически работали на сценах русских театров Ташкента и Самарканда, которые были построены в 1880—1890 годах также известные артистические труппы, как В. Васильева-Вятского (1890—1897) и Н. Кручинина (1894—1899). В репертуарах этих трупп были произведения А. С. Грибоедова „Горе от ума", Н. В. Гоголя „Ревизор" и другие.[196]

Организация этих русских театров сыграла большую положительную роль в деле приобщения коренного народа к передовой русской культуре.

Самарканд стали также воспевать поэты, драматурги, композиторы и изучать историки европейских стран. Еще в 1864 году после посещения профессором А. Вамбери Самарканда, моравский композитор Игнат Брюлль написал оперу „Самаркандские дервиши". Это была самая первая опера о Самарканде в западно-европейской музыке XIX века.

В 1910 году Франц Ленкорей дебютирует оперу о Тимуре—„Повелитель Самарканда". Английский композитор Гретилл Пантюк составил музыку для хора „Самарканд в дни величия".

Впервые в истории Самарканда здесь было построено здание для больницы. 5 марта 1870 года эта больница начала работать.[197]

[193] Прохорич. „Самарканд". Журн „Беседа", 1872, № 9, стр. 33.

[194] ЦГА УзССР, ф. 5. оп. 1, д. 602, л. 1.

[195] М. Рахманов. Хамза и узбекский театр, Ташкент, 1960, стр. 16.

[196] История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, Ташкент, 1956, стр. 187.

[197] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 18, л. 28.

Важнейшим событием в культурной жизни Самарканда явилось открытие в 1885 году первой лечебницы для женщин и детей коренного населения. Эта лечебница пользовалась большой популярностью. За период с 1886 по 1894гг, т. е. за 9 лет Самаркандскую амбулаторную лечебницу посетили 28003 женщины, которые сделали 42041 посещение, 16496 больных детей, сделавших 24340 посещений, т, е. было 44499 первичных обращений и 66381 первичных и повторных (1,49 посещения на больного).[198]

В 1890 году в Самарканде была открыта аптека с вольной продажей лекарств и других необходимых медицинских предметов. В последующие годы такие аптеки, особенно несколько частных аптек, открылись в городах Самарканде, Катта-Кургане, Джизаке, Ходженте.

В 1890 году в Самарканде на 50 коек, в Катта-Кургане на 25 коек были открыты больницы для местного населения. В последующие годы такие больницы и приемные покои были открыты в Пенджикенте, Джизаке, Ходженте, Ура-Тюбе и других крупных населенных пунктах Самаркандской области.

Далее, здесь необходимо подчеркнуть то, что в больницах, пунктах приемного покоя и в лечебницах при обращении, царские колонизаторы установили плату за лечение и содержание больных в городских и приемных покоях, а также плата была установлена за отпускаемые местным жителям медикаменты.[199]

Вместе с тем, до революции в Туркестане, в том числе и в Самаркандской области, на нужды здравоохранения расходовались буквально мизерные суммы. Так, в 1897 году на каждую душу населения было ассигновано 1,3 копейки, в 1914 году—11,7 копейки.[200]

Хотя царские колонизаторы утверждали, что население с боязнью и неохотой обращается к русским врачам, на деле это было не так. Коренное население с душой и искренне обращалось за помощью к русским врачам и считало их своими спасителями.

Когда в начале сентября 1898 года в кишлаке Анзоб Искандеровского района Пенджикентского участка Самаркандского уезда появилась заразная болезнь—чума, русские врачи, прогрессивная общественность России проявили свой

[198] А. А. Геворков и Р. Р. Фархади. Первые русские женщины-врачи в Самаркандской области. Журн. „Советское здравоохранение", М., 1961, № 11, стр. 63.

[199] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 5, л. 272, лл. 3, 4, 10, 30, 77, 78; также, оп. 4, д. 304, л. 20.

[200] В. Байдалов. В битве за здоровье человека, Газ. „Ленинский путь", 5 сентября 1964г., № 175.

подлинный гуманизм и искреннюю дружбу к коренному населению Самаркандской области.[201]

Здесь наиболее усердно трудились и проявили подлинный гуманизм такие лица, как Афрамович—главврач Самаркандского уезда, Зейдлер — самаркандский аптекарь, простой русский рабочий Пахотин, писарь Магазин, переводчик Хасан Дададжанов, анзобский житель, работавший санитаром, Баба Муллаев, переводчик Султан Бектемиров, санитарка из местных жителей Меликджан Гадаева, фельдшер Н. Ковалева, санитар В. Карпов, лесной объезчик, работавший санитаром Соколов, санитар Науразов, местные жители—Одинаев, Р. Алиев, Рахимов, Вафакулов, А. Ходжабеков, А. Шеридаев и многие другие.[202]

В условиях колониального режима в Средней Азии, не щадя своей жизни и силы, на территории Самаркандской области, постоянно трудились такие врачи как С. Б. Грачева-Горновская с 1886 по 1893 год., П. И. Стародубцева заведовала Дагбитским врачебным участком с 1907 по 1908 год, а затем Ургутским врачебным участком с 1909 по 1914 год, Л. Симонова-Хохрякова работала в 90-х годах в гор. Самарканде, П. И. Благовещенская заведовала врачебным участком в Богдан-Фарише в 1913—1914 гг. (ныне входит в состав Джизакского района Сыр-Дарьинской области), А. А. Тахтарова—заведовала Пейшамбинским врачебным участком с 1906 по 1900 гг. Кроме них, в Самарканде работали как частно практикующие врачи: А. В. Яковлева-Пославская с 1895 по 1995 гг. Е. М. Савицкая с 1914 г., М. М. Никулина-Сапетова с 1914 г., О. И. Солнышкина с 1914 по 1916гг., А. К. Багинская-Киселева с 1916г., М. П. Тапер с 1914 по 1954 гг.[203]

В качестве военных и гражданских врачей работали в Самарканде в конце XIX и в начале XX века М. Герценштейн, И. Копытовский, В. Добровольский, А. Зубов, И. Сапожников и другие.[204]

Уже в начале XX века, а именно в 1913 году в Самарканде, как и в других городах Туркестанского края, возникло общество врачей.

В Самарканде тогда свирепствовали эндемические и эпидемические болезни. Именно в такой обстановке группа наиболее прогрессивно настроенных самаркандских врачей

[201] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 345, лл. 39—44, 2—3; там же, оп. 5, д. 329, л. 130; дело 345, л. 14, 37, 59.

[202] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 370, л. 144.

[203] Б, П. Княжинский. Очерки по истории медико-санитарного дела в. Самарканде и Самаркандской области. Рукопись диссертации, Самарканд, 1944.

[204] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 345, лл. 37 — 39.

подняла вопрос о создании общества самаркандских врачей. Активными участниками этого общества были врачи Артамонов, Бильфельд (председатель общества), Богдан-Березовский, Брзобогатый, Веньяминов, Герфенштейн, Дейн, Дубровина, Задунайский, Иванов, Ильинский, муж и жена Качка, Каратаев, Клеев, Клейф, Княжинский, Кункель, Корчиц, Любимов, Мельников, Саамянц, Савельев, Самецкий, Тер-Микертичьян, Шкурат, Фихтнер (зам. пред. общества), Фомин, Хитров и др. Врачи Дейн, Корчиц, Космачевский и др. впоследствии стали видными учеными-профессорами.[205]

После присоединения Самарканда к России начинается более подробное и систематическое изучение, обобщение и описание русскими учеными, исследователями природы и быта, истории и материальных богатств Зеравшанской долины.

До сего времени не потеряли своего научного интереса труды В. В. Бартольда, А. П. Федченко, В. В. Радлова, А. Гребенкина, Л. Н. Соболева, А. Л. Куна, В. Л. Вяткина и др., посвященные истории, географии, гидрогеологии, метрологии и этнографии Зеравшанской долины.

Русские военно-промышленные круги царской России, прежде всего, интересовали полезные ископаемые и природные богатства Зеравшанской долины. Поэтому в 1870 году была обследована возможность использования горных, лесных и других природных богатств р. Зеравшана капитаном Гребенкиным, которым была составлена „Записка о верховьях бассейна реки Зеравшан".[206]

Одним из самых активнейших участников этой военно-научной экспедиции был Л. Д. Иванов (Прохорыч), впоследствии один из активных организаторов „хомутовского кружка", сыгравший большую, исторически-прогрессивную роль в русской научно-общественной мысли в Туркестане во второй половине XIX века.[207] Д. Л. Иванов в числе своих первых научных работ издал зарисовки Зеравшанских ледников. Вслед за этим он издал статьи с рисунками об архитектурных памятниках Самарканда. В его трудах под псевдонимом „Прохорыч" сообщается о первой самаркандской актрисе Курбан-хан.[208]

---

[205] Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, стр. 244 — 245.

[206] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 43, лл. 11—18.

[207] Б. В. Лунин. Цитируемая работа, стр. 33, 36.

[208] Л. Д. Иванов („Прохорыч"). Самарканд и его древние здания, журн. „Нива", 1871, См. также: Самарканд, гл. I — III, журн „Беседа", 1872, кн. IV, V. VII. IX в отделе „Русская земля", См. „Туркестанский сборник", т. 77, СПб, 1873. Также см. Б. В. Лунин. Указ. работа, стр. 37. 283.

Князем Урусовым в 1868 — 1870 годах в Зеравшанском округе очень подробно был изучен вопрос о шерстяном производстве Зеравшанской долины до присоединения Самарканда к России. Князь Урусов не только изучал различные отрасли шерстяного производства в округе, он так же обследовал пути дальнейшего развития животноводства, особенно новой отрасли в Зеравшанском округе и даже во всем Туркестане, о распространении тонкорунного овцеводства. Все результаты его обследования были изложены в его „Записке о шерстяном деле Зеравшанского округа".[209]

Далее, в 1870 году военным инженером капитаном Богаевским были обследованы все районы реки Зеравшан для построения мостов, которые были совершенно необходимы для дальнейшего развития социально-экономической жизни населения Зеравшанской долины.

Кроме того, геолого-разведывательной партии инженера Богаевского была поручена чиновником особых поручений по горной части ученым Татариновым обязанность обследовать месторождения полезных ископаемых Зеравшанской долины.[210]

С самого начала присоединения края, в том числе и Самарканда к России, сложное сплетение интересов русской власти вызвало первые мероприятия по розыску так называемой неизвестной библиотеки Тимура. Военный губернатор Туркестанской области в своем рапорте (от 17 января 1866 г.) сообщал, что им предприняты срочные меры, а именно — дано указание ташкентским купцам, проезжавшим неоднократно в Бухару через Самарканд о розыске библиотеки Тимура, которая возможно находится где-то в Самарканде.[211]

Далее, с 1868 года известный русский ориенталист А. Л. Кун сразу же после присоединения Самарканда взялся за сбор различных вакуфных документов медресе Самарканда. Он собрал более 150 таких ценных документов, перевел их на русских язык и затем занялся их обобщением. В 1870 году по поручению фон-Кауфмана А.Л. Кун впервые в истории не только Самарканда, но и Средней Азии, стал заниматься археологическими раскопками, собиранием коллекций различных найденных памятников древности, монет и прочее.[212] Как свидетельствуют материалы архива, А. Л. Куну удалось собрать найденные им большие коллекции археологических материалов исторической старины, касающиеся Самарканда и Зеравшанской

---

[209] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. 12, лл. 101 — 116.

[210] Там же, д. 44, лл. 1, 3.

[211] Там же. ф. 450 оп. I, д. 2, л. 73.

[212] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. 54, л. I.

долины, которые в мае 1871 года из Самарканда были отправлены в Ташкент, затем в Россию. Все эти находки А. Л. Куна должны были экспонироваться в Петербургском Эрмитаже.[213]

Здесь необходимо подчеркнуть, что А. Л. Кун при поисках и раскопках привлекал некоторых грамотных лиц из коренного населения. Ближайшим помощником А. Куна при его работах в г. Самарканде и в Зеравшанской долине был самаркандец Мирза Мулла-Ар-Рахман, который служил у него в качестве мирзы.[214] Он для исследователей оставил замечательный дневник, где скопировал наскальные и надгробные надписи, обнаруженные в отдельных районах Самаркандской области.

Самым значительным результатом этой поисковой работы А. Л. Куна являлось то, что им в 1871 — 1872 гг. были произведены съемки, составлены планы самаркандских архитектурных памятников для составления фотографического альбома Туркестанского края по археологической части.[215]

В 1870 году доверенный пермских купцов братьев Каменских Семен Ляхтин из Зеравшанского округа собрал и доставил в императорское археологическое общество, в публичную библиотеку в Петербург и в общество любителей естествознания в Москве 109 пудов и 0,5 фунта разных археологических находок, многочисленные древние восточные рукописи и книги.[216]

Однако следует подчеркнуть, что наряду с такими полезными работами в Зеравшанском округе, как и во всем крае, наметился нездоровый интерес к розыску древностей в среде русских чиновников, офицеров и купцов, которые всячески старались овладеть этими ценными коллекциями с тем, чтобы использовать их в дальнейшем для личной цели, т.е. для обогащения.

Так, в одном из своих писем ориенталист Кун обращался к Абрамову с письмом и сообщал, что по его просьбе и поручению из Бухары три человека из коренного населения привезли древние золотые и другие монеты. Когда, как сообщал А. Кун, им была предложена сходная цена для покупки этих монет, владельцы отказались их дать А. Куну, а продали их начальнику Самаркандского отдела подполковнику Серову, который в свою очередь хочет представить эти монеты за более высокие цены. Он просил Абрамова предпринять меры по прекращению спекуляции царскими чиновниками памятниками древности. Однако Абрамов в ответ на письмо Куна, хотя любезно соглашался с ним в этом вопросе, в то же время наотрез отказался вмешиваться в это дело.[217]

Молчаливое согласие Абрамова на ограбление памятников старины окрылила „служилых людей" и некоторые из них, стали производить „грабительские" раскопки на городище „Афрасиаб" в Самарканде. Причем они с этой целью стали нанимать рабочих из коренного населения, которые об археологических раскопках не имели даже понятия.

Чтобы прекратить это „грабительство" царские власти в Туркестане вынуждены были издать от 3 марта 1871 года за № 942 специальный циркуляр, запрещающий всякие самовольные археологические раскопки без личного разрешения Кауфмана.[218]

Но такое распоряжение мало повлияло на развитие хода этого дела, поэтому царские власти вынуждены были издавать аналогичные распоряжения и позднее в 1879, 1882, 1892 гг.[219]

По поручению Русского географического общества летом 1874 года Н. П. Барбот де Марки провел геологические наблюдения в Зеравшанском оазисе. Материалы наблюдения не были обработаны, а только изложены в рукописном виде.[220]

Работы Г. Д. Романовского и И. В Мушкетова по геологии, проведенные ими в 1874 году, особенно по вопросу об исследовании месторождения полезных ископаемых, имели крупное научное значение. Здесь уместно будет сказать о той гуманной роли русских ученых Г. Д. Романовского и И. В. Мушкетова в жизни коренного населения обследуемых ими различных районов Зеравшанской долины. Они в процессе своих экспедиций занимались не только индивидуальными исследованиями бассейна Зеравшана, но и старались быть с местным населением в самых близких и дружественных отношениях. Местное население очень хорошо знало о их благородных намерениях и охотно помогало им в осуществлении планов научно-исследовательских работ.[221]

При научно-экспедиционных работах русского ученого Г. Д. Романовского в 1879 году в горных районах Самар-

---

[213] Там же. лл. 6, 8, 9.
[214] Там же. л. 2.
[215] М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ, вып. XXXI, 1956, стр. 9.
[216] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 54, л. 12.
[217] Там же, л. 11.
[218] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 54, л. 3.
[219] М. Е. Массон. Цитируемая работа, стр. 9.
[220] А. Саидов. К истории географического изучения Зеравшанской котловины. Вестник ЛГУ, 1963, № 18.
[221] ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1753, л. 1.

кандской области его ближайшим помощником и путеводителем был ходжентский житель Мулла Сангин.[222]

Стационарное наблюдение над природой Зеравшанской долины русскими учеными начинается с 1878 года, когда организуются метеорологические станции[223] в Самарканде в 1878 г. в Пенджикенте, в Джизаке (1881 г.), в Катта-Кургане (1901 г.), в Красногвардейском (1909 г.). Обработка обширных материалов этих станций была подытожена Л. А. Молчановым,[224] который составил впоследствии климатическую карту Средней Азии.

В 80—90 годах прошлого столетия в Самарканде под влиянием русских исследователей, коллекционеров и научных обществ и кружков выросла группа любителей истории старины, собирателей древностей и исследователей, среди которых не только в Самарканде, но и во всем Туркестанском крае выделяются имена Мирзы Бухари Мирзы Абдуллина, Мирзы Барата Муллы Касимова, Гафиза, Мирза Мулла Абд-Ар-Рахмана, Муллы Сангина и др. Они одними из первых в Туркестане приобщились к работе по отысканию, изучению и описанию истории, памятников древности, месторождению полезных ископаемых Самаркандской области.

Одним из видных собирателей древности в Самарканде был Мирза Бухари. Он являлся купцом 2-й гильдии, владельцем в Самарканде и затем в Ходженте первых шелкомотальных мастерских, вел крупную торговлю шелком, шелковыми халатами и другими материалами.[225] Но его предпринимательская деятельность ему нисколько не мешала, а, наоборот, материально поощряла его быть одним из первых зачинщиков собирателей древности в Самарканде. Он являлся участником и призером ряда выставок в 1878, 1886 гг. в Ташкенте, в 1887 г. в Харькове.[226]

Несомненно большое положительное воздействие оказал ему известный русский ученый Н. И. Веселовский, который познакомился с ним в 1883 году.

---

[222] Г. Д. Романовский. Сборник документов, Русские ученые исследователи Средней Азии, т. IV, Ташкент, 1961, стр. 62.

[223] Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, Изд. Турк. статистического комитета, под ред. Н. А. Маева, вып. IV, СПб, 1876, стр. 134.

[224] Л. А. Молчанов. Климатическое районирование Туркестана, Статистический ежегодник, 1917—1923 гг., т. I. Ташкент, изд. ТЭС, 1924.

[225] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 3, д. 47, лл. 32, 34.

[226] Б. В. Лунин. Самаркандский любитель старины Мирза Бухари, журн. „Общественные науки в Узбекистане", №6, 1968, стр. 34.

Мирза Бухари лично был знаком с Фуркатом. Фуркат, сообщает об этом академик АН УзССР И. М. Муминов, в 1891 году побывал в Самарканде, где жил у Мирза Бухари. „С большим вниманием, — пишет И. М. Муминов, — осматривал Фуркат древние вещи (из собрания Бухари), характеризующие уровень культуры Средней Азии, примерно за тысячу и более лет относящиеся к периоду завоевания Средней Азии арабами и даже греками. Об этом Фуркат упоминает в своем письме в редакцию „Туркестон вилояти газетаси", опубликованном в августе 1891 г.[227]"

Другой наиболее видной фигурой собирателей и любителей старины следует считать самаркандца Мирза Барата.[228] Мирза Барат Мулла Касимов, как замечательный художник и каллиграф, одним из первых из числа коренного населения срисовал с точным соблюдением красок все надписи медресе Шир-Дор, мечети Биби-Ханым, с могильных плит и стен мавзолеев Шах-и-Зинда, с надгробий Тимура в мавзолее Гур-Эмир, им были зарисованы обе надписи на скале Тамерлановых ворот в Джизакском уезде. В 1886 году Мирза Барат изготовил и представил на Ташкентскую выставку рукописный чертеж медресе Улугбек. Он является переводчиком с таджикского на узбекский язык известного сочинения Абу Тахира Ходжи „Самария".[229] Этот перевод был опубликован Н. П. Остроумовым в 1884 году в Ташкенте.

Таким образом, из кратко вышеизложенного материала видно, что прославленные русские ученые и путешественники внесли свой огромный вклад в изучение, обобщение истории, культуры, прошлого и настоящего трудящихся Самаркандской области. Благодаря их самоотверженному труды была проделана огромная работа, положившая начало историческому, этнографическому, географическому, зоологическому, почвенному и геологическому изучению Самаркандской области.

Налоги и различные сборы

С первых же дней присоединения Самарканда к России колониальная политика русского царизма прежде всего

---

[227] И. М. Муминов. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 116.

[228] Г. Чабров. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана, журнал „Звезда Востока", №1, 1957, стр. 145.

[229] Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, Ташкент, 1962, стр. 29.

реализовалась в области налога и повинностей. Подчеркивая экономическое значение Туркестанского края, как одного из основных источников государственного дохода, К. Пален писал: „Туркестанский край представляет собой прежде всего страну мелкого земледелия и кочевого скотоводства.

Эти две хозяйственные отрасли, как дающие в доходный бюджет государства в виде государственного поземельного налога, оброчной подати и кибиточной подати свыше 6,5 миллионов рублей ежегодно и являлись до сих пор главной базой наших финансовых расчетов".[230]

В Зеравшанском округе до 1871 года налоговая политика царизма сводилась к тому, что на территории округа, независимо от размера участков и доходности земли, был установлен единый размер налога хираджа из расчета $^1/_5$ урожая.

Налоги взимались от всех видов земельных угодий, в том числе и от мулковых и вакуфных земель. В 1868 году только вакуфные и мулковые земли, имеющие документы о их обеленности, освобождались от государственного обложения.[231]

Кроме того, царские власти в 1868 году установили особую подать, так называемый базарный сбор. Также в обязанность всего населения было вменено высылать из каждых двух дворов — одного рабочего на ирригационные работы в Чупанате. А крупные байские хозяйства, которые не отправляли рабочих на Чупаната, с каждого коша[232] земли платили подать только 4 рубля.[233]

В целом по Зеравшанскому округу была определена сумма годового дохода в 1868 году (за оставшиеся 6 месяцев), по свидетельству фон-Кауфмана до 150000 рублей.[234] До конца 1868 г. по двум отделам Зеравшанского округа было собрано всего более 151000 рублей,[235] а в 1869 году более 409649 р. 63 коп. податей.[236]

В целом, по сообщениям М. А. Терентьева, доходы Зеравшанского округа в царской государственной казне равнялись в 1868 году — 335458 руб. 04 коп., в 1869 г. 454931 руб. 60 коп., в 1870 году 762058 р. 45 коп. и в 1871 г. 1414092 руб. 96 коп.[237] Ввиду своего неопределенного положения в Зеравшанском округе, царизм до 1871 года, умышленно не упорядочил налоговую систему. Поэтому во всех районах округа старые налогосборщики были оставлены на своих местах без изменения. Они действовали старыми методами ограбления податного населения.

В 1870 и 1871 гг. было выявлено, что сборщики податей утаили от казны собранные ими подати на сумму 165184 руб.[238]

Статистика царской администрации показывала, что в царскую казну попадало с каждого двора жителей Зеравшанского округа в счет земельных податей в среднем только 50 коп,[239] тогда как средний сбор платежа населения превышал почти в 2—3 раза. Эти излишки присваивались царскими и местными чиновниками.

Для упорядочения налоговой системы и упорядочения зякетных пунктов царские власти создали особую комиссию.[240] В состав этой комиссии вошли: капитан Иванов (председатель), князь Урусов (делопроизводитель), членами были назначены: чиновник особых поручений при канцелярии генерал-губернатора есаул Батырев, заведующий зякетным сбором в двух отделах, войсковой старшина Хорошхин и майор Каримов.[241]

Таким образом, в соответствии с решением комиссии были установлены таможные заставы в городах и крупных районных центрах: в Самарканде, Ургуте, Катта-Кургане, Пенджикенте, Челеке, Ура-тюбе и на границах Джизака.

Комиссия с января 1872 года приступила к списочному учету всего населения округа. Однако комиссия оставила прежние налоги хердж, танап, кош-пули, саман-пули, чоп пули, сбор с мельниц и толчей, арендные сборы, сборы за пользование камышовых зарослей, необработанных земель, зякетный сбор, кафсан, особый сбор в пользу налогосборщиков и другие налоги в полную силу.

В то же время потанапная комиссия высказала некоторые соображения: изыскать средства для отмены сбора кавсана, заменить его денежным сбором определенной суммы; определить более действительное количество танапов и кошов у землевладельцев, принять меры к отмене хирманно-

---

230 К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I, отдел I, СПб, 1911. стр. XI (введение).

231 ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. 5, л. 5.

232 Кош — мера земли, установленная повсеместно на территории Бухарского ханства. Кош земли в Самаркандской области равнялся примерно 50 танапам пахотной земли.

233 ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. 5, л. 5.

234 Там же, ф. I, оп. 34, д. 20, л. 66 обр.

235 Там же, ф. 5, оп. I, д. 6; д. 4, л. 290—291.

236 Там же, д. I, л. 54.

237 М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, СПб, 1875, стр. 307.

238 К. Пален. Налоги и пошлины, СПб. 1910, стр. 50.

239 Л. Шукурова. Из истории аграрных отношений в Туркестане в 60 — 80 годы XIX века. (Поземельно-налоговая политика царизма в крае), Автореферат диссертации, Ташкент, 1933, стр. 9.

240 ЦГА УзССР, ф. 5, оп. I, д. 18, л. 35.

241 Там же, л. 36.

го принципа сбора налогов и разрешить крестьянам собирать во-время и увозить хлеб и другие производимые продукты по своему усмотрению. При этом, по мнению комиссии, размеры податей должны быть землевладельцу указаны заранее и, наконец, комиссия заключила, что надо установить более строгий контроль как над налоговыми записями, так и за сбором податей.

Однако приступить повсеместно к выполнению этих мероприятий комиссии было невозможно. Поэтому было решено с 1872 года первоначально провести это мероприятие только в Сугутском районе Самаркандского отдела и в 9-ти районах Катта-Курганского отдела. С 1873 года такое мероприятие было проведено во всех районах Зеравшанского округа.

После 1872 года царское правительство для упорядочения системы налогов и податей решило постепенно повсеместно заменить систему натуральной оплаты налогов денежной оплатой. Плата взималась только русской валютой по тому размеру, который царские чиновники устанавливали ранней весной. Бедные и средние дехканские хозяйства для платы налогов вынуждены были теперь продавать свой товар за бесценок на рынках округа, где господствовали в обращении бухарские монеты. Крестьяне от продажи своих товаров, получали бухарскую монету, которую должны были менять на русские деньги. При этом бедные и мелкие крестьяне теряли очень много средств. Пользуясь моментом, крупные торговцы и дельцы за бесценок приобретали продукты сельского хозяйства у трудящихся масс, а затем весной с большими наложениями продавали их вновь им самим, давали их под проценты или под урожай следующего года с добавлением за использование им долгового зерна в двойном, даже в тройном размере.

Таким образом, такая налоговая политика царизма еще больше способствовала разорению и обнищанию трудящихся дехкан, с одной стороны, и усилению на другом полюсе деревни кучки баев, кулаков в лице сельской буржуазии.

Все эти нововведения с первых же дней своего применения в виду затрагивания интересов большинства крестьянских хозяйств послужили причиной недовольства населения.

Многие владельцы мюльков и вакуфов обращались к царским властям с просьбой и жалобой оставить за ними прежние их права и привилегии.[242]

---

[242] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 28, лл. 13—14. Об этом же см. ф. 18, оп. 1, д. 683, л. 7.

Царизм при осуществлении своей налоговой политики не ограничивался только вышеуказанными мерами. Он для пополнения доходов своей казны в округе стал обирать народ путем таких поборов, как соляной и угольный сбор, а с 1873 года в округе был введен гербовый сбор, свадебный сбор и т. д. Различными сборами облагались также цирюльники, чайханщики, съестные лавки и прочие.

Оценивая создавшуюся обстановку, академик В. В. Бартольд писал: „Пришлось образовать следственные комиссии, да усмирять беспорядки, возникавшие один за другим в разных местах с редким единодушием."[243]

Правительство продолжало вводить новые виды сборов, налогов и увеличивало их размеры. Так, кибиточный сбор в Зеравшанском округе от 0,25 коп. в 1869 году поднялся до 1 р. 25 коп. в 1885 году.

Однако на повседневной практике царизм убеждался в том, что большинство мероприятий в области осуществления налоговой политики проводится без знания дела, с недостаточной подготовленностью, что заставляло его отменять свои прежние решения и вернуться к прежним порядкам. К числу таких законов относилось распоряжение царских властей в округе о замене денежных повинностей натуральными в богарных районах округа. Начальник Зеравшанского округа генерал-майор Иванов своим приказом от 9 июля 1878 года извещал, что „... богарный хередж с пшеницы следующий собственной казне, будет взят натурою, а не деньгами..."[244].

Итак, путем замены денежной системы налогов зерном, только по Самаркандскому отделу интендантство царских военных властей получило от населения в 1872 году 72484 пудов, в 1880 году—131500 пудов, в 1881 году—383560 пудов, в 1882 году—1139992 пуда зерна хорошего качества. Это зерно было принято по 44 коп. за пуд[245], при стоимости цены за пуд 3—4 рубля на рынках округа в эти годы.

Изменения международной обстановки в конце 70-х годов XIX века, а именно—русско-турецкая война, активизация турецкой агентуры в Бухаре, подстрекательства Англии, Турции, Афганистана об возобновлении требования эмира Музаффара о возвращении Самарканда Бухарскому ханству,[246] заставили царское самодержавие, хотя временно, приостановить взимание податей в натуральном виде в Зеравшанском округе.

---

[243] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 195

[244] ЦГА УзССР, ф. 22, оп., 1, д. 1512, лл. 5 6.

[245] Газета „Голос", 20 октября 1878 г.

[246] ЦГВИА. ф. ВУА, дело 6903, лл. 21, 47, 18.

Положение 1886 года об управлении Туркестанским краем, вновь провозгласило отмену всех прежних налогов и введение единого поземельного налога в размере 10% со средней валовой доходности облагавшейся земли. Размер налога определялся на срок в шесть лет с ежегодной к нему процентной надбавкой.

В Самаркандской области поземельно-податные работы были начаты с сентября 1892 года, первоначально только в Самаркандском уезде, которые продолжались вплоть до 1895 года включительно. А затем с 1899 года поземельно-податная работа началась в Каттакурганском отделе и была закончена в 1901 году, затем с 1904 по 1906 годы поземельная работа проводилась в Джизакском уезде и т. д.

Итак, главная задача при проведении земельно-податной работы заключалась в том, чтобы изыскать новые пути выколачивания средств от налогоплательщиков — населения Самаркандской области—для обеспечения увеличения доходов царской казны (таблица № 20)

Таблица №20

Годы	Определено всего налогов	Поступило всего	Недоимка всего
	в рублях		
1885	780292	710101	70191
1889	1270520	1098498	172021
1900	1642640	1320613	102200
1906	2426778	1538958	787844[247]

Цифровые данные этой таблицы ясно показывают, что земельно-податные работы главным образом были направлены против трудящихся для пополнения государственной казны за счет увеличения различных налогов.

По сравнению с 1889 годом царское правительство по области в целом увеличило размер налогов в два раза, а по отдельным районам Самаркандской области уже к 1906 году они были увеличены более чем в 6 раз.[248] Кроме того, эти факты свидетельствуют о непрерывном росте недоимок. Главная причина недоимок, конечно, заключалась в том, что народная масса в результате беспрерывного обнищания потеряла платежную способность.[249]

Кроме выплаты прямых налогов, царское правительство заставляло население выполнять различные работы в натуральном виде. К числу этих работ относился ежегодный ремонт грунтовых и проселочных дорог, арыков, ирригационных сооружений. Особенно большим бедствием для населения Самаркандской области было распространение саранчи.

Таким образом, хотя установление царским самодержавием налоговых правил привело к известному упорядочению системы обложения, учета и взимания налогов от налогоплательщиков, однако, в целом эти нововведения не пошли дальше интересов колониальной политики царизма. Эта политика целиком и полностью была направлена на повышение суммы этих налогов и различных повинностей, на увеличение царских государственных доходов. Бюрократический консервативный царский аппарат, с его многочисленными „туземными" лакеями—администрацией на местах, был призван способствовать осуществлению этого колонизаторского плана царизма, что служило одной из главных причин ухудшения положения трудового народа. Тяжелая жизнь настойчиво заставляла народные массы неоднократно подниматься на борьбу против царского самодержавия и всего старого существующего общественного строя.

Первые выступления трудящихся масс Самаркандской области против национально-колониального гнета и местных эксплуататоров

Главное условие, определяющее историческое значение присоединения Самарканда к России, не заключалось в развитии в нем капитализма и связанных с ним изменений в социально-экономической жизни населения, а главнейшее и важнейшее значение присоединения выразилось в приобщении трудящихся Самаркандской области к революционной борьбе русского народа и его авангарда—рабочего класса во главе с Коммунистической партией.

В национальном вопросе развивающийся капитализм объективно порождал две прогрессивные тенденции. „Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание

[247] Примечание: В течение одного года сумма налогов определялась, примерно, а затем она в зависимости от условий года изменялась. А в конце года недоимкой считались те суммы, которые предполагала администрация взимать от населения в последующие годы. Поэтому итоги поступления и недоимки не соответствуют ожидаемой сумме налогопоступления на следующий год. Таблица составлена на основе следующих материалов: ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 3558, л. 10; Обзор Самарканд. обл. за 1889 г. Самарканд, 1890. стр. 20; Обзор Самарканд. обл. за 1900 г., Самарканд, 1901. стр 43; Обзор Самарканд. обл. за 1906 г. Самарканд, 1907, стр. 47.

[248] Обзор Самаркандской области за 1906., Самарканд, 1907, стр. 47.

[249] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 5, д. 329, лл. 104—105, 110.

национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм"[250].

Однако не следует упускать из виду то, что эти две тенденции в национальном вопросе выражают вместе с тем противоречие между прогрессивным процессом хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения. „Непримиримое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств".[251]

Одна из главных форм этого противоречия выразилась в том, что прогрессивный процесс, т. е. капиталистическое развитие в Туркестане и втягивание его через всероссийский рынок в водоворот мирового капитализма происходил отнюдь не при сотрудничестве народных масс, а, наоборот за счет жестокого гнета и эксплуатации их царизмом. Это, естественно и после 1868 года вызвало сопротивление угнетенных трудящихся масс, поднимало их на борьбу против своих врагов за свое освобождение.

Итак, с начала 70-х годов XIX века, по мере экономического освоения Самаркандской области метрополией, здесь происходит стихийный протест против национально-колониального гнета и бесчеловечной эксплуатации.

Как свидетельствует ряд документов, народная масса находилась в крайней нужде и нищете.Так, Кауфман в письме от 16 августа 1870 года директору Азиатского департамента министерства иностранных дел тревожным образом сообщал, что „Народ бедствует... от страшной дороговизны на хлеб и на корм для лошадей (батман пшеницы продается на базаре по 13 руб., ячмень по 10 руб. за батман),т. е. вдвое дороже обыкновенной цены. Ожидают еще повышения цен. Нынешний год, вследствие сухой и необыкновенно холодной зимы и дальнейшего отсутствия дождей в весенние месяцы, вышел повсеместно неурожайным не только в Бухаре, но и во многих частях вверенного мне края"[252].

Жестокая колониальная политика царизма в Зеравшанском округе и хищническая, варварская и грабительская политика его партнера эмира Музаффара в Бухарском ханстве послужили главной причиной возникновения отдельных движений в ряде районов Самаркандской области, вслед за присоединением ее к России.

В январе 1869 года в предместьях Самарканда вспыхнуло волнение. Образовался отряд в составе 17 человек, предводителем их являлся Абду Фарманкулов. Отряд повстанцев, несмотря на свою малочисленность, смело нападал в районах дороги Карши-Джам-Самарканд на купеческие караваны, старался захватить в свои руки имущество богатых землевладельцев в пригородных районах Самарканда. К сожалению, отсутствие конкретной цели, задач и надлежащего руководства отрядами повстанцев, не дали возможности им развернуться.

Царская администрация в Зеравшанском округе приняла срочные меры, был выслан в районы действия отряда повстанцев карательный отряд, которому удалось разгромить повстанцев и поймать их предводителя Абду Фарманкулова.[253]

Абду Фарманкулов без суда и следствия был сослан в Сибирь на вечную каторгу.[254] Однако другой же товарищ Фарманкулова Айдаркул Ярыев с 6-ю повстанцами сумел скрыться.[255] Только в январе 1870 года карательным отрядам царизма удалось поймать Айдаркула и его ближайшего сподвижника Шаймата Исламова, которые были преданы военному суду и осуждены по закону военного времени, т. е. к расстрелу"[256].

Другое, более крупное стихийное волнение крестьянских масс возникло в начале октября 1869 года под предводительством Бабена Алибаева.[257] Основным районом действия отряда Бабена Алибаева было нижнее течение Зеравшанской долины с густонаселенными районами Зиаддинского, Хатырчинского бекств Бухарского ханства и Катта-Курганский отдел Зеравшанского округа.

Первоначальными районами действий повстанцев были, главным образом, районы нижнего течения Зеравшанской долины Бухарского ханства. Однако в течение двух меся-

---

[250] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 24, стр. 124.

[251] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I. М., Госполитиздат, 1953, стр. 710.

[252] ЦГА УзССР. ф. 715, оп. 1, д. 43, док. 300, лл. 235–236.

[253] ЦГА УзССР. ф. 5, оп 1, д. 18, л. 9.

[254] Там же.

[255] Там же.

[256] Там же.

[257] Имя предводителя этого восстания в различных документах пишется по различному: Бабан, Бабек, Бабен, Бабанали и др. Все же, в большинстве текстов первоисточников употребляется имя Бабен Алибаев. Поэтому мы называем его имя по текстам на русском языке.

цев отряд повстанцев из 18 человек вначале, уже в первых числах декабря 1869 года увеличился до 500 человек.[258]

Бухарские власти своими силами не сумели подавить это восстание, поэтому эмир и Куш-Беги обратились за помощью к царским властям в Зеравшанском округе. Бухарский Куш-Беги в своем письме, написанном в конце октября 1869 года, обратился за помощью к царским властям в Зеравшанском округе.[259]

Ряды повстанцев беспрерывно росли. Начальник Катта-Курганского отдела капитан Борзенков в своем рапорте от 16 октября 1869 года за № 440 писал, что в настоящее время отряд Бабена имеет около 40 вооруженных людей и их ряды беспрерывно увеличиваются.[260] Как видно из сообщения Борзенкова, в Катта-Курганском отделе 16 октября 1869 года были пойманы четыре конных повстанца из отряда Бабена, а именно: Мулла Хусеин—уроженец Бухары, Омаркул—уроженец Зиаддина, являющийся одним из главных сподвижников Бабена, Абду-Шукур—уроженец Хатырчи, Худайберди—уроженец Катта-Кургана.[261] Как видно из этих фактов, к числу отрядов Бабена примыкали представители населения из различных районов, как Бухарского ханства, так и Зеравшанского округа.

В своем рапорте капитан Борзенков просил у Абрамова разрешения „...отправить бухарских подданных в Зиаддин для осуждения к тамошнему беку; нашего же подданного Худайберди, как неисправимого разбойника, необходимо сослать административным порядком в Сибирь или в арестантские роты".[262]

В начале декабря 1869 года к отряду Бабена присоединилась другая группа повстанцев во главе с предводителем Хайдаркулом.[263]

Положение для бухарского эмира и царизма становилось угрожающим. Поэтому бухарские власти, особенно Зиаддинский бек Мухаммад Юсуф-бай-Додхо, прямо заявил о своем бессилии в борьбе против отряда повстанцев[264] после чего Куш-Беги Мухаммад Шаби от имени эмира вынужден был обратиться к царской администрации о совместной борьбе против повстанцев. Причем, как свидетельствует содержание этого письма, войска Зиаддинского бека Мухаммад Юсуф-бай-Додхо должны были находиться в подчинении

[258] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 10.
[259] Там же, л. 138.
[260] Там же, д. 9, л. 17.
[261] Там же.
[262] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 9, л. 17
[263] Там же, д. 7, л. 10.
[264] Там же.

царских военных властей при выполнении данной операции.

Основная причина столь широкого и быстрого успеха народного волнения под предводительством Бабена Алибаева крылась в том, что они беспощадно стали громить крепости, имения амлякдоров, беков, избивали и убивали их, а имущество их передавали бедному населению[265].

Всенародная ненависть против беков, амлякдоров, царской администрации и прочих колонизаторов приводила их в ряды отряда Бабена. Отряд повстанцев, где бы не появился, его от души поддерживал трудовой народ. Так, 4 декабря 1869 года повстанцы полностью уничтожили владение Хатырчинского амлякдара, а в Зиаддине — имение бека Мухаммад-Юсуф-бай-Додхо было сожжено, самого бека Мухаммад-Юсуф-бай-Додхо избили, и он совершенно случайно ночью скрылся, этим самым смог избежать смерти.[266] Повстанцы не стали преследовать бека, а занялись делением захваченной добычи. Это помешало им окончательно уничтожить бекский отряд и расширить районы восстания. Кроме того, многие после уничтожения владений амлякдоров, получив свою долю добычи, возвращались в родные кишлаки, что во многом ослабляло силы восставших.

Царский генерал Терентьев с колонизаторской циничностью о причинах движения трудящихся дехкан под предводительством Бабена писал так:

„Неурядица последнего года, долгое отсутствие эмира с войсками, в связи с политической распущенностью его народа, склонного поддерживать каждого претендента на независимость, породили междоусобия, взаимные грабежи и разбойничество. Особенно отличалась шайка некоего Бабана (так написано в тексте—Т. С.), грабившая на огромном пространстве между Джамом и Катта-Курганом... Пограничный с ними Зиаддинский бек откровенно сознался в своем бессилии уничтожить шайку"[267].

С одобрения Кауфмана начальник Зеравшанского округа генерал-майор Абрамов снарядил в Самарканде специальный конный отряд под командованием штаб-ротмистра Скобелева.[268]

[265] Там же, л. 47.
[266] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 47.
[267] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, с картами, планами, том I, 1906, стр. 482.
[268] М. Д. Скобелев—позднее царский генерал, близкое лицо царской фамилии, в последующих годах был активным участником среднеазиатских походов, руководитель ряда побед во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., затем командующий царскими войсками в Закаспийском оазисе, палач и душитель свободы среднеазиатских народов. Он в 1869 году начинал свою первую самостоятельную военную карьеру во главе карательного отряда царских войск против повстанцев-трудящихся Зеравшанской долины.

Карательный отряд царских войск первый раз встретился с повстанцами в районе Чоршанбе в 25 верстах от Катта-Кургана. Однако, несмотря на ожесточенные сражения между повстанцами и царскими войсками, отряд Бабена сумел сохранить свою основную силу и ускользнуть от преследования. Такой безуспешный исход действий царского карательного отряда привел к замешательству многих чинов царской армии. Поэтому царские туркестанские высшие власти от страха под угрозой надвигающегося и расширяющегося народного движения, которое очень быстро и широко распространялось среди трудящихся народов, вынуждены были предпринять решительные меры.

Таким образом, первая попытка царских властей расправиться с восставшими позорно провалилась. Неудача Скобелева вызвала большой переполох в среде царских военных кругов в Туркестане, поэтому Кауфман даже вынужденным образом создал компетентную правительственную комиссию для разбора вопроса „О предосудительном поведении причисленного к генеральному штабу штаб-ротмистра Скобелева у Чоршанбе".

Только близкие родственные связи Скобелева с царем, как пишет Терентьев, спасли его от тяжелого наказания.[269]

Здесь необходимо сказать, что советский исследователь, Абдуллаев В. С. в своей работе утверждает по-иному. Он пишет, что против этих партизан (подчеркнуто нами—Т.С.) был выслан из Катта-Кургана штабс-ротмистр г. Скобелев с полутора сотней казаков. Выбрав момент для неожиданного нападения, Скобелев разбил Бабана и захватил пленных.[270]

Однако такой преждевременный вывод В. С. Абдуллаева, как видно из вышеизложенного, не выдерживает критики. Во-первых, на наш взгляд, восстание трудящихся дехкан Зеравшанской долины, которое было направлено против царизма, эмира и всего эксплуататорского класса нельзя просто поставить на одинаковом уровне с движением Садыка и Назара, которые являлись реакционными, антинародными, носили междоусобный характер. Во-вторых, карательный отряд Скобелева не сумел подавить восстание, был разбит силами повстанцев.

К 7 декабря царские власти перебросили в Катта-Курган еще более свежие военные силы для разгрома основной силы повстанцев.

В ночь на 8-е декабря через агентов царской администрации полковник Карганов получил известие о расположении сил Бабена в кишлаках Чоршанбе и Таш-Мечеть.[271] 9 декабря 1869 года произошла очень сильная кровопролитная битва между повстанцами и царскими войсками, где убитыми оказались до 40 человек повстанцев, 25 человек попались в плен.[272] По распоряжению царских военных властей все пленные были переданы Зиаддинским аксакалам, которые при непосредственной поддержке царских властей были казнены через повешение на глазах народа на базарной площади кишлака Чалапак, Зиатдинского бекства.[273]

С поля боя царские военные власти подобрали 40 ружей, 25 шашек, 1 пистолет, 10 патронташей и 86 лошадей,[274] что свидетельствует о разнообразности вооружения повстанцев.

Из военных трофеев, как сообщает Карганов, двадцать лошадей и два нагруженных верблюда были сданы начальнику отдела, остальные были проданы царским казакам и джигитам.[275]

Несмотря на такой серьезный урон, нанесенный царским карательным отрядом повстанцам, отряд Бабена продолжал свои действия. В ночь на 14 января 1870 года повстанцы снова встретились в кишлаке Кара-Курсак с карателями, где произошла большая перестрелка, однако царскому отряду снова не удалось поймать или полностью разгромить отряд Бабена.[276] Как видно из рапорта начальника Катта-Курганского отдела от 14 января 1870 года, все население кишлака Кара-Курсака и других селений „были заодно с разбойниками и участвовали во всех разбойничествах Бабена".[277]

Только в сентябре 1870 года в Дюрткульском районе Катта-Курганского отдела в результате доноса амлякдара с хитростью был пойман предводитель повстанцев Бабен Алибаев.[278]

Бабен, чтобы не попасть в руки палачей, защищался до последних сил, только после поджога дома, в котором

---

[269] М. А. Терентьев. Указанная работа, стр. 484.

[270] В. С. Абдуллаев. Завоевание Бухарского ханства царской Россией. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Самарканд, 1946, стр. 222.

[271] ЦГА УзССР. ф. 5 оп. 1, д. 7, л. 47.
[272] Там же, л. 61.
[273] ЦГА УзССР. ф. 5, оп, 1, д. 7, л. 64.
[274] Там же, л. 82.
[275] Там же, л. 62.
[276] Там же, л, 142.
[277] Там же.
[278] Там же, л. 214.

находился он и его маленький остаток отряда, они были убиты полностью в неравном бою, Бабен был взят в плен и отправлен в Самарканд и передан военно-полевому суду. О дальнейшей его судьбе нет сведений. Предателем и активным соучастником поимки Бабена был местный богач Сеид-хан Каримханов, впоследствии начальник военно-полицейского отряда города Самарканда, который неоднократно проливал кровь трудящихся масс. За активное содействие в поимке Бабена Сеид-хан Каримханов был награжден высокой наградой царизма.[279]

В тот момент, когда шли серьезные поиски остатков отряда повстанцев, сподвижник Бабена Алибаева Айдар-Ходжа со своим отрядом в ночь с 16 по 17 июня 1870 г. вблизи кишлака Аксай (35 верст от города Самарканда) организовал решительное нападение на царских казаков, находившихся при начальнике царских зякетных сборщиков князе Урусове. Этот отряд в то время находился вблизи кишлака Аксай. Казаки Урусова неожиданно были встречены выстрелами и вслед затем на них кинулся отряд Айдар-Ходжи, в котором насчитывалось до 100 человек.[280]

Не видя возможности сопротивляться, казаки повернулись в бегство, во время которого двое были убиты и трое ранены. Повстанцы преследовали царских казаков до селения Аксай и затем вернулись обратно в горы.[281] Ценой больших потерь царизму все же удалось быстро подавить движение отряда Айдар-Ходжи.

Возмущение трудящихся масс и их классовая борьба против царских колонизаторов и эксплуататорских классов происходили повсеместно.[282] В этой связи чрезвычайно характерно распоряжение Абрамова начальнику Самаркандского отдела, отданное 4 августа 1870 года, в котором он писал:

„Были грабежи и убийства в городе Самарканде и в других городах и кишлаках вверенного Вам отдела... принять все зависящие от Вас меры к прекращению этого дела... в последнее время происшествия разбоев и грабежей были повторены почти повсеместно, а в особенности в Самарканде и его окрестностях.

Сего числа явились ко мне человек 30 самаркандских купцов с поверительными заявлениями, что в последнее время вследствие усиливающихся грабежей и разбоев почти

[279] О. О. Поспелов. Сеид-хан Каримханов. Справочная книжка Самаркандской области. вып. X. Самарканд. 1912. стр. 129.

[280] „Разбойничье нападение на казаков в Самарканде". См. „Туркестанские ведомости", 1870, № 356.

[281] Там же.

[282] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 43, лл. 123—126.

не наказывается... По их словам не проходило недели, чтобы не было двух или трех случаев нападения и грабежей. Разбойники разъезжают целыми шайками, с оружием врываются по ночам в дома, грабят, а нередко, в случае сопротивления наносят побои, ранения, а иногда и совершают убийства. Дерзость этих шаек доходит до того, что они иногда почти открыто требуют денег с богатых домовладельцев, обещают в случае неподчинения требованию ограбить и наказать все семейство, что и приводят в исполнение. Такое положение вещей к мероприятию нашему влияет в этом крае.

Обеспечение общественного спокойствия в крае, охранение личной безопасности наших подданных и обеспечение их имущества—есть первая и главная обязанность нашей администрации в этой, еще недавно занятой нами стране".[283]

Как видно из этого распоряжения, где точно и ясно сформулирована колонизаторская политика царизма, вся политика царизма полностью была направлена против народных масс и она всесторонне защищала и оберегала интересы эксплуататоров. Царизм являлся заядлым защитником частной собственности на средства производства. Поэтому он для ее сохранения не жалел ни сил, ни средств.

Несмотря на угрозы и расправы, гнев и возмущение народных масс против колонизаторов возрастали. Бывали случаи нападения ремесленников, мардикеров и других бедняков на царскую охрану, офицеров. Поэтому царская администрация пыталась проводить решительные меры пресечения таких форм борьбы трудящихся масс.[284]

Кроме того, еще с октября 1870 г. царские власти в Зеравшанском округе немедленно приступили к составлению списка, учета „ненадежных" лиц города Самарканда, за которыми был установлен постоянный надзор.[285]

[283] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. д. 7, лл. 198—199.

[284] ЦГА УзССР, ф. 125, д. 851, лл. 1—2.

[285] В прилагаемом списке, который составлялся ежемесячно и уточнялся через аксакалов и махаллинских старшин только в городе Самарканде, например, за октябрь месяц 1870 г. были занесены 5 человек. В числе „ненадежных" лиц жителей г. Самарканда значился Мулла Ибрагимов по профессии ремесленник-ткач. Касимбай Ачильдибаев — ремесленник-ткач, при владычестве Бухарского эмирата, т. е. до присоединения Самарканда к России, был наказан приказом эмира 75 ударами за неповиновение властям; после 1868 г. за вредное влияние на своих окружающих путем пропаганды и неподчинения распоряжениям царской администрации два раза был арестован властями и находился под строгим надзором. Эти факты свидетельствуют, что царизм являлся жандармом для трудящихся масс, любая их попытка,которая могла бы наносить вред или мешала, ему преследовалась ими ради осуществления своей колонизаторской политики. См. об этом: ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 28, лл. 2, 9.

Итак, через три года после описанного восстания в конце октября 1873 года произошло другое выступление трудящихся масс против колониальной политики царизма в районе Фараба Пенджикентского участка Самаркандского отдела.[286]

Основной причиной и этого выступления также было недовольство народа налоговой политикой царизма, а также злоупотреблениями местной администрации. В начале движения отряд повстанцев состоял из 50 человек. Предводителем повстанцев был шахрисябзский житель Абдул-Кадыр Мирахур, который призывал жителей Фараба, Матчо, Искандер-Куля, Пенджикента и Ургута не платить податей царским властям, бороться против царской администрации.[287] На призыв Абдул-Кадыр Мирахура быстро откликнулось большинство бедняков и он успел склонить на свою сторону неблагонадежных жителей кишлаков Гиляны и Нижнего Фараба, образовав отряд в составе 200 человек.

Кроме того, в отряд повстанцев включились около 15—20 человек бедных дехкан и ремесленников из Ургутского района Самаркандского отдела. Отрядом повстанцев, кроме Абдул-Кадыра, руководили его ближайшие сподвижники Магомет Рахим и Мунавар Ходжа.[288]

Для подавления этого восстания царская администрация Зеравшанского округа направила значительную военную силу, расквартированную в Пенджикенте и в результате двухдневного боя, 30—31 октября 1873 года, силы повстанцев были в основном уничтожены. На поле боя было убито много людей. Карательные силы царизма после преследования отряда повстанцев арестовали 60 человек,[289] подозреваемых в соучастии в восстании. Из них 16 человек без суда и следствия были на глазах народа расстреляны,[290] а остальные сосланы на различные сроки на каторгу.

По мере экономического освоения Туркестанского края царизмом, классовая борьба между трудящимися массами и эксплуататорами все более усиливалась. Поэтому царизм подавлял всякое движение и старался держать население под страхом расстрела и ссылки в другие губернии, особенно в глухие районы Восточной Сибири, Сахалина и Камчатки. В своем циркуляре от 22 января 1883 года царское самодержавие вынужденным образом признавало о своем критическом положении в Туркестанском крае. Под страхом нарастающего национально-освободительного движения он вынужден был на время приостановить открытое исполнение приговоров военных судов о смертной казни лиц, обвиненных за участие в восстаниях против царизма из числа коренных национальностей. Только киргизы, кочующие в пределах округа, могли быть расстреляны публично,[291] а другие высланы на вечную каторгу на окраины России[292].

Ограничение меры наказания, т. е. непредставление права публичного приведения в исполнение приговоров военных судов о смертной казни в Туркестане и Кавказе, царским самодержавием хотя официально не предпринималось, такие меры ограничения были направлены отнюдь не для защиты интересов трудового народа, а лишь из-за боязни всенародного волнения, которое могло бы подняться в любой момент против царского режима. Поэтому, в ответ на настойчивое требование, в апреле 1887 года, генерал-губернатора Туркестана генерал-адьютанта Розенбаха о предоставлении командующему войсками Туркестанского военного округа права на публичное приведение в исполнение приговоров военных судов о смертной казни над лицами из коренного населения, обвиняемых в „покушении на государственный строй" было отказано.[293] Но сам факт просьбы высших туркестанских властей о предоставлении чрезвычайного права наказания неугодных им лиц путем их публичной казни, красноречиво говорит о чрезмерном росте классовой борьбы трудящихся народов Туркестана и всей России против своих угнетателей.

Несмотря на такую сильную угрозу со стороны царских властей народные массы не прекращали свою борьбу. Борьба трудящихся шла в различных формах. Так, в начале 80-х годов XIX века в одном из кишлаков Самаркандской области (наименование кишлака в документе отсутствует) житель этого селения смельчак Азимбай Уста Ашуров призывал народ не подчиняться волостному управителю, не платить властям налоги.

Как видно из этого документа (от 29 декабря 1887 г.), Азимбай Уста Ашуров был выслан „в Сибирь по подозрению в подстрекательстве населения против законных действий волостного управителя и составлению с преступной целью народного собрания и убийстве волостного управителя..."[294]

---

[286] ЦГА УзССР, ф. 1 оп. 34, д. 218. л. 1.
[287] ЦГА УзССР, ф. 1. оп. 34, д. 218, л. 1.
[288] Там же, л. 5.
[289] Там же, л. 17.
[290] Там же, оп, 4, д. 12, л. 2.

[291] ЦГА УзССР. ф. 1, оп. 4, д. 12. л. 2.
[292] Там же.
[293] Там же, л. 1.
[294] ЦГА УзССР. ф. 1, оп. 4, д. 28, л. 2

Столь же острыми были столкновения крестьян с местными баями, царской администрацией и чиновниками за разрешение земельных и водных споров между крестьянами.

Так, из жалобы населения кишлаков Кум и Мадум Фальгарской волости Самаркандской области выясняется, что 40 крестьянских семей в районе Хайрабад имело около 600 танапов богарных земель. Однако влиятельные лица сговорившись, отдали эту землю за взятку в размере 120 рублей другим богачам из кишлака Дар-Дар и оформили их юридическим актом у казия.[295] Поэтому бедняки вышеуказанных кишлаков неоднократно обращались с просьбой к царским властям на местах по этому поводу, а царская администрация передала это дело на рассмотрение суда казиев. Съезд казиев вместо защиты интересов бедных дехкан, наоборот, потребовал от них отказаться от прав владения этими земельными угодиями и взамен предложил получить компенсацию в размере 2000 рублей. Население отказалось выполнить это решение. Тогда казии заочно решили оставить эти земли в пользу крупных землевладельцев селения Дар-Дар, взамен от них получили взятку в размере 100 рублей с каждой тысячи стоимости этого земельного участка, а прежние владельцы—дехкане кишлаков Кум и Мадум насильно были обезземелены.[296]

Узбекские крестьяне из рода Джалаир из Зааминского района Джизакского уезда боролись против богача Мулла Рустама Мулло Файзиллаева за то, что он насильно в местности Кара-Кудук со своими родными занял свободную землю. Эта земля служила для населения как узбекских, так и киргизских крестьян отгонным пастбищем. Дело это в 1885 году было рассмотрено съездом казиев Джизакского уезда, который признал общее право как джалаирцев, так и киргизских крестьян на владение этой землею только для летних кочевок. В марте 1887 года, вследствие неподчинения Мулла Рустама и его родных „прежнему определению суда и возбужденного против него иска"[297], 24 крестьянских хозяйства из рода джалаирцев снова обратились к царским властям о разрешении этого спорного вопроса. Под давлением требования населения, начальник Джизакского уезда вынужден был предупредить Мулла Рустама и его родственников о их незаконных действиях.[298]

Борьба узбекских и киргизских крестьян против Муллы Рустама могла превратиться в большое кровопролитие, по-

[295] Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1291, л. 2.
[296] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 1291, лл. 25,27, 28, 29, 30, 31.
[297] Там же, ф. 1 оп. 4, д. 42, л. 5.
[298] Там же.

этому из-за боязни уездный начальник, для предотвращения вспышки крестьянского волнения, вынужденным образом предписал Зааминскому волостному управителю о немедленном снесении построенных саклей и независимо от сего поручил помощнику, капитану Рыбушкину произвести дознание о том: 1) действительно ли самовольно построенные Мулла Рустамом с родственниками сакли, несмотря на приказание его снести их немедленно, находятся в той местности и до сего времени; и 2) действительно ли в этой местности производились и производятся распашки и кем те и другие произведены"[299].

Как видно из донесения Рыбушкина, 5 марта 1888 года совместно с бывшим Зааминским казием Абдусаттором Абдул Гафуровым, народным судьей Мулла Бердием, Зааминским волостным управителем Дарьим-Али Ткубердыевым и несколькими посторонними лицами из кишлака Заамина и бывшего переводчика Уездного управления Балажанова, а также двух джигитов из местности Кара-Кудук нашли постройки для скота и запашки под огород, сделанные, по сведениям населения, летом 1887 года родственниками Мулла Рустама, которые в момент проверки (хозяева этих построек жили в юртах) прибыли на место[300]. При осмотре местности Кара-Кудук собралось дехкан более 100 человек, которые требовали восстановления их прав на означенную землю[301]. Когда капитан Рыбушкин приказал выделить двух рабочих для снятия крыши построек, принадлежащих Мулле Рустаму, его сторонники сопротивлялись. Когда волостной управитель залез на крышу одной из построек, предназначенных к слому, то к братьям Файзуллаевым присоединились их ближайшие родственники: Ярыкбек, Кумак и Дост-бек, а также жены последних трех лиц и стали принимать все меры к противодействию предложенным распоряжениям. Преступная халатность и чрезмерная мягкость отношения царской администрации не могли привести к желаемым результатам. Возмущенная крестьянская масса, которая находилась в это время на месте происшествия, увидев компромиссное и мягкое отношение капитана Рыбушкина, которое выражалось в уговорах и просьбах в отношении Муллы Рустама и его родственников, сама своей рукой стала разрушать помещение, принадлежащее Рустаму и другим богачам. Волна народного возмущения могла кончиться нежелаемым для царизма и местных богачей оборотом, что не входило в план царской администрации.

[299] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 42, лл. 4—5.
[300] Там же, л. 5.
[301] Там же.

Между тем, к этому моменту безоружная толпа народа с гневом стала нападать на капитана Рыбушкина и его джигитов. Только под угрозой расправы со стороны бедных крестьян, он вынужден был арестовать Мирза-бека, Бабабека, Ярык-бека, Кумака и Дост-бека и отправить их в Джизак. Да и эти после их отправки в Джизак были арестованы для виду сроком на 7 суток, а затем снова отпущены.

Однако главный виновник Мулла Рустам Файзуллаев остался на свободе. Он продолжал причинять обиды и притеснения населению[302]. Только сильное возмущение народа заставило царские власти задуматься над вопросом о высылке Мулла Рустама из Джизакского уезда административным порядком сроком на один год в Катта-Курган или другой район Сыр-Дарьинской области[303].

Далее царская администрация Самаркандской области сама признавала, что пока Мулла Рустам не будет удален из Джизакского уезда беспорядки в местности Кара-Кудук будут продолжаться[304]. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что царские власти не в силах были ограничивать права крупных землевладельцев и скотовладельцев. С другой стороны эти факты показывают, что царизму не хотелось терять свою опору из числа местных баев, духовенства, которые являлись его союзником в борьбе против трудящихся масс. Вот почему вопрос о высылке Муллы Рустама сроком на один год в другое местожительство внутри края так долго не был разрешен и только в апреле 1890 года верховная царская администрация в Туркестане условно разрешила высылку Муллы Рустама сроком не более одного года, которая только оставалась на бумаге, а на деле он и его родные бесчинствовали над узбекскими, киргизскими и таджикскими дехканами[305].

Иногда крестьянская и ремесленная беднота тайно нападала или убивала представителей царских властей. Так, например, в апреле 1891 года вблизи мечети Хозрата жителями города Ура-Тюбе Магмур Узурбаевым, Абду Али Абдурасулевым, Тошболта Худайназаровым, Турсун Магомет Суфи Ниязовым и Мир Махмуд Ашур Магомедовым был убит Уратюбинский волостной управитель Алимбай Атаджанбаев, который славился своей жестокостью против народа[306].

Далее, в ста верстах от г. Самарканда 29 апреля 1893

[302] ЦГА УзССР. ф. I, по. 4, д. 42, лл. 7, 137, 188.
[303] Там же.
[304] ЦГА УзССР. ф. I, оп. 4. д. 42, л. 138.
[305] Там же. л. 135.
[306] Там же, д. 94, л. 8.

года был убит стражник Саитбаев и доносчик Сафаров. Царские власти под предлогом поиска убийц арестовали ряд жителей города Самарканда и пригородных районов, на которых падало подозрение. Но аресты этих лиц нужны были царским властям для запугивания населения[307]. Аресты и ссылки не могли остановить гнев и возмущение народных масс. Трудовой народ продолжал свою борьбу.

Порой происходили и более серьезные события, носившие характер массовых выступлений не только крестьянства, но и городского населения, причем они были направлены не только против мелких чиновников (землемеров, арык-аксакалов и т. п.), но и против представителей царских властей. Таковы были, например, события, разыгравшиеся во время выборов в городские аксакалы сроком на 3 года (1890—1892 гг) населением города Самарканда.

Как сказано в донесении военного губернатора Самаркандской области[308], во время выборов из числа 1180 домов—хозяйств из Сузангаранской части города Самарканда к начальнику Самаркандского уезда, который являлся ответственным по проведению выборов, явились протестующие против выбора Мир Аваза Ходжи в качестве аксакала Сузангаранского участка старогородской части города Самарканда до 400 горожан, из которых „большая часть не имела права голоса", т. е. бедняки и потребовали от Самаркандского уездного начальника не избирать аксакалом Мир Аваз Ходжу, а избрать того, кого выдвинет основная масса жителей этой части города. Тогда начальник Самаркандского уезда, увидев безвыходность своего положения согласился с требованием населения и стал составлять именной список всех 400 горожан, которые явились к нему с жалобой. Конечно, с составлением списка начальник Самаркандского уезда не спешил удовлетворить справедливое требование коренного населения, а, наоборот, он этим путем думал выявить более заядлых зачинщиков беспорядка, арестовать их и этим самым оставить непокорное население без руководителей. Население, конечно, не сразу догадалось о намерении представителя царской административной власти. Но, спустя некоторое время, когда начальник Самаркандского уезда приказал полиции оцепить население, которое ожидало от него справедливого решения этого вопроса, тогда волна возмущения охватила их. Они стали поднимать шум и, несмотря на угрозы со стороны полиции, стали приближаться к начальнику Самаркандского уезда. Тогда он приказал немедленно арестовать 5 человек

[307] ЦГА УзССР, ф. I, оп. 4, д. 182, лл. 369—370.
[308] Там же, оп. 11, д. 612, л. 189.

руководителей возмущенного населения и под угрозой штыков полиции объявил об оставлении на должности аксакала Сузангаранской части города Самарканда известного богача и взяточника Мир Аваза Ходжи, который своим богатством и жизнью был обязан царским колонизаторам. Поэтому Мир Аваз Ходжа старался изо всех сил оправдать доверие царских властей, как их верный слуга, который готов был всеми средствами сдирать три шкуры с трудового народа для пополнения кармана царских чиновников.

Отмечая причины этих беспорядков, царские верховные власти в Туркестане в своем циркулярном письме от 12 марта 1893 года военным губернаторам Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей вынуждены были констатировать, что „... при выборах должностных лиц туземной администрации, почти повсеместно в крае, искателями должностей, по преимуществу волостных управителей, практикуются подкупы избирателей в самых широких масштабах, что ведет всегда к сильному возбуждению населения, всевозможным злоупотреблениям и беспорядкам, которые в некоторых местностях доходят до открытого непослушания и даже сопротивления наблюдающим за выборами чинам уездной администрации, а затем и к выборам на должности лиц, не достойнейших покрыть выборные расходы разными незаконными поборами с народа“[309].

Царские власти, в данном циркуляре, предупреждали население о том, что оно будет лишено права выборов волостных управителей и аксакалов в случае беспорядков и неповиновения царским властям. Вместе с тем они на словах обещали и делали некоторую попытку заняться проверкой и контролем местного аппарата управления. К сожалению, эти меры не могли остановить возмущение и борьбу трудящихся масс.

С самого начала проникновения царизма вглубь Средней Азии, среднеазиатская территория служила местом административной ссылки для революционного поколения, которое с точки зрения царизма было „политически неблагонадежным“.

Так, первыми лицами, сосланными в Самарканд, оказались „политические преступники“—участники польского восстания 1863—1865 г. Оценивая историческое значение этого восстания, К. Маркс и Ф. Энгельс в 1881 году писали:

„Польское восстание 1863 года, вызвавшее дружный протест английских и французских рабочих против международных злодеяний их правительств, послужило исходным

[309] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 155, л. 7.

пунктом Интернационала, основанного при участии польских изгнанников“[310].

Польское восстание началось в ночь с 22 на 23 января 1863 года и продолжалось до апреля 1865 года. В восстании активно участвовали рабочие, ремесленники, учащаяся молодежь, разорившаяся шляхта и крестьянство.

Лучшая часть польских революционеров успех в революционной битве видела в союзе с русским революционным движением. Русские революционеры оказывали всемерную помощь восставшей Польше.

Однако в 1863 году в России еще не сложилось необходимых предпосылок для революционной победы. Революционная ситуация не перешла в революцию.

Летом 1863 года царизм усилил свое наступление на повстацев. Несмотря на это, восстание продолжалось 28 месяцев. В результате подавления польского восстания было уничтожено 15 тысяч человек. В боях погибли 30.000 повстанцев. Много тысяч революционеров были сосланы в Сибирь и в далекий Туркестан. После присоединения Самарканда к России (1868 г.) часть активных участников польского восстания из Сибири были переброшены в Ташкент и Самарканд[311]. Среди сосланных в Самарканд в 1870 году находились Р. Подберецкий, Ю. Бениш[312], Р. Бодрецкий, Ю. Гениуш, А. Вишневский, А. Крушевский и др[313].

Несмотря на то, что многие революционеры были разжалованы и сосланы в далекие края, царская администрация очень боялась их влияния на трудящихся этих мест[314].

В одном из документов говорится: „На основании положения Комитета министров Высочайшего утвержденного 27 декабря 1868 года уроженцы Северо-Западного края и царства Польского за участие в мятеже, сосланные нижними чинами в Туркестанские линейные части ныне уволены из военной службы без именования воинским званием и должны быть высланы из края на жительство в некоторые внутренние губернии России.

Так как из числа этих преступников Рудольф Бодрецкий, Юлиан Гениуш и Антон Вишневский проживают в настоящее время в г. Самарканде, я имею честь покорнейше просить распоряжение Вашего превосходительства о немедленной высылке в г. Ташкент этих лиц для отправления в места их назначения“[315].

[310] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, Госполитиздат, 1961, стр. 248.
[311] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 50, л. 1.
[312] Там же, л. 2.
[313] Там же, ф. 5, оп. 1, д. 19, л. 1.
[314] Там же, д. 50, л. 2.
[315] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 50, л. 3.

Поэтому генерал-губернатор Зеравшанского округа Абрамов, согласуясь с Туркестанским генерал-губернатором 25 января 1871 года дал секретное указание о том, что „... политические преступники, находящиеся в Зеравшанском округе, без исключения должны быть высланы в Ташкент для водворения их на местожительство во внутренние губернии России...“[316].

Из числа польских революционеров Рудольф Подберецкий в январе 1871 года написал прошение начальнику Зеравшанского округа следующего содержания: „С самого выхода моего в отставку я занимаюсь в г. Самарканде виноделием и кроме того предвижу еще занятия, которыми могу принести пользу себе и людям. Желая приобрести хотя какие-нибудь средства для будущего проживания в России имею честь... просить... об оставлении меня в г. Самарканде, хотя бы на один год“[317].

Царская администрация, напуганная прогрессивным влиянием польских революционеров на трудящихся Зеравшанской долины, на просьбу Р. Подберецкого дала категорический отказ.

Революционер А. Крушевский служил в почтовом отделении г. Самарканда. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора приказала „... что по почтовому ведомству принять за правило лиц польского происхождения... не определять вовсе на службу, а находящихся уже в этом ведомстве не повышать в должностях и в случае какого-либо сомнения в благонадежности увольнять со службы ввиду чего и не признав возможным оставление на почтовой службе Крушевского, хотя бы и вольнонаемным писцом, так как он был осужден за участие в мятеже“[318].

Все польские революционеры, ранее принятые на какие-либо мелкие должности царских государственных учреждений, также немедленно были изгнаны. Эти революционеры за свои политические убеждения не имели права заниматься ни торговыми, ни служебными, ни государственными делами.

Эти архивные документы ярко изобличают подлинное лицо царизма, который всякими путями и средствами старался задушить революционные силы в его зачатках.

В 60—70 годах и позже царское правительство выслало в Туркестан народников—Червинского, Романенко, Шараго, Волкова и других. Здесь был сослан близкий друг. К. Маркса и первый переводчик „Капитала“ на русский язык Г. А. Лопатин, затем в Туркестане служил известный народоволец член военной организации „Народная воля“ М. Ашенбреннер, впоследствии совместно с В. Фигнер и другими присужденный к смертной казни[319].

В 1880 году в Туркестанский край была сослана русская революционерка З. С. Апелитова и другие, обвиненные в государственном преступлении. За З. С. Апелитовой был установлен строгий гласный надзор во время ее пребывания в Ташкенте и в Самарканде[320].

Начиная с 1895 года в Туркестан из Москвы, Петербурга, Казани и других городов России за распространение марксистского учения и революционных взглядов были сосланы многие социал-демократы. В их числе были В. Д. Корнюшин, А. Р. Бахарев и их единомышленники[321].

Студенты Петербургского университета Сергей Кузнецов и его сестра А. В. Кузнецова за активное участие в студенческих волнениях в ноябре 1900 года были сосланы в в Самарканд. Секретным указанием правительство установило над ними негласный надзор и запретило им выезд в другие районы Самаркандской области. Этот аргумент мотивировался тем, что против них по требованию прокурора судебной палаты Петербурга было возбуждено судебное дело[322].

До 1902 года в Туркестанском крае проживали жители города Александрополя Искандер Оганесов, Петров, Карапетов, Аветиж Мушецов и Степан Тер-Сааков, обвиненные „как лица вредные для общественного порядка и спокойствия“[323]. Туркестанские власти ходатайствовали о дальнейшей невысылке в Туркестан „политических преступников“, которые имели огромное влияние на коренное население. Как видно из сообщения Министерства внутренних дел, только за период с 20 июня 1901 г. по декабрь 1902 г. в пределах Туркестанского края было воспрещено проживание 68 лицам, обвиненных в „политическом преступлении“[324].

„Высылавшиеся в Туркестан революционеры и лица,— совершенно справедливо подчеркивает советский исследователь А. П. Поясковский,— настроенные оппозиционно по отношению к царизму, входили здесь в соприкосновение с различными слоями местного населения, вели подпольную работу среди войск, рабочих и служащих. Их деятельность

---

[316] Там же.
[317] Там же, л. 4.
[318] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 50, л. 25.
[319] А. П. Пясковский. Революция 1905—1907 гг в Туркестане. Москва, 1958, стр. 76.
[320] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 533, лл. 1—2.
[321] Н. М. Мавлани. Михаил Владимирович Морозов. Ташкент, 1963, стр. 6.
[322] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 1151—А, л. 1.
[323] Там же, ф. 1, оп. 4, д. 691, л. 1.
[324] Там же, л. 3.

приняла постепенно такой размах, что царские власти серьезно забеспокоились[325].

Приток политических ссыльных, а также рабочих различных национальностей в край и в Самаркандскую область наиболее усиливается после 1902 года, т. е. после подавления ряда выступлений студентов и рабочих в Петрограде, Москве, Казани и других городах России. В своей секретной депеше военный министр от 25 мая 1903 года, опираясь на сведения Департамента полиции, Туркестанскому генерал-губернатору сообщал: „... о замечаемом в последнее время огромном наплыве в Ташкент людей низшего класса как русских, так и особенно армян, персиян и афганцев, не имеющих определенных занятий..."[326] Царское правительство срочно начало предпринимать предохранительные меры: усиливать наряды полиции, держать в боевой готовности войска Туркестанского округа, активизировать репрессии, аресты против революционеров и т. п.

В Самаркандской области, как и во всем крае проживали и работали не только политические ссыльные, но и многие честные, преданные идеалам гуманизма и искренне сочувствующие тяжелому положению коренного народа, русские люди, которые не только не были опорой царской власти, а, наоборот, подрывали ее устои. Они также вносили свой посильный вклад в дело пробуждения коренного народа.

Передовые представители коренного населения начали устанавливать связи именно с такими людьми[327].

В 1900—1901 году под надзор была взята жена начальника съемочного отделения Катта-Курганской поземельно-податной комиссии Е. Н. Хмельницкая. Из донесения Пензенского губернатора в декабре 1900 года видно, что Е. Н. Хмельницкая совместно с дочерью и сестрой 21 ноября прибыла в Краснослободск, а 12 декабря выехала в Тифлис,

---

325 А. П. Пясковский, Революция 1905—1907 г. в Туркестане. Москва, 1958, стр. 76—77.

326 ЦГА УзССР, ф. I, оп. 4, д. 727, л. 10.

327 Так например, во время разбора одного дела о злоупотреблениях в Ферганском областном правлении в ноябре 1893 года была „... между прочим усмотрена вредная для общественного спокойствия деятельность проживающего в Андижанском уезде крестьянина Самарской губернии Андрея Павловича Грунина, возбуждающего местное туземное население к всевозможному сутяжничеству, которое будучи и без того в сильной степени развито в среде туземцев Туркестанского края, при возбуждении со стороны такого лица, как Грунин, специально занимающегося составлением кляузных прошений, может вызвать народные волнения".
Генерал-губернатор Ферганской области в своем донесении ходатайствовал о высылке крестьянина Грунина из пределов Туркестанского края, что немедленно было приведено в исполнение. (См. об этом: ЦГА УзССР, ф. I, оп. 4, д. 727, л. I).

где учился в гимназии ее сын. Далее из этого донесения видно, что она в дальнейшем направляется в Ташкент, а затем в Самарканд и Катта-Курган к мужу[328]. Из переписки между Пензенским и Самаркандским генерал-губернаторами явствует, что Хмельницкая встретилась с коренным жителем Мама-Юсуф Парманкуловым.

Из другого документа от 13 апреля 1901 года явствует, что Хмельницкая вместе с дочерью и Парманкуловым из Ташкента была выслана на постоянное местожительство в Тифлис без определения срока[329]. Хотя в документе не указываются причины преследования их, можно вполне предполагать, что они были высланы из пределов края за их „неблагонадежность".

Под непосредственным влиянием революционных идей передовых представителей русской революционной интеллигенции, с пропагандой идей большевиков в Самаркандской области выступали также отдельные лица из числа местного населения. Так, в 1904 году учитель Ата-Рабатской русско-туземной школы Джизакского уезда Болтабаев среди местного населения тайно разъяснял причины и империалистический характер русско-японской войны, призывал народ к неповиновению царским властям. Преподаватель Болтабаев за политическую неблагонадежность и революционную пропаганду немедленно был изгнан с работы и сослан в Сибирь[330].

В 1904 году из Баку в Самарканд для налаживания революционной работы приехал профессиональный революционер, лично знавший вождя революции В. И. Ленина, В. М. Морозов вместе со своей женой и партийным соратником А. В. Худаш-Морозовой, которая была дочерью участника польского восстания 1863 года В. А. Худаш[331].

М. В. Морозов фактически являлся первым руководителем революционной работы среди трудящихся не только Самарканда, но всего Туркестана и справедливо считается старым партийным работником, прекрасным оратором, журналистом—редактором газеты „Самарканд", ставшей боевым глашатаем ленинской большевистской правды в Туркестане[332].

---

328 ЦГА УзССР, ф. I, оп. 4, д. 934, л. 19.

329 Там же, л. 5.

330 ЦГА УзССР, ф. 18, оп. I, д. 1676, лл. 2—5.

331 Н. М. Мавлани. Михаил Владимирович Морозов. Ташкент, 1963, стр. 7—10.

332 С. А. Акрамов. Революционная деятельность М. В. Морозова, Труды СамГУ, Материалы по истории Узбекистана, Новая серия, вып. 140, Самарканд, 1964, стр. 44, 47—48.
Об этом также смотри: „Самарканд" — пропагандист революционных идей". Газета „Ленинский путь", май 1964 г.

В газете „Самарканд" совместно с М. В. Морозовым в работе редакционной коллегии очень активное участие принимали врач Самаркандского уезда К. М. Афрамович, начальник съемочного отдела поземельно-податного комитета инженер-землемер Н. И. Чернёвский. Они являлись не только пайщиками, но и активными организаторами и распространителями газеты „Самарканд", вплоть до выхода ее последнего номера[333].

В 1904 году М. В. Морозовым была организована Самаркандская социал-демократическая организация, в которой своим революционным сознанием отличались рабочий типографии Демуров, большевик Т. М. Курилов, железнодорожник Гольцов, умерший впоследствии в ссылке и многие другие. М. В. Морозов к революцинно-пропагандистской работе привлекал местных рабочих и передовую интеллигенцию, в числе которых были: рабочий типографии Акрамджан Камилджанов, С. Турсунов, И. Шаджанов, А. Кабулов, А. Шермухамедов, Д. М. Устабаев и другие[334].

Под непосредственным воздействием революционной деятельности социал-демократической организации в Самарканде в 1905 году возникло тайное общество служащих поземельной комиссии Самаркандских землемеров. В состав этого общества входили: Н. И. Чернёвский, С. Плегер, Д. Любомиров, А. Павлов, А. Девлищев, Г. Какауридзе, И. Прейман, С. Ястребов, А. Леонтьев, В. Михайлов, Б. Аболын, П. Ушаков, Р. Мурашко, Н. Крыжановский. Они на своих тайных заседаниях приняли программу, где провозгласили: примкнуть к освободительному движению всей России, требовать полной амнистии всех политзаключенных, объединиться со всеми самаркандскими прогрессивными организациями, выяснить пути и возможности объединения этого общества с социал-демократическими и другими революционными организациями Самарканда, включиться всем членам в активное осуществление их программы[335].

М. В. Морозов являлся организатором социал-демократической организации не только в Самарканде, но и во всем Туркестанском крае. В одной из своих шифрованных телеграмм от 7 декабря 1905 года Туркестанский генерал-губернатор Сахаров писал военному министру:

„Революционная партия в Ташкенте проявляет деятельность явно направленную к ниспровержению государственного порядка, устраивает забастовки, бунтует войска, объявляет бойкоты и ведет необузданную агитацию на митингах, призывая к истреблению властей, в полицмейстера была брошена бомба.

Ввиду сего, на основании положения об усиленной охране, прошу утверждения предположенной мною из края в ближайшие места по моему выбору без обязательства безотлучного пребывания следующих лиц, выделяющихся деятельностью в указанном направлении Михаила Морозова, Александра Саксаганского, Георгия Михина, Александра Мейера, Антона Борейша, Аршака Зурабова, Галактиона Шавдия, Давида Чернобородова, Алексея Гольберта, Аврама Бузанского, Николая Замешенного, Виктора, Семена и Василия Федоровых. Большая часть содержится под арестом в порядке охраны. Необходимо для избежания беспорядков выслать прямо из тюрьмы. Почему прошу телеграфировать утверждение не позже 18 декабря, иначе предельный срок ареста истечет, номер 985"[336].

Этот документ явствует, что социал-демократическая организация Туркестана, под непосредственным руководством М. В. Морозова и других русских революционеров, становилась величайшей силой в борьбе против царизма, всесторонняя деятельность которой особенно развернулась в период первой народной революции эпохи империализма в России.

Как известно, царское самодержавие при проведении своей внешней и внутренней политики, главным образом, опиралось на свою армию, которая являлась его самой прочной и последней опорой.

„Но соединения пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне было достаточно,—писал В. И. Ленин,—чтобы поколебать самую „прочную" и последнюю опору царизма. . . армию"[337].

Революционное брожение наблюдалось не только в среде крестьянства, рабочих и служащих, оно постепенно охватывало и армию царизма.

Продолжительные военные действия против Бухарского ханства в 1867—1868 г, походы царской армии против Шахрисябза и других районов заметно послужили причиной ухудшения положения царской армии, особенно ее рядового состава. Поэтому, в 1868—1869 гг. бывали случаи, что солдаты стали дезертировать, уклоняться от военной службы. Так, например, 25 февраля 1869 г. из Самарканда незаметно со своим вооружением и конями убежали два человека—один солдат и один казак в Шахрисябз[338]. В письме

[333] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 1968, л. 42.
[334] С. А. Акрамов. Указанная работа. стр. 48, 56.
[335] ЦГА УзССР. ф. 18, оп. 1, д. 1968, лл. 28—29.
[336] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 4, д. 32, л. 4.
[337] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 316.
[338] ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 9, л. 1.

от 5 марта 1869 года начальника Зеравшанского округа генерал-майора Абрамова Китабскому беку Джурабию, которое должен был отправить полковник Серов писалось следующее:

„Прилагаемое письмо беку Китаба Джурабию прошу отправить немедленно... Посланному приказать вернуться с ответом Джурабия. Письмо это заключает в себе требование мне о высылке бежавших солдат... передать беку, что требование мое настоятельно и что беки сделают для себя хорошо, если немедленно вышлют этих беглецов. Дайте внушение, чтобы солдаты были отправлены безоружными, с большим конвоем и непременно связанными"[339].

Эти неоспоримые факты свидетельствуют о том, что внутри армии царизма дисциплина была слабая, основная солдатская масса и многие рядовые казаки были недовольны своим положением.

В последующие годы внутри армии усиливалось революционное брожение. Так, отдельные офицеры Туркестанского военного округа пытались организовать вечера, посвященные памяти первых русских дворянских революционеров-декабристов.

Так, 14 декабря 1875 года во второй Туркестанской артиллерийской бригаде Туркестанского военного округа несмотря на категорическое запрещение, ряд офицеров в память о декабристах оделись в парадную форму. Капитаны Проценко и Петров сумели организовать вечер, посвященный памяти декабристов, где в праздничной форме явились не только Проценко, Петров и его приближенные, но и многие молодые офицеры 2-й Туркестанской артиллерийской бригады[340].

Царизм, конечно, не прощал такие поступки. Поэтому после этого события из Ташкента немедленно были высланы в другие губернии под предлогом перевода и обучения на курсах офицеры Проценко, Петров и многие другие[341].

Эти факты свидетельствуют, что хотя декабристы были страшно далеки от народа, но все же „... их дело не пропало"[342].

Декабристы содействовали движению нашей родины вперед, их революционные лозунги были жгучи не только в центральных районах России, но и на окраинах, в далеком Туркестане.

В своей работе „Роль сословий и классов в освободительном движении" Ленин писал, что „... лучшие люди из дворян помогли разбудить народ"[343].

Недовольство, возмущение и беспорядки внутри армии были не единичными явлениями. Как сказано в секретном письме начальника штаба военного округа Туркестана от 29 апреля 1881 года за № 26 на имя Абрамова, через почтовую контору Петербурга, военный министр получил печатную прокламацию следующего содержания:

„Председатель военного кружка доводит до сведения Вашего сиятельства, что он открывает свои действия для понуждения Вас и Правительства прекратить бессовестную злепкооптацию офицеров, которым выдают недостаточное содержание... Забыли, что хлеб и просо дороги, мы бедствуем, а Вы прикрываетесь нашим именем и уже 8 лет не увеличиваете содержание. Мы обратились по причине голода, не возмущайте нас далее, пока мы спокойны"[344].

Далее, из этого письма выясняется, что прокламация вышеуказанного содержания посылалась внутри бандерольных отправлений и разным офицерам, что очень встревожило царское правительство. Поэтому военное министерство немедленно через свои различные каналы на местах негласным путем приступило к выяснению степени и наличия распространения вышеуказанного воззвания среди офицерского и всего воинского состава как Туркестана, так и Самаркандской области.

Эти факты бесспорно показывают, что внутри царской армии существовала подпольная оппозиционная сила, которая пропагандировала оппозиционные и революционные идеи в военной среде.

Многочисленные факты свидетельствуют также об ухудшении дисциплины в армии, находящейся в крае, в том числе в Самарканде. Так, в ночь с 25 по 26 декабря 1893 года неизвестные лица напали на дом при винокуреном заводе Дульница в кишлаке Баулилана Ходжа-Ахрарской волости Самаркандского уезда, где жил доверенный Дульница Николай Серов, но во время нападения он был в отсутствии, причем сломали два шкафа, сундук, взяли 343 руб. 50 коп. и много других вещей и затем скрылись. Произведенным Ходжа-Ахрарским волостным управителем дознанием на месте происшествия было выяснено, что во время нападения в квартире Серова находился служащий завода Саиб Джурабаев, который около 10 часов вечера на стук, думая, что из г. Самарканда возвратился Серов, открыл дверь и увидел стоящих около двери человек до

---

339 ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 9, л. 1.

340 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 33, л. 6.

341 Там же, л. 8.

342 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

343 Там же, т. 23, стр. 397—398.

344 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 33, лл. 23—24.

десяти в больших барашковых шапках. Джурабаев никого из злоумышленников узнать не мог, но по папахам и одежде признал всех за казаков 2-го Уральского казачьего полка. На месте происшествия были обнаружены явные следы каблуков сапог с подковами, ведущие через задние ворота по пахотным полям прямо к местопребыванию казачьего полка[345].

Этот случай царскими властями хотя расценивался как разбойное нападение, на деле он означал, что дисциплина внутри царской армии постепенно расшатывалась, усиливалось брожение солдат и казаков.

Развитие капиталистических отношений в Туркестане, возникновение и рост рабочего движения в Узбекистане, в том числе и в Самаркандской области непосредственно связано с вопросом развития капиталистических отношений и формированием пролетариата. Пролетарские массы из числа коренных национальностей под непосредственным руководством и братской бескорыстной поддержке русского пролетариата научились вести экономическую, политическую борьбу против своего общего классового врага—царизма и всех эксплуататоров.

Но в целом, при слабом развитии промышленности в Туркестане, в том числе и в Самаркандской области, не могли образоваться значительные кадры пролетариата. Фабрично-заводская промышленность дореволюционного Туркестана (кроме добывающей и железнодорожного транспорта) охватывала 702 предприятия с 20925 рабочими, из которых около 16000 приходилось на коренное население[346]. Русские рабочие преимущественно (до 70—79%) были рабочими при двигателях, по ремонту и выполняли прочие работы, которые требовали более высокую квалификацию.

По Самаркандской области в 1913 году из 2814 рабочих, мужчин было 2455 человек, т. е. 87,2%, женщин 230 человек (8,2%), подростков 129 человек (4,6%). Из всех рабочих в Самаркандской области местных было 2150 человек, русских 427 чел. и других народностей 68 человек[347].

Если взять по категориям из 1002 рабочих хлопкоочистительных заводов 919 являлись рабочими из коренных народов.

Очень распространен был женский и детский труд, например, из 123 русских женщин 15 работали в шерстомойках, а 100 человек, как чернорабочие работали на пивоваренном заводе Медведчиковых. Из 107 коренных женщин 77 работали на винодельных заводах и 30 человек—в клееваренном заведении.

Трудом подростков в Самаркандской области пользовались больше, чем в европейской России. Из 129 подростков, 84 работали на пивоваренном заводе и типографиях, 19—на известковом заводе, а остальные 26 детей были заняты в других отраслях промышленности.

Нужно отметить, что работа, за исключением электростанций, шерстомойки и чайфабрики где продолжалась круглый год, во всех других заведениях фабрично-заводской промышленности области носила сезонный характер. Так, кишечноочистительные работало в год 320 дней, спиртоводочные—280 дней, мыловаренные - 117 дней, хлопкоочистительные до 102 дней, кожевенные—261 день[348]. Остальное время года постоянные рабочие использовались по усмотрению капиталиста: либо он расчитывал полностью рабочего, либо привлекал на разные работы—по уходу за садом, обработке земли и т. п.

Продолжительность рабочего дня была на большинстве предприятий 10—12 часов, но и доходила иногда до 16 часов и выше. Заработная плата была низка и составляла в среднем около 180 рублей в год сравнительно с 288 руб. в среднем по России[349]. Тяжелое социально-экономическое положение рабочих, особенно сегрегация[350], проводимая эксплуататорскими классами коренного населения и его хищническая эксплуатация как со стороны местной буржуазии, так и со стороны русских промышленников и царских чиновников—„господ ташкентцев", послужило причиной относительной отсталости культурного уровня местных рабочих.

Жизненные и санитарные условия рабочих фабрично-заводских предприятий Самаркандской области также были весьма тяжелыми Из 1002 рабочих хлопкоочистительных заводов, сконцентрированных в Самарканде и Катта-Кургане, в казармах при заводах жили 331 человек, т. е. 33,3% всех рабочих[351]. Для рабочих полностью отсутствовали медпункты и больницы.

---

345 ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 182, л. 423.

346 А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959, стр. 158.

347 В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. СПБ, 1915, стр. 151.

348 В. В. Заорская и К. А. Александер. Указанная работа, стр. 152—154.

349 П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, М., 1952, стр. 550.

350 Сегрегация—отделение, рассовая дискриминация, которая на современном этапе очень широко распространена в США и других капиталистических странах.

351 В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. СПб, 1915, стр. 74.

Один из ревизирующих царских чиновников, который проверял состояние техники безопасности, жилищно-санитарные условия рабочих, в своем отчете о народном здравии писал:

„... Разбросанные среди туземных городов и кишлаков кожевенные и мыловаренные заводы приносят немалый вред здоровью окрестных жителей, загрязняя воду и почву отбросами и не удовлетворяют самым элементарным гигиеническим требованиям, что большинство означенных помещений представляют собой полуразвалившиеся сакли с закопченными стенами и потолками, без вентиляции и что воздух в них крайне удушливый, а кроме того к ним не имеется помещений для рабочих"[352].

На предприятиях, в результате отсутствия надлежащей техники безопасности, бывали нередко несчастные случаи. Так, например, 8 декабря 1893 года на хлопкоочистительном заводе Амина Абрамова, находящегося в Сиабской волости города Самарканда, был тяжело ранен рабочий Пулаг Абдуалиев, который в тяжелом состоянии был доставлен в больницу[353]. Хотя дальнейшая судьба рабочего Пулата Абдуалиева нам неизвестна, но все же другие факты также четко показывают, что несчастные случаи, увечья являлись частым явлением на предприятиях области.

Таким образом, ухудшение положения трудящихся масс в 90-х годах и в начале XX века было „...одним из главных условий, порождающих рабочее движение и социализм в России"[354].

Все это толкало рабочих на активную борьбу против своих хозяев. Большое влияние на возникновение и развитие первых революционных выступлении трудящихся Самаркандской области оказал также рост рабочего революционного движения в метрополии.

Уже в 80-е годы XIX века история рабочего движения в Туркестане, в том числе и в Самарканде, имеет некоторые примеры возникновения стихийной экономической борьбы рабочих против предпринимателей. Так, одно из таких выступлений состоялось в 1885 году в Пенджикентском участке Зеравшанского округа, в горных предприятиях отставного полковника Залесского[355].

На копях Залесского работало до 80 наемных рабочих, большинство которых являлись пришельцами из других районов края, крайне нуждались в деньгах, особенно в жилищах.

[352] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 594, л. 5.
[353] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 182, л. 419.
[354] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 219.
[355] ЦГВИА СССР, ф. 400, д. 118, лл. 1–2.

В шахтах рабочие работали по 10—12 часов беспрерывно. Против рабочих часто применялось физическое насилие и администрация копей заставляла рабочих работать сверх установленной нормы столько, сколько вздумалось из них выжимать последние соки. Надмотрщики на рабочих смотрели, как на рабочий скот. Все это переполнило чашу терпения рабочих. Поводом к выступлению рабочих послужило то, что 16 сентября один из надсмотрщиков без причины ударил рабочего. Тогда все рабочие дружно бросились на защиту своего товарища и избили надсмотрщика. Администрация копей 17 сентября направила в шахту руководителя работ Козловского для усмирения бунтовщиков. Когда появился Козловский в шахте и пригрозил рабочим расправиться с ними, рабочие в ответ на это требовали от него улучшения их условий труда, повышения зарплаты. Козловский отказался выполнить эти требования и вместе с тем напал на одного рабочего и стал избивать его. В ответ на это один из рабочих бросился на Козловского с кайлом, но был ранен выстрелом из пистолета. После этого Козловский пытался избежать наказания и старался спрятаться. Но рабочие нашли его и других надсмотрщиков и избили их до потери сознания. Кроме того, рабочие, уничтожив и и разбросав инструменты, разгромили продовольственную лавку, захватили Козловского и других надсмотрщиков и направились „жаловаться" в Пенджикент. Однако здесь трое рабочих были арестованы, часть рабочих была уволена и все осталось по-прежнему[356]. Кроме того, после произведенного расследования, 42 рабочих были преданы суду[357].

В 1893 году произошла стычка рабочих лесной дачи в Аман-Кутане (в 42 км от города Самарканда) с надсмотрщиками. В начале 1893 года для посадки, ухаживания и исполнения разных работ в лесной даче Аман-Кутана были приняты ряд рабочих, среди которых Усман Мирзабаев имел большой авторитет и „сильное влияние на всю партию рабочих"[358]. Он агитировал рабочих не подчиняться требованиям надсмотрщика, предъявлять ему свои требования. Когда надсмотрщик пытался удалить Мирзабаева с работы, он обратился к окружающим рабочим. Все рабочие дружно поддержали Усмана Мирзабаева и заявили администрации лесной дачи, что в случае увольнения рабочего Мирзабаева совместно с ним уйдут и все рабочие.

Однако рабочие не смогли добиться своего, царская

[356] История УзССР, т. I, кн. II. Ташкент, 1956, стр. 123—124.
[357] ЦГВИА СССР, ф. 400, д. 116, лл. 1—2.
[358] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 149, л. 18.

администрация сумела изолироваать Мирзабаева и выслать его моментально за пределы Самаркандской области.

Первые шаги рабочего движения наблюдались и на железных дорогах Средней Азии.

Железные дороги строились в исключительно тяжелых условиях. Условия труда и жизнь солдат железнодорожных батальонов были весьма трудными. Им приходилось терпеть всякую нужду и притеснение. Недостаточность пищи, несвоевременность выплаты заработной платы, штрафы, доходившие да $^1/_3$ заработка и т. д. все это делало их жизнь особенно тяжелой[359].

В рассматриваемый период местное население принимало значительное участие в строительстве железной дороги, особенно линий от Самарканда до Андижана с веткой до Ташкента.

Еще более тяжелыми были условия труда и жизнь вольнонаемных, разнорабочих, большинство которых были представителями коренных национальностей. Царские власти и компании строящихся железных дорог умышленно применяли политику неравномерной оплаты заработной платы. Для рабочих разных национальностей устанавливались разные цены за одну и ту же работу. Например, месячная заработная плата русского достигала от 25 до 30 рублей, персианина от 17 до 23 руб., а у коренного жителя не превыпревышала от 12 до 14 рублей.

Местные рабочие ежедневно работали 12—14 часов без выходных дней. Кроме всего прочего, администрация под разными предлогами ежемесячно высчитывала с них штрафы по 4 рубля[360].

„Назначение штрафов,—указывал В. И. Ленин,—не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину, т. е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы"[361].

Среди рабочих свирепствовали различные эпидемические болезни и смертность была очень высокая.

Кроме того, над железнодорожными рабочими был установлен особый жандармский надзор не только по месту их работы, но и по месту их жительства. До 1897 года строгое наблюдение за поведением железнодорожных рабочих в Самаркандском, Джизакском и Ходжентском уездах возлагалось на местных волостных управителей и сельские власти. Местным рабочим было вменено в обязанность

[359] З. К. Ахмеджанова. Из истории строительства Среднеазиатской, Ферганской и Бухарской железных дорог (1880—1917). ТашГПИ, Ученые записки, История, вып. II, т. XXXIII. Ташкент, 1962, стр. 25.

[360] З. К. Ахмеджанова. Указанная работа, стр. 26.

[361] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 20.

местожительство вблизи строящихся железных дорог. Однако на деле, не все рабочие имели возможность устроиться на местожительство в селениях вблизи железнодорожных линий, что также приводило к беспорядкам. В своей докладной от 22 июля 1897 года генерал-губернатор Самаркандской области констатировал перед Туркестанскими властями о том, что из-за „узости Самарканд-Андижанской линии железной дороги большая часть рабочих русских, армян и персов проживают в близлежащих к линии селениях...

Местные волостные управители и сельские власти бессильны наблюдать порядок..."[362]

Далее, Самаркандский генерал-губернатор ходатайствовал о распространении строгого надзора жандармской полиции и „на рабочих железной дороги, имеющих проживание вне линии дороги"[363].

Если проследить зарождение и развитие рабочего движения на строительстве первых железных дорог Закаспийской и Самарканд-Андижанской с веткой на Ташкент, то надо отметить, что если в 80-х годах наблюдался массовый уход с работы, то уже в 90-х годах имели место уже открытые выступления рабочих[364].

В июне 1898 года на железнодорожной станции Самарканд вспыхнуло забастовочное движение железнодорожников. Активными организаторами забастовочных движений рабочих явились Осип Каспарович, Мартин Лаптовский и Эмма Шавиль. Забастовщики 2 июня 1898 года собрались на митинг и требовали от администрации железной дороги повышения заработной платы и улучшения их условий труда. Администрация отказалась выполнить их требования, тогда рабочие окружили контору и стали избивать представителя администрации Красновского. Для подавления забастовки рабочих был вызван полицейский отряд. Прибывший на место происшествия пристав города Самарканда немедленно приказал своему отряду арестовать Каспаровича, Лаптовского и Шавиль и разогнать толпу забастовщиков силой оружия. Царская администрация подавила забастовку, а руководителей выслала на каторгу[365].

В 1899 году намечалось завершение Самарканд-Андижанской железной дороги. Однако, хотя работа находилась в конце завершения, администрация по строительству дороги под различными предлогами подряд несколько месяцев не стала абсолютно выдавать заработную плату рабочим.

[362] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 280, л. 1.

[363] Там же, ф. 18, оп. 1, д. 753, л. 1 и 2.

[364] Там же.

[365] Там же.

В одном из своих прошений (от 3 апреля 1899) подрядчик по укладке и балластировке пути Самарканд-Андижанской железной дороги Красновский писал, что с „...окончанием мною работ на Самарканд-Андижанской жел. дороге предстоит расчет до 700 человек рабочих и служащих, для чего вследствие понесенных мною громадных убытков по подряду и прекращению мне платежей за работы Управлением по постройке дороги, вследствие возросшего казенного долга, я лишен средств и возможности удовлетворить рабочих и, кроме того, опасаясь могущих возникнуть по этому поводу беспорядков со стороны оставшихся без хлеба и неудовлетворенных расчетов рабочих и служащих, я имею честь покорнейше просить вашего высокопревосходительства поддержать меня перед его сиятельством господином министром путей сообщения вашим ходатайством телеграммою о настоятельной необходимости скорейшего решения вопроса, по расчетам управления, по постройке дороги со мною, дабы удовлетворением моих рабочих и служащих предупредить всякую возможность могущих возникнуть по этому поводу беспорядков"[366].

Чаша терпения рабочих переполнилась. В апреле 1899 года часть рабочих и служащих Самарканд-Андижанской дороги в ответ на произвол администрации подняла забастовку и отказалась продолжать работу. Против забастовщиков была предпринята военная сила, которая оружием старалась сломить их сопротивление. Но это не испугало рабочих, они продолжали держаться и добились частичного удовлетворения своего требования. Администрация вынужденным образом стала оплачивать заработанные деньги рабочим[367].

Иногда трудящиеся массы, выражая свою ненависть против угнетателей, организовывали крушение поездов и думали таким путем нанести некоторый ущерб царизму.

Так, например, в июле 1903 года в 64 верстах близ станции Ходжент была организована попытка крушения поезда. Для расследования этого факта самаркандские власти немедленно на место происшествия командировали коллежского советника Вирского, который рапортом от 1 августа за №245 доносил,[368] что 27 июля этого года в 6 часов вечера путевой сторож персианин Нишади Камбар Хасанов, обходя свой участок железнодорожного пути, перед проходом почтового поезда из Андижана, на 63-й версте от станции

[366] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 380, лл. 1—3.

[367] З. К. Ахмеджанова. Первые шаги рабочего движения в Средней Азии. Ученые записки ТашГПИ, выпуск VI, исторический. Ташкент, 1957.

[368] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 758, лл. 6—7.

Ходжента к станции Черняево в Гулякандозской волости Ходжентского уезда заметил положенные поперек рельсов 8 шпал и снял их, о чем после прохода поезда заявил старшему рабочему Калугину[369].

В тот же день, обходя путь перед проходом товарного поезда №58 из Черняево, стрелочник Хасанов и ремонтный рабочий Исмаил Алискеров в 11 часов вечера заметили на 64-й версте, в Унджентской волости 15 шпал поперек рельсов и увидели 3-х неизвестных людей, бежавших в сторону от полотна дороги. При попытке поймать злоумышленников, ремонтный рабочий Исмаил Алискеров был расстрелян из револьвера.

Опираясь на факты расследования, генерал-губернатор Самаркандской области в своем донесении канцелярии генерал-губернатора Туркестана от 7 августа 1903 года писал; „Путевой сторож Нишади Камбар Хасанов состоит в этой должности уже 5 лет и за это время он ни с кем из служащих и уволенных рабочих ссоры не имел, поэтому как он, так и остальные рабочие полагают, что покушение произвести крушение поездов было сделано не из чувства мщения кому-либо из служащих на пути"[370].

Царские власти для выяснения этого дела подняли местные власти и жандармерию на ноги. Жандармский унтерофицер на станции Драгомирово Чумаченко, получив от начальника станции Ходжент депешу о покушении на 64-й версте, немедленно выехал с водяным поездом на 64-ю версту и около 2-х часов ночи на 28-е июля произвел осмотр места, где положены были шпалы на рельсы, однако никаких следов „злоумышленников" не смог обнаружить. Причина безуспешного поиска „злоумышленников", на наш взгляд, объясняется прежде всего тем, что население не желало выдавать смельчаков, которые поднялись на борьбу против угнетателей.

Царское самодержавие в течение многих лет держало население Самаркандской области в положении усиленной охраны. В связи с усилением национально-освободительного движения в 90-х годах, царская верховная власть в Туркестане 30 мая 1898 года издала специальный приказ, в котором указывалось:

1. Дела о лицах, обвиняемых: а) в бунте и заговоре против верховной власти и в государственной измене; б) в вооруженном сопротивлении властям; в) в нападении на войска, часовых, караул, на чинов полиции и вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы; г) в

[369] Там же, л. 6.

[370] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 4, д. 758, л. 7.

убийстве; д) в разбое; е) в грабеже; ж) в умышленном повреждении железной дороги и подвижного состава и з) в умышленном повреждении телеграфов—представлялись генерал-губернатору для предания виновных суду и осуждения их по законам военного времени. 2. Охрана железнодорожного пути и телеграфных линий в населенных местностях, вне городских поселений, возлагалась в обязанность и ответственность волостей, по которым эти пути и линии проходили. 3. Всякого рода слухи о заговорах, нападениях коренного населения, злоумышленном повреждении ими железнодорожных путей и о появлении „шаек", не разглашая, должно быть немедленно сообщено местной полицейской власти. 4. Хозяева гостиниц, домов и квартир в течение первых же суток должны сообщать местной полицейской власти о посторонних лицах, появляющихся во вверенных им гостиницах, домах и квартирах. 5. Воспрещалось всякое сборище коренного населения без разрешения полиции (кроме установленных молитвенных собраний) не только в публичных местах, но и в частных домах, причем наблюдение за исполнением этого пункта вменялось в чрезвычайно особую обязанность городской и сельской полиции. 6. Коренные жители без разрешения городского или сельского полицмейстера не имели права самовольно отлучаться. При отлучке они обязаны были иметь при себе удостоверение личности, выданное городской или сельской полицией[371].

В связи с усилением борьбы русского пролетариата в метрополии и национально-освободительного движения в колониях России, царизм стал предпринимать более жестокие, крайне реакционные, репрессивные меры борьбы против трудящихся масс. Так, циркуляром от 12 марта 1901 года Министерство Внутренних дел установило порядок применения жестоких вооруженных мер пресечения против всяких выступлений, „против уличных беспорядков народных масс в империи"[372].

Туркестанские власти дополнительно к данному циркуляру дали специальное распоряжение широко применять против уличных беспорядков полицейские силы и вместе с тем немедленно с уведомлением военных губернаторов, привлекать для подавления забастовок, демонстраций и других выступлений трудящихся против царского самодержавия войсковые части, согласно утвержденного правила о порядке вызова войск[373].

[371] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 753, лл. 11—12.
[372] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 558, л. 1 обр.
[373] Там же, оп. 4, д. 558, л. 2.

Царское самодержавие, конечно, понимало, что методы репрессии, угроз, запугивания, широкое применение вооруженных сил против народных масс не могут остановить вращающееся колесо истории. Поэтому оно старалось применять различные пути уговора, обмана, устанавливая некоторые правила и порядки, где намечались меры по вопросам техники безопасности. Так, например, в газете „Московские Губернские ведомости" за № 6 от 3 марта 1899 г. была опубликована мера предосторожности против пожаров на фабриках и заводах[374].

Таким образом, до первой русской революции эпохи империализма борьба народных масс Самаркандской области была стихийной, неорганизованной, носила характер отдельных вспышек, которые далеко не были массовыми. „Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли"[375].

Все это движение народных масс Самаркандской области не имело четкой политической программы, ясно осознанной конечной цели, но, несмотря на это, классовая борьба все же пробивала себе дорогу. Вместе с тем раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация привязывала трудящиеся массы к месту, разобщала их, не давала им возможности уразуметь свою классовую солидарность, не давала им возможности объединиться, понять, что „... причина угнетения—не та или другая личность,—а вся хозяйственная система"[376].

Несмотря на то, что „...местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели..."[377], народные массы края, в том числе и Самарканда, особенно в конце XIX и начале XX века под воздействием мощной революционной волны русского пролетариата, при его непосредственной, братской, интернациональной помощи и поддержке пришли в решительное движение.

Эта борьба разворачивалась под влиянием и на фоне общего подъема революционного движения всей России и вливалась в общий единый революционный поток против царизма, помещиков и буржуазии.

В конце XIX века в России развернулось массовое революционное движение русского пролетариата. К. Маркс

[374] Там же, оп. 5, д. 917, л. 8.
[375] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.
[376] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 311.
[377] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, изд. 2, стр. 435

указывал, что „Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе"[378].

В 1877 году К. Маркс в письме к Фридриху Адольфу Зорге писал: „Этот кризис—*новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия... давно уже стоит на пороге переворота... И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!... Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции"[379].

Таким образом, классики марксизма-ленинизма совершенно ясно предвидели всемирно-историческую миссию и роль великого русского народа, огромную революционную возможность его передового авангарда—русского пролетариата. Следовательно, в результате присоединения Средней Азии и ее неотъемлемой части Самарканда к России, трудящиеся массы оказались в составе государства, которое являлось родиной ленинизма, где созревали великие революционные бури.

[378] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, М., 1953, стр. 3.

[379] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34. М., 1964, стр. 229—230.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Город Самарканд и Самаркандская область, как один из древнейших областей Узбекистана, сыграли большую роль в истории узбекского народа.

Центр плодороднейшей Зеравшанской долины—город Самарканд—являлся второй столицей бухарских эмиров. Благодаря своей огромной территории, которая отличалась густонаселенностью и исключительным богатством—Самаркандское бекство постоянно приносило эмирской казне и бекам большие доходы, собираемые насильно у трудящихся масс. Бесконечные феодальные войны, междоусобные интриги, которые участились особенно с 20-х годов XIX столетия, вплоть до присоединения Самарканда к России, ложились тяжелым бременем на плечи трудового народа. В 60-х годах XIX века в Бухарском ханстве, в том числе и в Самаркандском бекстве, были факты работорговли. Рабский труд применялся преимущественно в домашнем хозяйстве, а также частично и в сфере материального производства. Поэтому народные массы вынуждены были неоднократно подниматься на борьбу против своих угнетателей.

Анализ приведенных в работе материалов дает возможность сделать вывод о том, что процесс разложения натурально-патриархальных хозяйств в деревнях Зеравшанской долины имел место еще до присоединения Самарканда к России. Так, например, к моменту присоединения, в отдельных районах, знаменитой долины Миankаль более одной четвертой части крестьянских хозяйств являлись безземельными.

Основная часть средств производства—плодороднейшие земли бекства принадлежали эмиру, феодалам, беку и духовенству. К моменту присоединения Самарканда к России средний размер землевладения у дехкан составлял 2—2,5 танапа. У большинства дехканских хозяйств преобладали мелкие земельные участки—1, 1,5—2 танапа[1].

Из всех орошаемых земель в Зеравшанской долине площадь земельных угодий вакуфов ревнялась примерно 25%,

[1] А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959, стр. 35.

а амляковая форма земельной собственности около 65% всей земельной площади Самаркандского бекства. Положение трудового крестьянства в Зеравшанской долине в XIX веке было гораздо тяжелее, чем это указывается в некоторых работах отдельных советских историков[2]. Ежегодно размеры и виды налогов беспрерывно увеличивались и в середине XIX века только доля хараджа достигала до 40% урожая.

В момент присоединения Самарканда к России в Бухарском ханстве, в том числе и на территории Самаркандского бекства, существовали до 55 различных видов налогов, собираемых у трудящихся масс в пользу господствующих классов. По крылатому выражению великого таджикского и узбекского советского писателя С. Айни, в Бухарском ханстве только воздух не облагался налогом. Итак, в период господства феодальных отношений через получение феодальной ренты присваивалась прибавочная продукция, производимая потом и кровью дехканских масс. В амляковых землях бекства феодальная земельная рента выражалась в форме налогов, взимаемых от дехкан-арендаторов, которая присваивалась эмиром, беками и прочей государственной челядью феодально-чиновничьего аппарата Бухарского ханства.

„Если не частные земельные собственники, — писал К. Маркс,—а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты"[3].

Самаркандское бекство явилось главным районом по производству сельскохозяйственной продукции Бухарского ханства. Его население производило хлопок, шелк, шерсть, сухофрукты, каракуль и другие важные сельскохозяйственные продукты, которые в основном шли на экспорт из Бухарского ханства в другие страны, особенно в Россию.

В сфере жизни населения серьезное место принадлежало ремесленному производству. Особенно в этом деле отличились города Самарканд, Каттакурган, Ходжент, Ура-Тюбе и другие, где сосредотачивались различные отрасли ремесленного производства: ткачество, гончарное, столярное, ювелирное ремесло.

---

[2] В. С. Абдуллаев. Завоевание Бухарского ханства царской Россией. Фонд библиотеки СамГУ. Самарканд, 1946.; а также М. Я. Абдурахимова. Указанная работа.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, М., 1962, стр. 354.

В рассматриваемый период в среде городского населения также наблюдается процесс классового расслоения, что особенно более четко вырисовывается накануне присоединения Самарканда к России.

Выделение районов земледелия, скотоводства и отчасти ремесла приводило к образованию торговых центров как в городах, так и в кишлаках Самаркандского бекства. На главных базарах Самарканда устанавливались цены на товары и курс денег не только для Самаркандского бекства, но и для других районов Бухарского ханства. В Самаркандском бекстве спрос на российские товары был высокий. Поэтому в городах, особенно в Самарканде, Ходженте и Катта-Кургане были специальные торговые лавки для продажи русских товаров.

Хотя торговые связи внутри бекства расширялись и развивались, все же они большей частью находились в рамках патриархально-натурального феодального хозяйства и не могли получить своего дальнейшего развития в силу господства феодально-производственных отношений.

В рассматриваемый период в Самаркандском бекстве, как и в других районах ханства имело влияние родоплеменное разделение населения. Одно только население узбеков разделялось до 92 колен и родов, что также являлось серьезной помехой в отделении земледелия от ремесла, тормозило разрушение патриархально-натурального хозяйства, препятствовало проникновению новых элементов производственных отношений в недра феодального строя. Однако, новые производственные отношения в общественно-экономическом укладе населения Самаркандского бекства все же пробивали себе дорогу, которые характеризуются возникновением и развитием товарно-денежных отношений.

В этот период натуральные повинности дехкан начинают заменяться денежными. Усиление разложения феодализма являлось могильщиком основ феодализма и тем самым подготавливало почву для дальнейшего зарождения и развития капиталистических отношений.

Таким образом, хотя возникали и развивались буржуазные отношения, все же в укладе жизни населения Самаркандского бекства господствовали феодальные отношения, сильна была роль родоплеменной обособленности.

Постоянное унижение трудящихся масс и тяжкое рабство были типичными явлениями в бекстве до его присоединения к России. Поэтому последствия присоединения Самарканда к России были актом высокой степени прогрессивности, которая открыла новую страницу в истории трудящихся масс Самаркандской области, послужила основой

причиной дальнейшего развития ее экономики, материальной и духовной культуры.

Прекращение междоусобных интриг и военных действий между Бухарой и Россией, а также отмена рабства, которая была необходимым актом, но отнюдь не результатом снисходительности царизма к коренному народу, и существенной мерой, оправдывающей колонизаторскую политику самодержавия в Средней Азии перед европейскими странами,—явилось одной из предпосылок для дальнейшего развития Зеравшанской долины.

Присоединение Самарканда к России с первых же дней поставило перед царизмом вопрос о его дальнейшей судьбе. Так возникла новая проблема—„среднеазиатский вопрос", явившийся важным звеном в цепи проблем восточного вопроса[4]. По вопросу о дальнейшей судьбе города Самарканда и всей Зеравшанской долины между различными правительственными учреждениями, военными и государственными деятелями царской России шла оживленная переписка, которая продолжалась официально до 1873 года.

Таким образом, окончательное присоединение Самарканда к России, по мнению военных кругов царской власти, должно было послужить главной мерой, которая могла бы своевременно подготовить почву для правильного и радикального разрешения среднеазиатского вопроса[5]. Верховные власти в Туркестане очень хорошо понимали важное политическое, военно-стратегическое и экономическое значение Самарканда и Зеравшанской долины, которое являлось ключом к разрешению среднеазиатского вопроса. Кроме того, они подчеркивали, что только при условии окончательного оставления Самарканда в составе Российской империи можно разрешить англо-русское соперничество в Средней Азии в пользу России. Однако, окончательное присоединение Самарканда к России в 1873 году не разрешило, а, наоборот, еще больше обострило англо-русское соперничество.

Важную роль и место Самарканда в разрешении азиатского вопроса, а также в системе англо-русского соперничества в Средней Азии, можно проследить на таких фактах, что английское правительство 3 июня 1868 года потребовало от царского правительства путем дипломатического сношения разъяснения причины увеличения контингента русских войск в Туркестане, которые своим стремительным движением якобы приближаются к границам Индии[6]. Дальше, уже в начале 1869 года английское правительство через министра иностранных дел Англии лорда Кларендона предложило русскому послу в Лондоне Брунову создать „нейтральный пояс", который должен проходить сначала по верхнему течению Аму-Дарьи, а потом, приблизительно в меридиане города Бухары, должен принять западное направление и теряться в Туркестанских степях[7].

[4] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 20, л. 7.
[5] Там же, ф. 715, оп. 1, д. 36, док. 100, л. 374.
[6] ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 106, лл. 19–20.

Выдвигая такое предположение, правительство Англии предполагало на деле под лозунгом „нейтрального среднеазиатского пояса" дальше этой черты не допускать дальнейшего проникновения царской России в Среднюю Азию. В ответ на такое предложение Англии царское правительство заявило (от 7 марта 1869 года), что нейтральным поясом может служить Афганистан и обещало не вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Англия этим не успокоилась, поэтому она продолжала через различные каналы активно вмешиваться во внутреннюю жизнь Средней Азии, в том числе и Зеравшанской долины. Так, например, в начале 1869 года в Бухаре, Карши и в Самарканде вел подрывную работу и собирал различные важные сведения английский шпион Бенемсон, который в мае 1869 года был пойман бухарцами в городе Карши, а затем этапно был направлен в город Ташкент и передан в распоряжение царских властей[8].

В последующие годы неоднократно вновь поднимается вопрос о возвращении Самарканда и всей территории Зеравшанского округа под власть бухарского эмира. Особенно этот вопрос снова ставится в 1877 году, в связи с обострением русско-турецких отношений. Царское правительство заявило, что при любой обстановке оно не намерено вновь возвратить территорию Зеравшанского округа Бухарскому ханству[9].

Активизация вопроса о судьбе Зеравшанского округа послужила причиной предложения начальника Зеравшанского округа генерала Иванова в августе 1877 года об учреждении в Самарканде Бухарского агентства для непосредственного сношения между Бухарой и царской Россией[10].

Хотя это предложение Иванова ворховными властями Туркестана было отвергнуто, все же сам факт выдвижения такого предложения со стороны представителей царской власти явно говорит, что Самарканд служил важным звеном в сложной системе русско-бухарских взаимоотношений после 1868 года.

[7] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 39, док. 40, лл. 151–154.
[8] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 39, док. 71, л. 255.
[9] ЦГВИА СССР, фонд ВУА, д. 6903, лл. 20–47.
[10] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 29, д. 205. лл. 4–6.

Так, с молчаливого согласия царя и его кабинета дальнейшая судьба Самарканда и всей Зеравшанской долины была разрешена и в 1868 году была образована отдельная административно-территориальная единица—особый Зеравшанский округ.

Для управления округом было составлено „Временное положение" и создана единая власть на всей его территории. Конечно, в условиях того времени эта власть была колониальной, военной властью, но она была шагом вперед по сравнению с той анархией, которая господствовала в Самарканде и во всей Зеравшанской долине до их присоединения к России.

Самаркандская область в результате присоединения активно включалась в политическую жизнь Российской империи. В 1887 году Зеравшанский округ был преобразован в Самаркандскую область.

В результате присоединения Самарканда к России, хотя царизм всячески тормозил его хозяйственное развитие, вопреки его воли и желаниям, здесь медленно развивались новые производственные отношения. Самаркандская область, как и другие районы края, постепенно была включена в сферу влияния народного хозяйства России и затем приобщена к мировому рынку. Этот процесс являлся шагом вперед по сравнению с отсталым, феодальным укладом, господствовавшим в Самаркандской области до ее присоединения к России. Характеризуя объективно-прогрессивную роль капитализма, В. И. Ленин в работе „Развитие капитализма в России" писал: „Признание прогрессивности этой роли (т. е. исторической роли капитализма в хозяйственном развитии России—Т. С.) вполне совместимо . . . с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически переходящий характер этого экономического режима"[11].

Далее, разъяснял В. И. Ленин,—„прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществления его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процессах в различных областях народного хозяйства"[12].

В результате присоединения Самарканда к России, капитализм здесь развивался как в области сельского хозяйства, так и в промышленности. Вместе с тем, на рост капиталистических товарноденежных отношений существенное влияния оказывала патриархально-феодальная система производственных отношений. Феодальная аристократия, а также формирующаяся местная буржуазия в целях сохранения своего классового господства стремилась держаться за старые методы и способы ведения хозяйства. Кроме того, они в лице консервативной политики царизма видели своего надежного защитника, были подчинены русскому и иностранному капиталу через различные торгово-финансовые операции. Таким образом, экономическая зависимость национальной буржуазии порождала естественно и ее политическую несостоятельность. Такая зависимость объяснялась тем, что „в колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может"[13].

В результате консервативной аграрной и колониально-шовинистической политики царизма, край, в том числе и Самаркандская область, были превращены в огромный рынок сбыта и источник сырья для растущей потребности русской буржуазии, помещиков и дворян. Также наблюдается быстрый рост специализации районов Самаркандской области по производству различных видов сельскохозяйственных культур. Развитие специализации означало, что она через все народное хозяйство Туркестана втягивается в систему внутреннего рынка Российской империи, затем в мировой экономический рынок. Так, в результате постепенной специализации по производству различных отраслей сельскохозяйственных культур, господствующее место стали занимать хлопководство, шелководство, виноградарство, овцеводство и зерноводство.

Быстрое развитие специализации районов является одной из основных причин повышения товарности продуктов земледелия. Таким образом, основная масса дехканских хозяйств постепенно, но неуклонно стала втягиваться в сферу влияния товарно-денежных отношений, что естественно ускоряло не только дифференциацию крестьянских хозяйств, но и привело в последующие годы к росту батрачества в сельском хозяйстве области. Так, например, если по данным первой всеобщей переписи населения России 1897 года в Самаркандской области из 147534 хозяйств области наемных работников или прислуги имели 17149 хоз-

[11] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 597.
[12] В. И. Ленин. Там же.
[13] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 36.
[14] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, под ред. Н. А. Тройницкого, вып. XXXIII, Самаркандская область. СПб, 1905, стр. 112—113.

яйств[14], то по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, только в земледельческих, оседлых хозяйствах Самаркандской области число наемных рабочих составляло 23027 человек[15]. По числу наемных рабочих Самаркандская область занимала первое место в числе трех оседлых областей Туркестанского края.

Существенные сдвиги произошли и в области ремесленного производства. Под давлением метрополии появлялись новые, ранее неизвестные отрасли ремесленного производства, но и вместе с тем, отдельные отрасли ремесла, не выдержав конкуренции, прекращали свое существование. Разорившиеся ремесленники являлись главным резервом пролетариата вновь развивающихся фабрично-заводских предприятий Самаркандской области.

После присоединения Самарканда к России, здесь начали развиваться отдельные отрасли промышленности. Особенно большое изменение в экономике Самаркандской области произошло после строительства Закаспийской железной дороги. До окончания линии Самарканд—Андижан веткой до Ташкента вплоть до 1898 года, в течение почти одного десятилетия, Самарканд являлся конечным пунктом этой дороги.

Как указывал В. И. Ленин, „Закаспийская дорога стала „открывать" для капитала Среднюю Азию"[16]. Естественно, Самарканд, как конечный путь этой железной дороги, сыграл значительную роль в деле освоения капиталом метрополии материальных и природных богатств среднеазиатских народов. Таким образом, железная дорога для Самаркандской области, также как и для других районов мира, явилась как бы „предвестником современной индустрии"[17].

Таким образом, в результате строительства Закаспийской железной дороги в Самаркандской области, как и в других районах Туркестана, стали развиваться различные отрасли промышленности по первичной обработке продуктов сельского хозяйства. Так, например, если до 1888 года на территории Самаркандской области заведения промышленного типа по производству вина, спирта и прочих продуктов были единичными, то уже в 1913 году насчитывалось более 117 промышленных предприятий. Если в 1890 году в Самаркандской области в 28 предприятиях работало всего лишь 373 рабочих и сумма производства их определялась в 604166 рублей, то уже в 1900 году в области было 87

[15] Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года и 1920 г. Выпуск I. Поволостные итоги по Самаркандской области, Ташкент, Изд-во ЦСУ Туркестанской республики, 1924, стр. 23.

[16] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 82.

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 365—366.

промышленных предприятий, где работало 1372 рабочих и сумма годового производства равнялась 6.090.506 рублям. Следовательно, за истекшее десятилетие число фабрик и заводов возросло почти на 268% и сумма производства возросла почти в 10 раз.

Итак, важнейшим результатом создания фабрично-заводских предприятий явилось начало формирования рабочего класса. Уже в 1914 году в 117 фабрично-заводских заведениях Самаркандской области насчитывалось 2814[18] рабочих, из которых 1421 человек падал на долю города Самарканда[19].

Всего, по сведениям В. Суворова, на железнодорожных линиях Средней Азии в 1914 году работали 30,7 тыс. человек, из них около 26% составляли рабочие из коренного населения[20]. На товарных станциях Самарканда, Коканда, Ашхабада, Ташкента и других городов было около 600 артелей, объединяющих в до 4,8 тысяч человек, из которых коренное население составляло 98%[21].

Прогрессивное влияние оказала передовая русская культура на жизнь и быт трудящихся Самаркандской области. С 1871 года начинается планомерная застройка европейской части города. Возникают школы русско-туземного типа, в 1874 году образуется областной исторический музей, в 1885 году открывается первая лечебная больница, а в 80-е годы в Самарканд впервые приезжают артистические труппы Васильева-Вятского и Н. Кручинской. В конце 1913 года в Самарканде создается первая местная труппа из 11 человек.

Прославленные русские ученые и путешественники внесли посильный вклад в изучение, обобщение истории, культуры прошлого и настоящего трудящихся Самаркандской области. Они заложили основу для глубокого исторического, географического, этнографического, почвенного и геологического изучения фауны и флоры Зеравшанской долины.

Передовая русская культура положительно способствовала формированию прогрессивно-настроенной местной национальной интеллигенции края, в том числе и Самаркандской области.

Трудящиеся массы края, в том числе и Самаркандской

[18] Здесь не включены данные о железнодорожных мастерских, депо железной дороги, а также о рабочих на линии железной дороги из Самаркандской области.

[19] Х. Турсунов. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Госиздат УзССР, Ташкент, 1962, стр. 54.

[20] В. Суворов. Историко-экономический очерк развития Туркестана. Госиздат УзССР, Ташкент, 1962, стр. 52.

[21] Там же, стр. 58.

области, увидели две России—Россию революционеров и Россию романовых, пуришкевичей и „господ ташкентцев". Они учились у революционной России вести борьбу против своих угнетателей.

История национально освободительного движения трудящихся Самаркандской области против царизма имеет богатейшие корни. Первым выступлением, направленным против завоевательской и колонизаторской политики царизма, явилось июньское движение 1868 года в Самарканде.

Искры народно освободительной борьбы трудящихся Самаркандской области против царизма неоднократно вспыхивали и в последующие годы. Эта борьба протекала в различных формах: крестьянские волнения, движение населения городов и, наконец, первые выступления рабочих фабрично-заводских предприятий Самарканда и других городов области. Но все эти движения народных масс не имели четкой политической программы, ясно осознанной конечной цели.

Вместе с тем, возникновение пролетариата в Туркестане, в том числе и в Самаркандской области, сыграло огромное историческое значение. Несмотря на свою малочисленность, пролетарские кадры Самаркандской области, будучи составной частью рабочего класса Туркестана и всей России, сыграли историческую роль в развитии революционного и национально-освободительного движения.

Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на юбилейном торжестве в Узбекистане, посвященном 40-летию Узбекской ССР, 20 ноября 1964 года справедливо подчеркнул, что „17 тысяч рабочих было в Узбекистане до революции. Это был небольшой, но крепко спаянный отряд, надежная опора коммунистов в боях за Советскую власть, за счастье народа.

Нерушимая братская дружба русских и узбеков исходит еще к тем дням, когда залпы Великого Октября от холодных волн Невы донеслись до горячих песков Туркестана и пробудили здесь революционное сознание масс. Узбекские пролетарии, батраки и крестьяне услышали слово Ленина. Они восприняли его как призыв к действию и вместе со своими русскими братьями вступили на путь борьбы за свободу, за социализм"[22].

Малочисленные кадры пролетариата в лице большого количества наемных рабочих, чайрикеров, шерикеров Самаркандской области, как и во всем крае, видели своих верных союзников в борьбе против колониально-национального

[22] Л. И. Брежнев. Речь на юбилейном торжестве в Узбекистане, посвященном 40-летию Узбекской ССР. „Правда", 21 ноября 1964 г., № 326.

гнета. Трудящиеся Самаркандской области только благодаря бескорыстной помощи и братской дружбе великого русского народа, под руководством Коммунистической партии пошли на штурм старого строя и окончательно добились свободы и подлинного счастья. „За годы Советской власти в Узбекистане,—говорил Ш. Р. Рашидов на XIII Пленуме ЦК Компартии Узбекистана,—как и во всех союзных республиках, произошли невиданные по своим масштабам, значимости и результатам социально-экономические, общественно политические и культурные преобразования.

В дружной братской семье, при бескорыстной помощи великого русского народа и других советских народов наша республика совершила гигантский скачок от отсталости к прогрессу, из тьмы к свету и ныне своими поистине историческими достижениями изумляет мир"[23].

Справедливое высказывание Ш. Р. Рашидова, также полностью относится и к Самаркандской области, являющейся неотъемлемой частью советского Узбекистана.

Ныне трудящиеся Самаркандской области под непосредственным руководством Коммунистической партии Советского Союза, в одном ряду со всем советским народом успешно претворяют в жизнь ленинскую Программу строительства коммунизма в СССР.

[23] Ш. Р. Рашидов. Повышение культуры быта, преодоление пережитков прошлого—важное условие коммунистического воспитания трудящихся. Доклад на XIII Пленуме ЦК Компартии Узбекистана. См. „Правда Востока", 6 июня 1964 года, № 130.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Британское владычество в Индии. Сочинения, т. 9, изд, 2, М., 1957.

Маркс К. Будущие результаты Британского владычества в Индии. Сочинения, том 9, изд, 2, М., 1957.

Маркс К. Капитал, том III, М., 1954.

Маркс К. Революционная Испания. Сочинения, т. 10, изд. 2, М., 1958.

Маркс К. Письмо Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен. Лондон, 27 сентября 1877 г., Сочинения, т. 34, изд. 2, М., 1964.

Маркс К. Письмо Н. Ф. Даниельсону в Петербург, Лондон, 10 апреля 1879г. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, изд. 2, М., 1951.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Предисловие к русскому изданию 1882 года. Избр. произв., т. 1, М., 1952.

Маркс К. и Энгельс Ф. Митингу в Женеве, созванному в память 50-годовщины польской революции 1830 года. Сочинения, т. 19, изд. 2, М., 1961.

Маркс К., и Энгельс Ф. Немецкая идеология.Сочинения, т. 3., изд. 2, М., 1955.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Сочинения. т. 22. изд. 2. М., 1962.

Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции, Сочинения, т. 9, изд. 2, М., 1957.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Сочинения, т. 7, изд. 2, М., 1956.

Энгельс Ф. Письмо К. Маркса от 23 мая 1851 года из Манчестера. Сочинения, т. 27, изд. 2. М., 1952.

Ленин В. И. Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи „Русского Богатства" против марксистов). Полное собрание сочинений, том 1.

Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Полное собрание сочинений, том 2.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма, Полное собрание сочинений, т. 2.

Ленин В. И. Кустарная перепись в Пермской губернии. Полное собрание сочинений, т. 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3.

Ленин В. И. Проект программы нашей партии. Полное собрание сочинений, т. 4.

Ленин В. И. Уроки кризиса. Полное собрание сочинений, т. 5.

Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии. Полное собрание сочинений, т. 6.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. Полное собрание сочинений, т. 7.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Полное собрание сочинений, т. 17.

Ленин В. И. „Крестьянская реформа" и пролетарско-крестьянская революция Полное собрание сочинений, т. 20.

Ленин В. И. Памяти Герцена. Полное собрание сочинений, т. 21.

Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении. Полное собрание сочинений, т. 23.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Полное собрание сочинений, т. 24.

Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык?. Полное собрание сочинений, т. 24.

Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки. Полное собрание сочинений, т. 27.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Полное собрание сочинений, т. 27.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Полное собрание сочинений, т. 30

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года. Полное собрание сочинений, т. 30.

Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Полное собрание сочинений, т. 33.

Ленин В. И. Письмо С. Г. Шаумяну. 6/XII-1913. Полное собрание сочинений, т. 48.

II. ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СТАТЬИ И РЕЧИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, М., 1953.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, том 1, М., 1956.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. См. в кн.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза Стенографический отчет, III. М., 1962.

Пленум ЦК КП Уз. Материалы. „Правда Востока" от 24 февраля 1952г.

Брежнев Л. И. Речь на юбилейном торжестве в Узбекистане, посвященном 40-летию Узбекской ССР, газета „Правда" от 21 ноября 1964 года, № 326.

Косыгин А. Н. Речь на торжественном заседании в Ашхабаде, посвященном 40-летию Туркменской ССР, газета „Правда" 26 ноября 1964 года, № 331.

Рашидов Ш. Р. Навеки с русским народом (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России). Жур. „Коммунист" М., 1959, № 10.

Рашидов Ш. Р. Исторические решения XXII съезда КПСС и задачи интеллигенции Узбекистана, III съезд интеллигенции Узбекистана. Стенографический отчет, Госиздат УзССР, Ташкент, 1962.

Рашидов Ш. Р. Повышение культуры быта, преодоление пережитков прошлого—важное условие коммунистического воспитания трудящихся. Доклад на XIII пленуме ЦК Компартии Узбекистана, „Правда Востока" от 6 июня 1964г. № 130.

III. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Центральный Государственный Военно исторический архив СССР (г. Москва).

Фонд 400. Опись 1868, дело 8, дело 41, дело 58, опись 1874, дело 23, опись 1885, дело 118, опись 1900, дело 205, опись 4, дело 32.
Фонд 483, дело 106, дело 109.
Фонд ВУА, дело 6786, дело 6903.
Фонд 1396, опись 2, дело 33.
Центральный Государственный архив УзССР (г. Ташкент).
Фонд 1. опись 1, дело 44, дело 54, дело 1753, опись 3, дело 47, опись 4, дело 12, дело 20, дело 28, дело 42, дело 94, дело 142, дело 149, дело 155, дело 176, дело 182, дело 232, дело 241, дело 280, дело 304, дело 345, дело 370, дело 371, дело 372, дело 333, дело 537, дело 691, дело 727, дело 753, дело 934, опись 5, дело 111, дело 122, дело 272, дело 349, дело 345, дело 372, дело 424, дело 917, опись 6, дело 129, дело 253, опись 11, дело 395, дело 612, опись 12, дело 215, опись 13, дело 228, опись 14, дело 28, опись 16. дело 266, дело 815, дело 794, опись 18. дело 621, опись 20, дело 5091, опись 27, дело 1226, опись 29, дело 29, дело 205, опись 32, 367. опись 34, дело 20, дело 23, дело 29, дело 43, дело 218, дело 293, дело 331, дело 346, дело 605—А.
Фонд 715 опись 1, дело 15, док. 3, дело 15, док. 5, док. 22, док. 33, док, 34, док. 97. дело 19, док. 63, дело 20, док. 213, дело 21, док. 115. дело 22, док. 9, док. 39. док. 67, док, 80, док. 81, док. 84, док. 114. еело 35, док. 135, дело 34, док. 57, дело 36, док. 67—112, дело 39, док. 16, док. 40, док. 71, дело 43, док. 280, док. 300.
Фонд 126, опись 1, дело 694, дело 851, дело 1158, дело 1326, дело 1452, дело 2004, дело 2007.
Фонд 5, опись 1, дело 1, дело 2, дело 3, дело 3—А, дело 4, дело 5, дело 6, дело 7, дело 8, дело 9, дело 11, дело 12, дело 14, дело 18, дело 28, дело 30, дело 37, дело 50, дело 54, дело 60, дело 295, дело 329, дело 533. дело 843, дело 1291, дело 1292, дело 1333, дело 3550.
Фонд 450, опись 1, дело 2, дело 13.
Фонд 18, опись 1, дело 222, дело 296—А, дело 683, дело 3426, дело 3665, дело 5706, дело 753, дело 1151—А., дело 1676, дело 1968, дело 9075.
Фонд 22, опись 1, дело 1512.

IV. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

Адрес - календарь Самаркандской области, выпуск 1—17. Самарканд, 1893—1914.
Гирс О. Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанского края. СПб, 1881.
Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию, СПб, 1869.
Материалы для статистики Туркестанского края, выпуск II, СПб. 1873.
Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 и 1920гг. выпуск 1 й Поволостные итоги по Самаркандской области, Ташкент, изд. ЦСУ Туркестанской республики. 1924,
Обзор Самаркандской области за 1889—1908 годы, Самарканд, 1890—1910.
Пален К. Уездное управление, СПб. 1910.
Пален К. Областное управление, СПб, 1910.
Пален К. Налоги и пошлины, СПб.. 1910.
Пален К. Орошение Туркестана, СПб, 1910.
Пален К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1. отдел 1, СПб, 1911.
Пален К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, таблицы, СПб, 1911.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, Самаркандская область, XXIII, 1905.

V. ЛИТЕРАТУРА

Абаза К. К. Завоевание Туркестана, СПб., 1902.
Абдуллаев В Навоинские чтения и последователи Навои в Бухаре в XIX веке. Общественные науки в Узбекистане, 1962. № 4.
Абдурахимов М. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве (XVI первая половина XIX века), Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1963.
Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917), Ташкент, 1960.
Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. Очерки социально-экономической и политической истории, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1959.
Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874—1889, СПб., 1889.
Акрамов С А. Революционная деятельность В. М. Морозова, Труды СамГУ, Материалы по истории Узбекистана, новая серия, вып. 140. Самарканд, 1964.
Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны), Госиздат УзССР, Ташкент, 1956.
Аминов А. М. Экономические последствия присоединения Средней Азии к России, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 2.
Аминов М. У. К вопросу о характере Самаркандского восстания 1868 года, Научная сессия профессорско-преподавательского состава УзГУ, апрель 1956 года. Тезисы докладов, Самарканд, 1956.
Айни С. Рабы. Собрание сочинений, том II, М., 1960.
Айни С. Воспоминания. Изд-во АН, СССР, М.—Л., 1960.
Айни С. „Бухоро инкилоби тарихи учун материаллар" (Материалы по истории бухарской революции), 1925, (на арабском шрифте).
Ахмад Махдуми Дониш. „Гаржумат ал-ахвал-и амиран-и Бухара-и шариф аз амир Данийал та аср-и амир Абдалахад" (Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира Абдалахада), Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 1967.
Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург, Избранное, Таджикгосиздат, 1960.
Ахмад Махдуми Дониш „Рисола ё Мухтасоре аз таърихи салтонати хонадони мангития" (Краткая история мангитских эмиров), Таджикгосиздат. 1960, (на арабском шрифте).
Ахмад Дониш, Отрывки из „Наводир-ул-вакое" (Редкие происшествия) Таджикгосиздат. 1957.
Ахмад Махдуми Дониш. „Наводир-ул-вакое", Рук. ИВ АН УзССР, инв. № 614.
Ахмеджанова З. К. Из истории строительства Среднеазиатской, Ферганской и Бухарской железных дорог (1880—1917), ТашГПИ, Ученые записки, История, выпуск II, том XXXIII, Ташкент, 1962.
Ахмеджанова З. К. Первые шаги рабочего движения в Средней Азии, Ученые записки ТашГПИ, VI, исторический, Ташкент, 1957.
Бабаханов М. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в северных районах Таджикистана, Сборник студенческих работ ТаджГУ, выпуск II, 1956.
Бабаханов М. К вопросу о зарождении и развитии капиталистических отношений в северных районах Таджикистана во второй поло-

вине XIX и начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сталинабад, 1957.
Бартольд В. В. О преподавании туземных наречий в Самарканде, Газета „Окраина", 1804, № 19.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I - II, СПб, 1898 и 1900.
Бартольд В. В. Отчет о командировке в Самарканде. Изв русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, вып. 5, СПб., 1904.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, СПб, 1914.
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азии в 1916 г., М., 1916.
Бартольд В. В. История Туркестана (конспекты, лекции), Труды Туркестанского государственного университета, вып 2, Ташкент, 1923.
Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России, изд. II, Л., 1925.
Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор, Ташкент, 1926.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, М 1957.
Бендриков К. Е. Очерки из истории народного образования в Туркестане (1865—1924), Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, Москва, 1960.
Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831 и 1833 годах лейтенантом Ост-индийской компонейской службы Александром Борнсом, Издание П. В, Голубкова, М., 1848—1849.
Бетгер Е. К. Список трудов Василия Лаврентьевича Вятьгина, Труды ТашГу им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, V. Ташкент, 1960.
Благовещенский В. П. Ишим-Аксакская волость. Данные экономического исследования волости в 1893 и 1894 гг., СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896.
Богословский Ф. Записка о долине Зеравшана и горах ее окружающих, Горный журнал, ч. IV, кн. X, СПб., 1842.
Брагинский И. С. Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, Вопросы истории, 1953, № 8.
Бржезицкий И. А. Самаркандский уезд. Статистический обзор, 1909.
Будрин. Русские в Бухаре в 1820 г. (Заметки очевидца), Оренбург, 1871.
Бунаков Е. В. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX веке, Советское Востоковедение, т. II, М.—Л., 1941.
Бунаков Е. В. К вопросу о политических и экономических связях среднеазиатских владений царской России с Восточным Туркестном в правление Якуб бека (1865—1877 гг.), Бюллетень АН УзССР 1945, № 5.
Бурдунов Н. Ф. Гончарные изделия Средней Азии, СПб., 1906.
Бушуев М. Данные о плодоводстве и огородничестве в Голодной степи Самаркандской области по экспонатам Голодностепского опытного поля на выставке 14—23 сентября 1912 года в Ташкенте, 1913, № 1 и 2, Приложение.
Быков. Очерк долины р. Зеравшан, Ташкент, 1889.
Вамбери А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркестанскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште, членом ее А. Вамбери, М., 1867.
Вамбери А. Очерки Средней Азии. Дополнение к путешествию в Среднюю Азию. М., 1868.
Вахабов М. Г. Социально-экономическая обстановка в Узбекистане в начале XX века. В. книге: „Революция 1905—1907гг. в Узбекистане", Ташкент, 1955.
Вахабов М. Г. О некоторых общих и специфических вопросах формирования Узбекской социалистической нации. В книге: „Формирование социалистической нации в СССР", М., 1962.
Веню ков М. Н. Поступательное движение России в Среднюю Азии, „Русская мысль", 1877, № 1.
Верещагин В. В. Самарканд в 1868 году. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина, „Русская старина", книга № 9, СПб., 1888.
Верещагин В. В. Маршруты следования войск из города Самарканда, Сборник материалов по Азии, вып. 7.
Wereschagin W. Von Chodsehend nach Samarkand. „Globus" 1873, № 1.
Веселовский Н. И. История Востока, Лекции, читанные проф. СПб. университета Н. И. Веселовским, курс III., СПб., 1963.
Веселовский Н. И. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, текст, перевод и приложения, СПб., 1893.
Веселовский Н. И. Дагбит. Записки восточного отделения Русского археологического общества, том III, вып. 1.
Взаимоотношения народов Средней Азии и сопредельных стран Востока, Ташкент, 1963.
Вирский М. Сведения о Зеравшанском округе. Статистические таблицы, „Материалы для статистики Туркестанского края", „Ежегодник", Издание Туркестанского статистического комитета под редакцией Н. А. Маева, вып. IV. СПб., 1876.
Вирский М. Медресе и мечети Самарканда и их вакуфы, „Ежегодник", вып. IV, СПб., 1876.
Вирский М. Таблицы метеорологических наблюдений по гг. Самарканду и Джизаку за 1887—1889 гг., Сборник материалов для статистики Самаркандской окласти, вып., 1, Самарканд, 1890.
Вирский М. Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1892 год, СКСО, вып. II, Самарканд, 1894.
Вирский М Дюрткульская волость. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения волости СКСО, вып. III, Самарканд, 1895.
Вирский М. Виноградарство в Самаркандском уезде, Самарканд, 1896
Вирский М. Поземельно-податные работы Самаркандского уезда-СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896.
Вирский М. Хлопководство и хлопковая промышленность в Самаркандской области, СКСО, вып. V, Самарканд, 1897.
Вирский М. Статистические сведения по городам и уездам Самаркандской области за 1897 год, СКСО за 1898, г., вып. II, Самарканд, 1899.
Вирский М. Летопись Самаркандской области в 1897—1898 гг., СКСО за 1898 г., вып. VI, Самарканд, 1899.
Вирский М. Туркестанский коммерческий адрес-календарь за 1898 г., Самарканд, 1898
Вирский М. Зерновые хлеба Самаркандского уезда, СКСО за 1898 г., вып. 6, Самарканд, 1899.
Вирский М. Землевладение и денежные повинности в Самаркандском уезде, СКСО, вып. VI, Самарканд, 1902.

Вирский М. Самаркандская область по переписи 1897 года, СКСО за за 1906 г., Самарканд, 1907.
Вирский М. Река Зеравшан и ирригационное дело в бассейне ее, СКСО, вып. VII, Самарканд, 1902.
Вирский М. Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области, СКСО, вып. X Самарканд, 1912.
Вирский М., Поспелов О. О. и др. Пчеловодство в Самаркандской области, СКСО, вып. VII и IX, Самарканд, 1902 и 1907.
Воронец Е. Воспоминания о защите Самарканда в 1868 г. С планом и картами, „Военный сборник", СПб., 1872, № 9.
Всемирная история, том VI, Соцэкономлит., М., 1959.
Вяткин В. Л. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию султана Бабура Мирзы, Перевод из „Бабур-наме", СКСО, Самарканд, 1896.
Вяткин В. Л. Самаркандский вилайет (перевод из „Рисола" Мухамеда Салиха), СКСО, Самарканд. 1897.
Вяткин В. Л. Самаркандские легенды: Еврейский мудрец, Чупан-Ата, Дархан, Шейх, Могирид, Шах-Зинда, СКСО за 1897 год, вып. 5, Самарканд, 1897.
Вяткин В. Л. „Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абду Тахир Ходжи. Перевел В. Л. Вяткин, предисловие и примечание переводчика, СКСО, вып. VI, Самарканд, 1899.
Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета, СКСО, вып. 7, Самарканд, 1902.
Вяткин В. Л. Кандия Малая, перевод краткой редакции на персидском языке арабского труда Абу Хафса Наджметдина Умара б. Мухаммад ал-Насафи ас-Самарканди, Предисловие и примечания переводчика, СКСО, вып. VIII, Самарканд, 1906.
Вяткин В. Л. О борьбе с саранчой в Самаркандской области с 1890 по 1909 годы, СКСО, вып. X, Самарканд, 1912.
Вяткин В. Л. О вакуфах Самаркандской области, СКСО, вып. X, Самарканд, 1912.
Вяткин В. Л. Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улуг-Бека в 1908—1909 гг. „Известия Русского комитета для изучения Средней Азии", серия II, № 1, СПб, 1912.
Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа, М., 1955.
Гафуров Б. и Прохоров Н. Н. Падение Бухарского эмирата, К 20-летию Советской революции в Бухаре (1920—1940 гг.), Госиздат, Таджикистана, 1940.
Геворков А. А. и Фархади Р. Р. Первые русские, женщины-врачи в Самаркандской области, Жур. „Советское здравоохранение", М., 1961, № 11.
Гейер И. И. Туркестан, издание II, Ташкент, 1909,
Глуховский А. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии, СПб, 1867.
Глуховский А. Плен в Бухаре, „Туркестанский сборник". 1868 г. том VI, СПб., 1869.
Гребенкин А. Д. Таджики, „Русский Туркестан", Сборник под ред. В. И. Троцкого, вып. 2, М., 1872.
Гребенкин А. Д. Узбеки, „Русский Туркестан", Сборник под ред. В. И. Троцкого, вып. 2, М., 1872.
Григорьев Б. В. Русская политика в отношении Средней Азии. Исторический очерк, Сборник государственных знаний, т, I, СПб., 1874.
Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии, СПб., 1909.

Давыдова С. А. Кустарная промышленность в Средней Азии. В книге: Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, том II. СПб., 1894.
Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана, изд. 2, М., 1926.
Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России, Фрунзе, 1963.
Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России, Фрунзе, 1963.
Дневник Д. А. Милютина, 1873—1875 гг., том I, М., 1947.
Дылевский А. А. Опыт обследования виноградников Самаркандской области (волости: Ходжа-Ахрарская, Снабская и Ангарская), Ташкент, 1912.
Ефимов В. И. К вопросу о роли России в исторических судьбах народов Бухарского ханства, Труды СамГУ, новая серия, вып. 101, История (материалы по истории народов Узбекистана), Самарканд, 1960.
Ефимов В. И. К вопросу о взаимоотношениях России с Бухарой с конца XVIII до середины XIX веков Труды СамГУ, Материалы по истории Узбекистана, новая серия, выпуск 110, Самарканд, 1964.
Жижемский З. Е. Ирригация долины р. Зеравшан, Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 год, Самарканд; 1889.
Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, СПб., 1915.
Завьялов В. В. Исторический обзор путешествий в Бухарию, Уфа, 1854.
Залесов Н. Г. Очерк дипломатических сношений России с Бухарой с 1830—1843 гг. „Военный сборник", 1852, № 27,
Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева, в 1858 году, „Русский вестник", № 2, № 3.
Заметка о Туркестанском военном округе. „Военный сборник", год II-й, том XI СПб. 1868 г.
Иванов Д. Л., Самарканд и его древние здания (текст к ряду рис.), „Нива", 1871.
Иванов Д. Л. Русская земля. Самарканд, „Беседа", 1872, № 6, 7, 8.
Иванов Д. Л. Из войны на Дальнем Востоке. Под Самаркандом. Рассказ новичка, СПб., 1877, то же: „Военный сборник", СПб., 1876, № 1, 2.
Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования, Труды института востоковедения, XXVIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937.
Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии, Москва, 1958.
Иванов П. П. К истории развития горного производства в Средней Азии, Л.—М. 1932.
Иванов П. П. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского, Записки института Востоковедения АН СССР, том VI, М.—Л. 1937.
Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева, СПб., 1897.
Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, Таджикгосиздат, 1960.
История народов Узбекистана, том II, Ташкент, 1947.
История СССР, Россия в XIX в. Кризис феодализма. Утверждение капитализма, том II, Изд. 3-е исправленное и дополненное, М., 1954.
История Узбекской ССР, том. I, книга вторая, Ташкент, 1956.
Комаров В. Л. Краткий очерк растительности горного Зеравшана,

Труды С-Петербургского Общества Естествознания, XXIII, отделение ботаники, 1893.
Кары-Ниязов Т. Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана, Изд-во АН СССР, 1955.
Кары-Ниязов Т. Н. Школа жизни, Ташкент, Изд-во Наука, 1964 (на узбекском языке).
Кирпичников Н. А. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, СКСО, вып. V, Самарканд, 1897.
Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1870.
Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году с маршрутом от Ташкента до Бухары, СПб, 1871.
Костенко Л. Ф. Туркестанекий край. Опыт военно статистического обозрения, том, 1—3, 1880.
Косович П. Результаты исследования зерновых хлебов Самаркандского уезда, СКСО, вып. VI, Самарканд, 1898.
Краснов А. Самарканд, В книге „Азиатская Россия" Москва, 1908.
Кун А. Л. Туркестанский альбом. Составители А. Л. Кун и Бродовский, Ташкент, 1871.
Кун А. Л. Очерки Шахрисябзского бекства, Записки РГО по отделам этнографии, том VI, СПб, 1880,
Кушева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века, „Исторический сборник"; вып. 3, М.—Л., 1934.
Лажечников Н. Краткий исторический очерк Самаркандской области. В кн.: „В память 25-летия взятия Самарканда". Приложение к газете „Окраина", Самарканд, 1893.
Лобысевич Ф. И. Наступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 года (из официальных источников), СПб., 1903.
Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, том 1—2, СПб., 1911.
Лунин Б. В. Из истории русского всстоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей ахеологии (1895—1917 гг.). Ташкент, Изд.АН УзССР, 1958.
Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1962.
Лунин Б. В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестана, „Общественные науки в Узбекистане", 1962, № 6.
Лунин Б. В. Самаркандский любитель старины Мирза Бухари. Журнал „Общественные науки в Узбекистане", 1963, № 6.
Лунин Б. В. (Составитель) Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1961—1963 гг. Журнал „Общественные науки в Узбекистане", 1962, № 12 и 1963, № 12.
Лыко М. Очерк военных действий 1868 года в Зеравшанской долине. С картой долины и планом сражения на Самаркандских высотах, „Военный сборник", № № 5, 6, 7, 8, СПб., 1871.
Лыкошин Н. С. Чанкудукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения, СКСО, VIII, Самарканд, 1906.
Лященко Н. И. История народного хозяйства СССР, том II, Капитализм, Издание третье, Госполитиздат, М., 1952.
Lehmann A. Reize nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. „Beträge zur Kenntniss Russischen ketches", XVII, Ct-Pet., 1852.
Маев Н. Джизак и Самарканд, „Ежегодник Туркестанского края", вып. 2. СПб., 1873.
Маев Н. Очерки Бухарского ханства, Ежегодник, вып, X СПб., 1879.

Маев Н. Туркестанская выставка 1886 г., Ташкент, 1886.
Мавлани И. М. Михаил Владимирович Морозов, Ташкент, 1963.
Мансырев С. П. Базарная торговля в Самаркандском уезде, СКСО за 1897 год, вып. V, Самарканд, 1897.
Марков Е. Памятники Самарканда, „Азиатская Россия", М., 1908.
Марков Е. Долина Зеравшана (Из путевых очерков Туркестана) „Русский вестник", 1894, том II, 230—232.
Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских, СПб., 1890.
Масальский В. Туркестанский край. Россия, под ред. В. П. Семенова-Тяншаньского, том XIX, СПб., 1913.
Масальский В. И. Материалы по изучению хлопководства, вып. VII, СПб., 1917.
Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении, Труды СаГУ им. В. И. Ленина, Новая серия, выпуск XXXI, исторические науки, книга 12, Изд-во САГУ, Ташкент, 1956.
Материалы для описания Хивинского похода 1873 года, составленные под ред. генерального штаба генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого, вып. V, Ташкент, 1881.
Материалы научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, АН СССР, АН УзССР, АН КазССР, АН ТаджССР, АН ТуркССР, АН КиргССР, Изд. АН УзССР, Ташкент, 1955.
Матюшкин Н. И. СССР—страна великого содружества народов, Москва, 1953.
Мейендорф Г. Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 году, „Северный архив", 1882. № 2.
Мейендорф Г. Статистический взгляд на Бухару, „Северный архив", октябрь 1826, № 19, 20.
Миклухо-Маклай Н. Описание таджикских и персидских рукописей института востоковедения, М.-Л., 1955.
Миклухо-Маклай Н. Д., Акимушкин О. Ф., Кушуев В. В., Салахетдинова М. В. Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании Ленинградского отделения Института Азии АН СССР, Изд. Восточной литературы, М. 1960.
Мирза Абдал Азим Сами. „Тарих-и салатин-и мангитийа, (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой. М, 1962.
Мирза Салим-бек. „Тарих-и Салими" (Салимова история). Рукопись. Институт Востоковедения АН УзССР, инв. № 2016.
Мирза Шамси Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шамси Бухари, изданные в тексте с переводом и примечанием В. В. Григорьева, Казань, 1861.
Мирзаев К. М. Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1954.
Молчанов Л. А. Климатические районирования Туркестана. Статистический ежегодник, 1917—1923 гг., том I, Ташкент, 1924.
Мулла Мухаммад Мунис. Объединенный сборник стихов. Рукопись, Институт Востоковедения АН УзССР, инв. № 3897.
Муминов И. М. Из истории развития общественной и философской мысли Узбекистана конца XIX-начала XX веков, Ташкент, 1957.
Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Изд-во АН Тадж. ССР, Душанбе, 1964.
Мухтаров А. Очерки из истории Ура-Тюбинского владения во второй половине XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Сталинабад, 1955.

Мухтаров А. Материалы по истории Ура Тюбе. Сборник актов XVIII—XIX вв. Изд-во восточной литературы, М., 1963.
Мухаммад Миралим Бухари. Фотхнома и Султони-й, Библиотека института Востоковедения АН УзССР, шифр 4—58 (перевод с таджикского языка Чеховича).
Мушкетов И. В. Восхождение на Зеравшанский ледник в 1880 г. Геологическая экспедиция на Зеравшанский ледник в 1880 году, Собрание сочинений, вып. 1, Записки РГО по общей географии, XXXIX. вып. 1, СПб., 1910,
Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии, СПб., 1891.
Наливкин В. П. Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края, Ташкент, 1886.
Небольсин П. Очерки торговли России в Средней Азии (со стороны Оренбургской линии), Записки РГО, том X, СПб., 1855.
Невесский М. М. Список деревьев и кустарников, произрастающих в Самаркандской области, СКСО на 1894 г., вып. II, Самарканд 1894.
Непомнин В. Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Известия АН УзССР, 1954, № 1.
Неровецкий В. И. Обзор Яны-Курганской волости Самаркандского уезда в экономическом и бытовом отношении, СКСО, вып. V, Самарканд, 1897.
Носович А. С. Русское посольство в Бухаре в 1870 г. „Русская старина", книга 8, 9, СПб., 1898.
Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, Доклады, отв. ред. И. М. Муминов, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1959.
О некоторых технических производствах в Туркестанском крае, „Русский Туркестан", вып. 2.
Остроумов Н. П. К истории народного образования в Туркестанском крае. К. П. фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877—1881 гг.), Ташкент, 1899.
Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы (общий очерк), Ташкент, 1890.
Павлов Н. История Туркестана в связи с кратким историчьским очерком сопредельных стран, Ташкент, 1910.
Павловский Е. Ж. Очерки Самаркандской области, „Азиатская Россия", Москва, 1908.
Пашино П. И. Туркестанский край в 1886 году, Путевые заметки", СПб., 1898.
Петров И. П. О вакуфах в Самаркандской области, Юридический вестник, 1891, книга 2.
Петровский Н. Ф. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии, Отчет Министерству финансов агента в Туркестанском генерал-губернаторстве, СПб., 1874.
Перепелицина Л. А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии, Ташкент, 1960.
Пешерова Е. М. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX-начале XX вв. М., 1960.
Погребинский Н. П. Налоговая политика царизма в Средней Азии в 1860—1880 годах, „Исторические записки", том 66, Изд-во АН СССР. 1960.
Поздняков П. В. Культура риса и ее экономическое значение в Самаркандской области, СКСО, вып. VIII, Самарканд. 1897.
Поздняков П. В. Русские поселки в Голодной степи Самаркандской области в 1898—1899 году, СКСО, вып. VII, Самарканд, 1897.

Покровский М. Н. Внешняя политика России в конце XIX века. В книге: „История России в XIX веке", т. IX, ч. IV, вып. 3, изд. бр. Гранат.
Попов А. Л. Борьба за Среднеазиатский плацдарм. „Исторические записки", 1940, № 7.
Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии, „Исторические записки", 1940, № 9.
Поспелов О. Шелководство в Каттакурганском уезде, Туркестанское сельское хозяйство, 1909, № 6.
Поспелов О. Материалы к истории Самаркандской области, СКСО вып. X, Самарканд, 1912.
Поспелов О. Кустарная промышленность в Каттакурганском уезде, ТСХ, 1912, № 8.
Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге, СПб., 1903.
Проект всеподданейшего отчета генерал адьютанта К. П. Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867—25 марта 1881 года, СПб., 1885.
Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Узбекистане. Гос-издат УзССР, Ташкент, 1957.
Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Туркестане, Изд-во АН СССР, М., 1958.
Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, „Вопросы истории", 1959, № 8.
Пясковский А. В. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа—важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России. В книге: Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1959.
Раджабов З. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом, Таджикгосиздат, 1954.
Раджабов З. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX века и в начале XX в. Таджикгосиздат, 1957.
Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России. В книге Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, Доклады, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1959.
Раджабов С. Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивное значение (обзор литературы), Госиздат, Тадж. ССР, 1959.
Раджабов С. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, Ташкент, 1955.
Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина, записки РГО по отд. этнографии, том VI, СПб., 1880,
Рахманов М. Хамза и узбекский театр, Ташкент, 1960.
Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России, М., 1958.
Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949.
Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией 40—60, годы XIX века, М., 1963.
Романовский Д. И. Заметки по Среднеазиатскому вопросу, СПб. 1865.
Романовский Г. Д. Геологический характер Сарвазанского буроугольного образования в Зарафшанском округе. Записки Минералогического общества, серия 2, часть XVII, 1882.

Риттер. Кабулистан и Кафиристан, СПб., 1867.
Рума А. Л. Из экономической жизни Зеравшанской долины. Очерки его исследования, вып. III. СПб, 1916.
Савицкий А. П. Поземельный вопрос в Туркестане, Изд-во СамГУ Ташкент, 1963.
Сагдиев А. Историческая наука в Туркестане в XIX веке, Госиздат УзССР, т. Ташкент. 1960.
Саидкулов Т. С. Социально-политические изменения в Сам. области после присоединения ее к России, Труды СамГУ, нов. серия вып. 136, Самарканд, 1964.
Саидкулов Т. С. Социально-экономическое положение Самарканда, накануне присоединения его к России. Сб. матер. по истории Узбекистана. Ташкент изд-во „Фан". 1966.
Саидкулов Т. С. Из истории крестьянских движений в Сам. области 70—80 гг. XIX века. Матер. XXIII науч. конф. проф.-преп. состава СамГУ, Самарканд, 1966 г.
Саидкулов Т. С. Рабочее движение в Узбекистане в конце XIX и начале XX веков (по матер. Сам. обл.). Матер. XXIII науч. конф. проф.-преп. состава СамГУ, Самарканд, 1966 г.
Саидкулов Т. С. О роли политических ссыльных из России в распространении революционных идей в Туркестане. Матер. XXIV науч. конф. проф.-преп. состава СамГУ. Сер. общ. наук, Самарканд, 1967.
Саидкулов Т. С. Из культурной жизни Самарканда конца XIX и начала XX веков. Матер. XXIV науч. конф. проф.-преп. состава СамГУ. Серия история. Самарканд, 1967.
Саидкулов Т. С. О исторических воззрениях Ахмада Дониша. Матер. XXIV науч. конф проф. преп. состава СамГУ, серия науч. коммун. Самарканд, 1968.
Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX в. 1958.
Серебрянников А. Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, 1865, ч. 1. док. 115.
Серебрянников А. Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, том. II, Ташкент, 1912.
Серебрянников А. Г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, том 21, Ташкент, 1912.
Симонов А. В. Завоевание Самарканда царизмом. Восстание против царизма в Самарканде в 1868 году, Труды УзГУ, новая серия № 10, история, вып. 1. Самарканд, 1940
Симонов А. А. Очерк поземельно податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Т., 1929.
Симонова Л. (Хохрякова). Рассказы о взятии Самарканда. В книге „Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных", СПб., 1900.
Симонова Л. (Хохрякова). Рассказы очевидцев о завоевании русскими Самарканда и о семидневном сидении. „Исторический вестник", 1904, № 9 или же „Исторический вестник" том. 97. СПб., 1904.
Слуцкий И. М. Краткий очерк Самаркандского виноделия в связи с виноградарством, СКСО, вып. V, Самарканд, 1897.
Слуцкий И. М. Очерк хлопководства в Самаркандской области, СКСО, вып.V. Самарканд, 1897.
Слуцкий И. М. Хлопкоочистительные заводы. СКСО, вып. V., Самарканд, 1897.
Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа" Записки РГО по отд. статистики, том IV, 1874.
Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1917 гг.). Труды АН Тадж. ССР, том 37, Душанбе, 1963.

Суворов В. Историко-экономический очерк развития Туркестана (по материалам железнодорожного строительства в 1880—1917 гг.), Ташкент, 1962.
Сукачев Н. С. Очерк шелководства в Самаркандской области, СКСО, вып. III, Самарканд, 1895.
Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки), Изд-во АН УзССР, Ташкент. 1958.
Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX-начала XX века. Ремесленная промышленность. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1962.
Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1873.
Терентьев М. А. Как устранить соперничество англичан в Средней Азии. Доклад на заседании общества поощрения русской торговли и промышленности, Труды общества, вып. 2, 1873.
Терентьев М. А. Статистические очерки Средней Азии и России, СПб., 1874.
Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки, СПб., 1875.
Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами, т. 1—3, СПб., 1906.
Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России, Изд. восточной литературы, Москва, 1960.
Туманский А. Г. На память 25-летия взятия Самарканда 1868—1898 гг., Самарканд. 1898.
Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, Госиздат, УзССР, Ташкент, 1962.
Туркестанская справочная книга на 1885 г., под ред. Соколова, часть II, Самарканд, 1885 г.
Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов академика Б. В. Бартольда, труды СамГУ им. А. Навои, Новая серия, выпуск 136. Краткие сообщения о выполненных работах историко-географического факультета, Самарканд, 1961.
Умняков И. И., Алескеров Ю. Н., Самарканд. Краткий справочник, 2-е доп. и испр. изд. Госиздат УзСС. Ташкент, 1958.
Усов П. С. Зеравшанский край и Самарканд. „Живописная Россия", том 10. СПб., М., 1885.
Файбушевич В. М. Научные общества русских врачей в Туркестане в XIX веке. жур. „Советское здравоохранение", 1962, № 12.
Федорова М. П. Хлопководство в Средней Азии, СПб., 1898.
Федченко А. П. Топографический очерк Зеравшанской долины и заметка о соседних бекствах и памятникак Самарканда. Изд-во ОЛЕАЭ, том VIII, вып. 1, М., 1870.
Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, Географгиз, М, 1950.
Халфин Н. А. Три русские миссии, Труды САГУ, вып. 87, Исторические науки, книга 13, Ташкент, 1956.
Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Среднюю Азию (50—89 гг. XIX в.). Труды САГУ, Новая серия, вып. 94, Исторические науки книга 14, Ташкент, 1957.
Халфин Н. А Царское правительство и среднеазиатские ханства в колониальный период. Труды САГУ, новая серия, вып. 94, Исторические науки, книга 14. Ташкент, 1957.
Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868), Изд-во восточной литературы, М., 1960.
Халфин Н. А Присоединение Средней Азии к России, Изд-во „Наука", М, 1965.
Хамраев М Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв., Таджикгосиздат, 1959.
Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843
Ханыков Н. Пояснительная записка к карте Аральского моря, Записки РГО, 1851, № 1.

Ханыков Н. Самарканд (рассказ очевидца), Париж, 5 июня 1868 г.
Хади-Зада Р. „Ахмад Дониш и его творчество", в кн.: Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное, Таджикгосиздат, 1960.
Хомутов П. А. Статистические сведения по Челекской волости Самаркандского уезда. СКСО на 1896 год, Самарканд, 1896.
Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб., 1876.
Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. (1800—1917). М., 1950.
Чабров Г. Узбеки-археологи дореволюционного Туркестана, „Звезда Востока", 1957, № 1.
Чабров Г. Страницы истории Самарканда (1868—1916). Труды ТашГУ, Материалы к изучению истории Средней Азии и Узбекистана, Новая серия, выпуск 194, Исторические науки, книга 13, Ташкент, 1962.
Черкасов Защита Самарканда в 1868 году. С планом „Военный сборник", № 9, СПб., 1870.
Чертов В. И. Дагбитская волость. Данные экономического исследования волости в 1892 и 1893 гг. СКСО, вып. IV, Самарканд, 1895.
Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв., вып. 1, Изд-во АН УзССР, т., 1954.
Чикаев Х. Ф. К аграрному вопросу и положению дехкан в Кокандском ханстве. Труды УзГУ им. А. Навои, новая серия, № 39, Самарканд, 1947.
Шканский О. Как Самарканд стал русским городом. „Русский Туркестан", Сборник, том I, Т., 1899, приложение к газете „Русский Туркестан".
Шмидт Р. З. Об эволюции ремесла в Туркестанском крае, Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1959, № 2.
Шукурова Л. Из истории аграрных отношений в Туркестане в 60—80 годы XIX века (поземельно-налоговая политика царизма в крае). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Т., 1963.
Шульце Н. Занятие города Самарканда (Боевой очерк). На память 25-летия взятия Самарканда, Приложение к газете „Окраина", Самарканд, 1893.
Юлдашбаева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70—80 годы XIX века), Госиздат УзССР, Ташкент, 1963.
Яворский Н. Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана, часть 1, СПб., 1889.
Якубовский Ю. О. Переплетное ремесло туземцев Самарканда, СКСО, вып. IV, Самарканд, 1896.

VI. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

а) Газеты

„Биржевые ведомости", январь 1868 год, №3 за 21 июля 1868 г., №194 за 1873 год, № 23.
„Вечерняя газета", 1868 год № 4.
„Голос", 1867 год, № 191, за 1863 год, № 84, за 1876 год, № 217, 20 октября 1878 года.
„Ленинский путь" за 18 октября 1963 года, № 207, за 1 июля 1964 года, № 129, за 5 сентября 1964 года, № 175, за октябрь 1964 года, №195, за 14 ноября 1964 года, № 225.
„Москва" за 1868 год, № 20, 24.

„Московские ведомости" за 1866 год, № 10, за 1867 год, № 111, за 1868 год, № 121.
„Новое время" за 1873 год, № 18—20.
„Русский инвалид" за 1868 год, № № 133, 138, за 11 апреля 1870 года.
„Окраина" за 1893 год, № 117—122.
„Туркестанские ведомости" за 1870 год, № 356, за 1871 год № 526, за 1873 год, № 3—5, за 1874 год, № 8—10, за 1875 год, № 217, за 1879 год, № 32, за 1880 год, № 22, 33, за 1884 год, № 36, за 1888 год, № 44, за 1892 год, № 2, за 1895 год, № 1, за 1897 год, № 61—64, за 1899 год, № 12, 14, за 1902 год, № 85, за 1906 год, № 86.
„Туркистон вилоятининг газетаси" за 1890 год, № 33, за 14 февраля, 1892 года, за 1893 год, № 3.

б) Журналы

„Военный сборник" за 1868—1876 гг., СПб., 1868—1876 гг.
„Русская школа" за 1901 год, № 10—11.
„Русский вестник" за 1868 год, № 3—6.
„Нива" за 1874 год, № 30.
„Туркестанское сельское хозяйство" за 1916 год, № 4 и 7

VII. ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

На соискание ученой степени кандидата исторических и филологических наук

Абдуллаев В. С. Завоевание Бухарского ханства царской Россией, фонд библиотеки СамГУ, Самарканд, 1946.
Абдурахимова М. Я. Положение трудящихся масс дехканства Туркестана во второй половине XIX века, (по материалам Самаркандской области) фонд. библиотеки АН УзССР, Ташкент, 1952.
Ефимов В. И. Очерк истории взаимоотношений России с Бухарой (1868—1917 гг.), фонд библиотеки СамГУ, Самарканд, 1953.
Арзибеков Р. Поэт Шавки Катта-Кургани и его литературная среда, фонд фундаментальной библиотеки СамГУ, Самарканд, 1963.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А

Абдаллахад, эмир Бухары 5
Абду Али Абдурасулев 192
Абду Фарманкулов 181
Абду Шукур 182
Абдуалиев Пулат 206
Абдумалик, старший сын эмира Музаффара, Катта тюра, бек Самарканда 45, 49, 78–80
Абдул–Кадыр Мирахур 188
Абдуллаев В. 36
Абдуллаев В. С. 6, 184, 216
Абдулькаким 97
Абдульфаттах 97
Абдурахимова М, 6, 113, 127
Абдуррахман Джами 35, 62
Абдусаттор Абдул Гафуров 191
Абдушараф Абдульфатов 81
Аболин Б. 200
Абрамов Амин, хлопкозаводчик 206
Абрамов, ген. губ. Зеравшан. окр. 16, 97–99, 102, 119, 144, 157, 158, 170, 171, 182, 184, 186, 196, 202, 203
Абу Тахир Ходжа 173
Адамоли 119
Адил–бий–дадха, хаким Гуссара 72
Азадаев Ф. 28. 52
Азимбай Уста Ашуров 189
Айдар–Ходжа 186
Айни Садриддин 5, 11, 34, 36, 45, 216
Акметов П. 32
Акрамов С. А. 199 200,
Ал–Мулла муфтий 10
Александр, император 97
Александер 108, 135–138, 146, 204, 205
Алексеев 159
Алеша Попович 159
Алибаев Бабен 181–186
Алиев Р. 167
Алимбай, феодал 11
Алискеров Исмаил 211
Алишер Навои 35, 36
Аллахайр–Диванбеги 62
Аллаяр, джизакский бек 63
Аминов А. М. 5, 111, 140, 204, 215
Аминов М. У. 80
Амири Гонби 36
Апелитова З. С. 197
Арандаренко Г. А. 4, 107, 114 128, 141, 152
Арбоб Сайфулла 14
Артамонов 168
Артур Обер, скульптор 163
Ататжанбаев Алимбай 192
Афрамович К. М. 167, 200
Ахмад Махдуми Дониш 5, 43, 44, 48, 57, 60, 63, 72, 74, 97
Ахмеджанов З. К. 207, 208, 210
Ашенбреннер М. 197

Б

Ваба Муллаев 167
Бабабек, бек Шахрисябза 8, 49, 80
Бабабек, бедн. крест. 192
Бабаханов М. 6
Багинская-Киселева А. К. 167
Бажезицкий Г. А. 144, 145, 150, 151
Байдалов В. 166
Балажанов, уездн, управ. 191
Баратинский 144, 145
Барбот де Марки Н. П. 171
Бартольд В. В. 5, 34, 168, 177
Батырев, есаул 175
Бауэр 154
Бахарев А. Р. 197
Бенемсон, англ. шпион 219
Бениш Ю. 195
Бернс А. 42
Бертенев С. 165
Бильфельд. 168
Благовещенская П. И. 167
Богаевский 169
Богдан-Березовский 168
Бодрецкий Р. 195, 196
Болтабаев 199
Борейш А. 201
Борзенков 182
Брежнев Л. И. 224
Бробогатый 168
Бродовский М. 116
Брунов 94, 219
Брюлль И. 165
Бузанский А. 201
Бунаков Е. В 27, 52
Буняковский А. В. 107
Буренин 159

В

Вамбери А. 9, 10, 165
Васильев–Вятский В. 165, 223
Вафакулов 167
Веньяминов 168
Верещагин В. В. 5, 163
Веселовский Н. И. 173
Вирский М. 4, 122, 137, 159
Вишневский А. 195
Вогау 154
Волков 196
Вяткин В. Л. 5, 12, 168

Г

Ганшин 154
Гафуров Б. Г. 5, 41, 127
Геворков А. А. 166
Гейден 96, 99
Гейер 107
Гейнс 84–87
Геннуш Ю. 195
Генрих Роулинсон 64
Герфенштейн М. 167, 168
Гирс Н. К. 112
Глуховский 59, 60
Гоголь Н. В. 165
Головачев 77
Гольберт 201
Гольцов 200
Горчаков 58, 64. 66, 83
Граменицкий С. М. 159
Грачева-Горновская С. Б. 167
Гребенкин А. Д. 4, 14, 19, 20, 49, 98, 120, 148, 157, 158, 168
Гретил Пантюк 165
Грибоедов А. С. 165
Григорьев 140
Григорьев Б. 70
Грунин А. П. 198
Гульшо 11
Гусев 154

Д

Давыдова С. А. 130, 131
Дальский В. В. 165
Данийал, эмир Бухары 5
Данилов 154
Дарьин Али Ткубердиев 191
Девлищев А. 200
Дейч 168
Демуров 200
Джамгерчинов Б. Д. 5
Джами см. Абдуррахман Джами
Джурабаев С. 203, 204
Джурабек, правитель Китаба 49, 78–80, 202
Добровольский В. 167
Добрыня Никитич 159
Дейин 168
Дониш Ахмад Махдуми см. Ахмад Махдуми Дониш
Дост–бек 191, 192
Дост Мухаммед 57, 62, 95
Дубровина 168
Думаненко М Ф. 159

Е, Ж, З.

Ефимов В. И. 6, 18
Жуковский С. В. 4
Загряжский 70
Задунайский 168
Закирбай Разокбаев 80,81
Залесский 206
Замешенный Н. 201
Заорская В. В. 108, 135 - 138, 146, 204, 205
Зейдлер 167
Зияев Х. З. 5
Зорге Фридрих Адольф 214
Зубов А. 167
Зурабов А. 201

И

Ибадулла 14
Иванов, врач 168
Иванов, ген.–майор, нач Зеравшан. окр. 177, 219
Иванов, купец 113, 118, 140
Иванов Д. Л 107, 131, 168
Иванов П. П. 5, 11, 14, 19, 20, 21
Идрис-бай 14
Ильинский 168
Илья Муромец 159
Имам Ходжа 71
Исак-хан 128
Искандерхан 62
Исламов Шаймат 181

К

Кабулов А. 200
Кази Абдусанд Самарканди 34
Казы–Калян 79
Какауридзе Г. 200

Калантаров 154
Каменский 154, 170
Камилджанов Акрамджан 200
Каразин Н. Н. 5, 163
Карапетов 197
Каратаев 168
Карганов 185
Кари Ибот Салимбаев 80
Карим, сын Уста Рахима 24
Каримов 175
Карпов В. 167
Кары-Ниязов Т. Н. 159
Касимбай Ачильдибаев 187
Каспарович О. 209
Катта-Амин 79
Кауфман К. П. 9, 50, 67—73, 75—82, 84, 86, 87, 90—93, 95—97, 99, 101, 119, 128, 142, 152, 153, 156—158, 169, 171, 174, 183, 184
Качка 168
Келлер 119
Кегчер 140
Кирпичников Н. А. 137
Кларендон 94, 95, 219
Клейф 168
Княжинский Б. П. 167, 168
Ковалева Н. 167
Козловский 207
Комиссаржевская В. 165
Копытовский И. 167
Корнюшин В. Д. 197
Корчин 168
Космачевский 168
Костенко Л. Ф. 4, 9, 27, 107, 131
Красновский 209, 210
Кручинин Н. 165
Кручинская Н. 223
Крушевский А. 195, 196
Крыжановский 46, 60—62, 64, 66, 67
Крыжановский Н. 200
Крылов 159
Крюков 140
Куввач-бай 11
Кузнецов 154
Кузнецов А. А. 159
Кузнецов С. 197
Кузнецова А. В. 197
Кумак 191, 192
Куи А. Л. 5, 168—171
Кункель 168
Курбан-хан 164, 165, 168
Курилов Т. М. 200

Л

Лажечников И. 12
Лаптовский М. 209
Леман А. 4, 163
Ленин В. И. 26, 51—53, 107, 108, 110, 124—126, 129, 133, 136, 139, 142, 143, 160, 180, 199, 201—203, 206, 208, 213, 220—222, 224
Ленкорей Франц 165
Леонтьев А. 200
Лермонтов М. Ю. 159
Логофет Д. Н. 40, 145
Лопатин Г. А. 197
Лукьянов А. М. 159
Лунин Б. В. 5, 168, 172, 173
Любимов 168
Любомиров Д. 200
Лямин 141
Ляхтин С. 170
Лященко П. И. 205

М

Мавланй И. М. 197, 199
Магазин 167
Магомет Рахим 188
Маев Н. А. 116, 120, 148, 172
Макшеев А. И. 60
Малаховский 115
Малинин 159
Мансырев 134, 148, 149
Марков Е. 141
Маркс К. 3, 14, 26, 33, 42, 43, 129, 194—196, 213, 214, 216, 222
Масальский В. П. 4, 111, 135
Массон М. Е. 170, 171
Матюшкин Н. И. 140
Машраб, поэт 36
Медведчиков 205
Мейендорф 9
Мейер А. 201
Меликджан Гадаева 167
Мельников 168
Милютин Д. А. 58, 60, 82, 83, 95, 96
Мир Аваз Ходжа 193, 194
Мир Асад Балхи 15
Мир—Ахун Мусабек Хакимбеков 66
Мир-Махмуд-бай 10
Мир Махмуд Ашур Магомедов 192
Мирза Абдал Азим Сами 5, 48, 50, 62, 63, 72—75, 79
Мирза Абдуллин 172
Мирза Азим Бухари 36, 172, 173
Мирза Барат 172, 173
Мирза Бедиль 35
Мирза-бек 192
Мирза Калям 10
Мирза Карим Аминов 98
Мирза Мулла Ар-Рахман 170, 172
Мирза Салим 5
Мирза Фазил 25
Мирза Шамси Бухари 5
Мирза Шамсиддин мир-Асад 73

Мирзабаев Усман 207, 208
Мирзо Абдулфайз Махзум 10
Мирзо Низамутдин 25
Мирабдулхай Самарканди 36
Михайлов В. 200
Михин Г. 201
Мозер Г. Г. 119
Молчанов Л. А. 172
Морозов М. В. 197, 199, 200, 201
Мужрим Обид, поэт 35
Музаффар, эмир 15, 29, 44—46, 48, 49, 60—62, 64, 66, 68, 69, 73, 78, 79, 88, 92, 96, 97, 177, 181
Музтари Мири, поэт 35
Мулла Абидхан 14
Мулла Ибрагимов 187
Мулла Арифбай 31
Мулла Берди 191
Мулла Камалутдин (казы г. Самарканда, назначенный Кауфманом) 75
Мулла Касимов 172, 173
Мулла Курбанджон Хироми, поэт 35
Мулла Мукимхан Самарканди, каллиграф 36
Мулла Мухаммад 10
Мулла Мухаммад Раджаб 14
Мулла Рустам Мулло Файзиллаев 190—192
Мулла Сангин 172
Мулла Сафар 63
Мулла Хусеин 182
Муллокандов 154
Муминов И. М. 5, 173
Муминходжа 34
Мунавар Ходжа 188
Мурашко Р. 200
Мусабек 68
Мухаммад Ибрагим 10
Мухаммад Карим—бай 10
Мухаммад Касым 10
Мухаммад Шаби—кул (Куш—Беги) 15
Мухаммад—Шукур—бий—инак
Мухаммад Шаби (Куш—Беги) 182
Мухаммад Юсуф—бай Додхо 182, 183
Мухаммад Якуб (Куш—Беги) 63
Мухаммад Юсув Муртазин
Утямышев 32
Мушецов Аветиж 197
Мушкетов И. В. 5, 171

Н

Набиев Р. Н. 5
Навои см. Алишер Навои
Наджимидин—мир Асад 73
Надира, поэтесса 34
Назар 184
Назаров Филипп 8
Наливкин В. П. 159
Насрулла, эмир 11, 29, 34, 57
Науразов 167
Небольсин 27
Негматулла—Биш Якуб Самарканди 36
Нек—Кадам 11
Нечкина М. В. 9
Никулина—Сапетова М. М. 167
Нишади Камбар Хасанов 210, 211
Нор Мухамедов 136
Нуриддинхан—тюра, младший сын эмира Музаффара 78

О

Оганесов Искандер 197
Одинаев 167
Омаркул 182
Орленева П. Н. 167
Осипова А. 140
Остроумов Н. П. 158, 173

П

Павлов А. 200
Павловский Е. Н. 159
Пален К. К. 42 103, 107, 115, 117, 120—123, 125, 137, 138, 144, 146, 154, 155, 174, 175
Парманкулов Мама—Юсуф 199
Пахотин 167
Пашино И. П. 22
Первушин 119, 140
Переяславская 140
Перовский 55, 56
Петина М. Н. 165
Петров (выслан в Туркестан, как политически неблагонадежный) 197
Петров, капитан 202
Петрушевский 73
Пинхасов 154
Пистолькорс 47, 87, 88, 89
Плегер С. 200
Подберецкий Р. 195
Подвинцов Ф. 140
Попов А. Л. 55
Поспелов О. О. 11, 186
Прейман И. 200
Прохоров 154
Прохоров Н. Н. 41
Проценко 202
Пушкин А. С. 159, 160, 161
Пясковский А. В. 5, 197, 198

Р

Раджабов З. Ш. 5
Раджабов С. 55
Радлов В. В. 4, 9, 25, 168
Раевский Н. 16, 113
Рахимберди 11
Рахимов 167
Рахманкул—бий—парваначи 72
Рахманов М. 165
Рашидов Ш. Р. 3, 156, 225
Рожкова М. К. 5, 26, 27, 29, 119, 140
Розвадовский К. 137
Розенбах (ген.—губ. Туркестана) 112, 189
Романенко 196
Романовский Г. Д. 5, 60, 61, 171, 172
Роулинсон 65
Русанов Ф. И. 159
Рыбушкин 191, 192

С

Саамянц 168
Савельев 168
Савицкая Е. М. 167
Садри Азам 66
Садык 184
Садыков А. С. 5
Саид Абдулла, племянник эмира 78
Саид Махмуд Ходжа 15
Саидбиев 193
Саидкулов Т. 8, 11, 25, 46, 66 101, 165, 183, 220
Саидов А. 171
Сайкали, поэт 36
Саксаганский А. 201
Самандар—бай 11
Самецкий 168
Самсонов (ген.—губ. Самарк. обл.) 140
Сапожников И. 167
Саурамбай Худояров 71
Сафаров 193
Сахаров (ген.—губ. Турк.) 200
Свящинский 52
Сеид Мухаммед Худояр—хан 96
Сеид—хан Каримханов 11, 186
Сеид Касем Риштн 57
Семенов А. А. 5, 46
Серебренников 6, 49, 89
Серов Н. 170, 202, 203
Симаков 163
Симонова Л. (Хохрякова) 48, 50 79, 167
Скобелев М. Д. 183, 184
Слуцкий И. М. 117
Собинов Л. 165
Соболев Л. Н. 4, 12, 13, 38, 54, 168
Сокодов 167
Солнышкина О. И. 167
Стародубцева П. И. 167
Стенлон 83
Стеценко С. А. 6
Стремоухов 93, 94, 95, 99
Струве К. В. 60, 84—87
Суворов В. 142, 223
Султан Бектемиров 167
Сухарева О. А. 5

Т

Татаринов 169
Тахтарова А. А. 167
Тер—Микертичьян 168
Тер—Саакев Степан 197
Терентьев М. А. 4, 45, 47, 54, 61, 62, 64, 66, 81, 84, 174, 175, 183, 184
Тимур 165, 169, 173
Тихомиров Н. А. 5
Тохта Ходжа (Налгар) 80
Тохта Чокбай (сын Куввач-бая) 11
Тошмухаммад-бай 10
Тройницкий Н. А. 109, 221
Троицкий В. Н. 68
Трубчанинов 118, 119, 140
Турсун Магомет Суфи Ниязов 192
Турсунов С. 200
Турсунов Х. Т. 5. 223
Тапер М. П. 167

У

Умар Ходжа, ишан 80
Умарджан Камалжанов 32
Урсати А. И. 143
Урусов 22, 169, 175, 186
Узурбаев Магмур 192
Уста Мир бадал 15
Уста Рахим 24
Уста Фузайл 14
Устабаев Д. М. 200
Уткир-бек-бий 72
Ушаков П. 200

Ф

Фазил 34
Фазилджан 14
Фазыл Фаррух 15
Фархади Р. Р. 165
Федоров Василий 201
Федоров Виктор 201
Федоров М. П. 114
Федоров С. 201
Федорова М. П. 53, 54
Федченко А. П. 5, 9, 107, 168
Фигнер В. 197
Физули 35
Филатов 118, 140, 141, 154
Фихтнер 158
Фомин 168
Форист Г. 65
Фуад Паша 66
Фуркат 160, 173

Х

Хаджибай 34
Хайдар, эмир 11, 34
Хайдаркул 182
Хакимбай (Куш-Беги) 11
Халфин Н. А. 5. 47, 57, 60
Хамид Бакаев 5, 48
Ханыков Н. 4, 9, 29, 33, 93, 94
Харитонов 140
Хасан Дададжанов 167
Хасанов 211
Хитров 168
Хлудов М. А. 118, 119, 140
Хмельницкая Е. Н. 198, 199
Ходжа Мурад 66
Ходжа Хафиз Шерози 35
Ходжабеков А. 167
Хорошхин А. П. 4, 47, 107, 175
Хренников А. Н. 119
Хромов П. А. 51
Хувайдо, поэт 36
Худайберди (байсунский Муддарис) 34
Худайберди (повстанец из отряда Бабена) 182
Худайназаров Ташболта 192
Худаш-Морозова А. В. 199
Худаш В. А. 199
Худоярхан 55, 63

Ч

Чабров Г. 178
Червинский 196
Чернёвский Н. И. 200
Черноборолов Д. 201
Черняев 59, 60
Чумаченко 211
Чусирбай 63

Ш

Шавдия Г. 201
Шавиль Эмма 209
Шавки Каттакургани, поэт 35, 36
Шаджанов И. 200
Шараго 196
Шаровский 154
Шейх Сеид Сулейман 65, 66
Шермдаев А. 167
Шермухамедов А. 200
Шильдан Аманбаев 71
Шир Али-Инак (бек Самарканда) 45, 47—49, 72, 73, 75, 77
Шир-Али-хан (эмир Афганистана) 62, 95
Шмидт Р. Э. 134, 137, 139
Шукурова Л. 175

Э, Я

Энгельс Ф. 3, 18, 26, 33, 42, 43 194, 195, 213, 214, 216, 222
Яковлева-Пославская 167
Якуб (Куш Беги) 62
Якуб-бек (правитель Вос. Туркестана) 64, 65
Якуб-бий 72
Ярыбек 191, 192
Ярыев Айванкул 181
Ястребов С. 200

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Азия 6, 70, 82, 216
Азия Средняя 3, 5, 8, 9, 10, 11, 14, 16, 18, 20, 26, 27, 28, 29, 32, 37, 38, 42, 45, 47, 52—62, 64—70, 75, 78, 83, 84, 85, 87—89, 91, 94, 95, 104, 107, 113, 114, 119, 128, 130, 131, 134, 138, 139—143, 154, 156, 157, 163, 164, 167, 169, 172, 173, 194, 201, 210, 211, 215, 218, 219, 222, 223.
Азия Центральная 142
Ак—Мечеть 55
Ак—Су, река 61
Ак—Тепа 72, 144, 150
Аксай, кишлак 186
Акмолинск 31
Александрополь 197
Алтышар 89
Аман—Кутан 144, 207
Америка 113
Аму-Дарья 57, 68, 69, 93, 98, 99, 219
Ангарский район 120
Англия 49, 52, 54, 55—58; 64, 65, 69, 70, 81, 83—85, 87, 93, 94, 177, 219
Андижан 143, 208, 210, 222
Андижанский уезд 198
Анзоб, кишлак 166
Арабкишлак 11
Аравия 18
Ата-Рабат 199
Афганистан 31, 55, 57, 64, 78, 87, 89, 94, 95, 177, 219
Афрасиаб 171
Ахунбудин 14
Ашхабад 223

Б

Баги-балянд 4
Баги Майдан 4
Багрин, ж. д. станция 144
Байсун 79
Баку 154, 199
Балх 65, 85, 86
Бамиан 86
Биби-Ханым 173
Бомбей 154
Британия 69, 70, 93
Булилан, кишлак 203
Бухара 5, 9, 10, 18, 24, 28, 29, 31, 36, 41, 42, 44, 46, 49, 54—57, 60—70, 72, 84, 87—91, 93, 95, 97, 99, 107, 113, 134, 145, 154, 157, 161, 169, 170, 177, 180, 182, 218, 219.
Бухарское ханство 5—12, 14, 15, 17, 18, 27—29, 32—35, 37, 38, 40—46, 49, 51, 54, 55, 58—60, 64, 66—72, 74, 77, 78, 82, 84, 87, 88, 90, 93—97, 112, 119, 127, 134, 141, 145, 154, 177, 181, 182, 201, 215—217, 219

В, Г

Верхне Волынский поселок 127
Волга, река 141
Восток 3, 83, 88, 95, 164, 165
Восток Ближний 55
Герат 65, 85
Германия 93
Гиляны, кишлак 188
Гиндукуш 95
Гиссар 79, 88
Гулякандозская волость 211
Гур—Эмир 31, 173

Д, Е

Дагбит, кишлак 17, 120, 144, 159
Дагбитский район 117, 120, 150, 167
Дагбитский участок 150
Дар—Дар, кишлак 190
Дауль 144, 150
Денау 79
Джам 183
Джамбай 150, 151
Джамбай, ж. д. станция 144
Джизак 31, 44, 46, 47, 48, 59, 64, 66, 67, 79, 87, 108, 123, 165, 172, 175, 192
Джизакский район 167
Джизакский уезд 4, 98, 104, 115, 123, 132, 162, 173, 178, 190, 192, 199
Джума, кишлак 17, 151
Драгомирово 211
Дюрткульский район 185
Европа 9, 51, 70, 83, 85, 87, 119, 137, 214

З

Заамин 98, 190, 191
Закавказье 141
Закаспийская ж. д. 142, 143, 145, 222
Закаспийская оазис 183
Запорожский поселок 127
Зачирчикский район 63
Зеравшан, река 73, 74, 94, 98, 99, 112, 113, 168, 169
Зеравшанская долина 3, 4, 8, 9, 12, 14, 15, 25, 41, 44, 45, 50, 59, 71, 79, 81—85, 87, 88—92, 95—97, 100, 107, 112, 117, 127, 168, 169, 170—172, 181, 183, 184, 196, 215, 216, 218, 219, 220, 223
Зеравшанская котловина 171
Зеравшанский бассейн 171
Зеравшанский оазис 171
Зеравшанский округ 4, 6, 9, 12, 16, 22, 38, 39, 40, 92, 93, 97, 98—101, 112, 128, 147, 161, 169, 170, 174—177, 180—183, 188, 196, 202, 206, 219, 220
Зиаддинское бекство 181, 182, 183, 185
Зирабулак 79, 80
Зирабулакская высота 11, 80

И

Ильичи 65
Индия 18, 31, 55, 65, 85, 89, 94, 218
Иран 31, 55, 57
Ирджар 60
Иркутск 81
Искандеркуль 188
Искандеровский район 166
Иссык—Кульский уезд 71
Иштыхан 4

К

Кабул 31, 62, 64, 86, 154;
Кабул—сай—Верный 144
Кавказ 189
Казань 197, 198
Казахстан 5, 223
Каль—Курганский район 117
Калькутта 70
Каменный мост 144
Камчатка 188
Кара—Кудук 190, 191, 192
Кара—Курсак 185
Кара—тюбе 78
Карши 29, 31, 78, 86, 88, 181, 219
Каршинское бекство 44
Каспийское море 141
Катта—Курган 9, 11, 17, 21, 22, 29, 30, 34, 72, 79, 80, 82, 86, 97, 108, 133, 144, 142, 153, 159, 161, 166, 172, 175, 182—185, 192, 199, 205, 206, 217
Катта—Курганский округ 92, 101, 197
Катта—Курганский отдел 4, 11, 16, 102, 178, 181, 185
Катта—Курганский район 16
Катта—Курганский уезд 6, 16, 39, 104, 107, 115, 117, 123, 132, 162
Катта—Курганское бекство 4, 90, 101, 102
Кашгар 5, 65, 69, 71, 78, 86, 87, 89, 93
Кашмир 31, 85
Керки 57, 86
Кизил—Арват 143
Китаб 49
Китабское бекство 44
Китай 89
Коканд 5, 56, 64, 65, 66, 68, 69, 96, 223
Кокандское ханство 55, 58, 60, 93
Конногвардейский поселок 127
Красноводск 143, 154
Красногвардейская метеоролог. станция 172
Краснослободск 198
Кукташ 74
Кульдж 65
Кум, кишлак 190
Кунград 69
Кушка 143, 161
Куштут 44

Л

Ланш 4, 144
Ломбардия 9
Лондон 94

М

Мавер 55
Мадум 190
Мары 10
Матрид 4
Матчо 20, 44, 188
Махаллинский район 117, 121, 122, 123

Миankальская долина 4, 14, 16, 27, 47, 72, 79, 84, 85, 94, 97, 107, 215
Митан 4
Молали 11
Москва 6, 170, 197, 198
Мулиян 4

Н

Надеждинский, поселок 127
Нарын 71
Насаф 15
Нау 61, 62
Нева, река 224
Нижне—Волынский поселок 127
Нижний Фараб 188
Николаевский поселок 127
Нуратинский район 11, 20, 62, 63 86

О, П, Р.

Обетованный, поселок 127
Омск 31
Оренбург 27, 32, 55, 57, 59, 64, 66, 67, 142, 144
Париж 163
Пейшанбе 4, 167
Пенджикент 29, 86, 97—99, 108, 114, 133, 144, 159, 166, 172, 175, 206, 207
Пенджикентский район 4, 17, 188
Пенза 198, 199
Персия 18, 87, 89
Петербург 44, 57, 58, 62, 63, 74, 96, 97, 99, 108, 170, 197
Петроград 163, 198
Петропавловск 31
Пешавар 70; 85, 86; 154
Польша 107, 195
Пруссия 52
Романовский поселок 127
Россия 3—5, 8, 9, 11, 16, 18, 19, 26—29, 31, 32, 38, 42, 44, 46—61, 64—68, 70—72, 74—76, 78, 81—101, 105—110, 112, 113, 116, 118, 119, 127—130, 132, 134—145, 150, 153——156, 159—164, 166, 168—170, 173, 179, 181, 184, 187, 189, 195—198, 200—202, 205, 206, 213—222, 224

С

Самарканд 3, 4, 7—10, 12, 13, 16——25, 28; 32, 34, 37—38, 40, 42, 45—51, 58, 59, 61—63, 66—79, 81—98, 92—94, 96—101, 104, 106—110, 113, 114, 116—118, 123, 128, 129, 131—137, 139—145, 148, 150, 151, 153—158, 160—173, 175, 177, 179, 181, 183, 186, 187, 192, 193—197, 199—201, 203, 205—210, 213—220 222—224
Самаркандская область 4, 10, 11 12, 15, 16, 19, 20, 25, 27, 34, 37, 38 104—122, 124—127, 129, 130, 132, 133, 134 136—141, 143—150, 152, 154—159, 161—163, 166, 167, 170, 172, 173, 178; 179, 180, 181, 189, 190, 197, 199, 203—207, 209, 211, 213, 215, 217, 220—225
Самаркандская цитадель 80
Самаркандский вилоят 37
Самаркандский округ 101
Самаркандский отдел 4, 9, 16, 17, 99, 102, 103, 104, 176, 177, 186, 188
Самаркандский район 81, 116
Самаркандский уезд 6, 39, 81, 104 107, 115, 117, 122, 123, 132, 134, 137, 144, 145, 149, 146, 150, 152. 156, 167, 177, 193. 200, 203
Самаркандское бекство 4, 12, 17. 27, 37, 40, 42, 54, 73, 77, 78, 82, 90, 91, 96, 101, 215—217
Самарская губерния 198
Сахалин 188
Сахара 18
Северная Америка 54
Северо—Западный край 195
Семипалатинск 59
Семиреченская область 70, 101
Снаб—сай 141
Снабская волость 81, 206
Сибирь 81, 105, 107, 141, 181, 182, 188, 189, 195, 199
СССР 3, 140
Согдиана 18
США 53, 54
Среднеазиатская ж. д. 143, 155
Средняя Азия см. Азия Средняя
Стреженский поселок 127
Сугутский район 176
Сыр—Дарьинская область 4, 83, 93. 94, 101, 103, 104, 162, 167, 192, 191
Сыр—Дарья, река 60, 61, 67, 81, 85, 93

Т

Таджикистан 5
Татария 18
Тахта—Карача 144
Таш—Мечеть 185
Ташкент 5, 6, 31, 44, 45, 52, 58, 59, 61, 62, 67, 69, 79, 83, 104, 143, 144, 145, 165, 170, 173, 19 , 196——200, 202, 208, 209, 219, 222, 223
Ташкентская область 141
Ташлак 15
Теджен 143
Термез 144
Тилля—Кари, медресе 48
Тифлис 198, 199
Токмакский уезд 70, 71
Троицк 26, 31
Туркестанская область 140
Туркестанский край 5, 6, 9, 16, 21—23, 31, 34, 42, 47, 60, 64—67, 71, 77, 88—87, 89—92, 94, 101, 103-105, 107. 108, 110—112, 114, 115, 117, 119, 120, 121—125, 127, 134, 135—143, 146, 147, 152—161, 165—172, 174, 178, 180, 184, 188, 189, 194, 195, 196—204, 206, 209, 211, 212, 216, 218, 219, 221, 222, 224
Туркмения 10, 14 , 142
Турция 49, 55, 56, 64, 66, 177
Тюмень 154

У

Узбеккенти 81
Узбекистан 3, 5, 6, 8, 12, 89, 107, 114, 163, 165, 204, 215, 225
Уинджентская волость 211
Ура-Тюбе 31, 44, 57, 61, 62, 66, 98, 108, 132, 166, 175, 192, 216
Ургутский район 17, 114, 117, 128, 144, 150, 152, 167, 175, 188
Урду 76
Урмитан 98

Ф

Фальгарская волость 190
Фан, река 98
Федоровский поселок 127
Ферганская область 103, 141, 161, 194, 198
Финляндия 52
Фороб 44, 188
Франция 52, 93

Х

Хайрабад 190
Харьков 172
Хатырчинский район 11, 182
Хатырчинское бекство 181
Хива 10, 66, 59, 64—66, 69, 94
Хивинское ханство 55, 78
Хаджа—Ахрар 4,117
Ходжа—Ахрарская волость 203
Ходжент 31, 44, 56, 61, 62, 87, 94, 108, 132, 134, 161, 166, 172, 208, 211, 216, 217
Ходжентский уезд 4, 5, 98, 104, 114, 115, 117, 123, 132, 137, 161, 162, 211
Хозратша, мечеть 192
Хулум 86

Ц, Ч, Ш, Я

Центральная Азия см. Азия Центральная
Чалапак, кишлак 185
Чарджоу 56, 143
Челек 4, 16, 17, 144, 175
Челекский район 117, 120, 122
Черняево, ж. д. станция 211
Чиназ 60
Чоршанбе 184, 185
Чупан—ата 41, 45, 47, 49, 73, 74, 75, 174
Шахи—Зинда 76, 173
Шахрисябз 17, 49, 55, 57, 61, 86, 88, 89, 201
Шахрисябзское бекство 44, 90, 97
Шир Дор, мечеть 173
Ширабад 79
Широват 88
Яккобаг 79
Янги—Курган 4, 16, 17
Яны—Курган 67, 69, 73, 93
Яркенд 65, 85

РАСПРЕ

населения Самаркандской области по роду занятий на основе мате 1897

Группы хоз-ств	Род занятий	По Самаркандской области: Лица, имеющие самостоятельное занятие	Члены их семей	Всего населения
а)	Чиновники и войска	6804	2602	9406
б)	Духовенство и лица свободной профессии	2358	5327	7685
в)	Культурно-просветительные и гигиенические учреждения	2332	4490	6822
г)	Ростовщики и лица, живущ. за счет %% недвиж. капитала	1218	848	2066
д)	Лишенные свободы, лица неопределен. занятий и не указавшие занятий	4239	7975	12214
	I. Итого непроизводительного населения	16951	21242	38193
е)	Торговля	11666	33821	45487
ж)	Пути сообщения и средства связи	2355	4847	7202
з)	Частная служба, прислуга и поденщики	15516	21910	37426
	II. Итого полупроизводительного населения	29537	60578	90115
и)	Сельское хозяйство	133076	528670	661746
к)	Промышленность и ремесло	23206	46761	69967
	III. Итого производительного населения	156282	575431	731713
	ВСЕГО	202770	657251	860021

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1905, стр. 94—95. Род занятий мною составлен в следующем порядке: 59 и 61, ж) 41—45, з) 19, и) 17—20, к) 21—39.

ДЕЛЕНИЕ[1]

риалов первой всеобщей переписи населения Российской империи года

В том числе по г. Самарканду: Лица, имеющие самостоятельное занятие	Члены их семей	Всего населения	В том числе по г. Пенджикенту: Лица, имеющие самостоятельное занятие	Члены их семей	Всего населения
4465	1182	5647	25	60	85
459	714	1173	37	19	56
1016	1446	2462	13	12	25
855	330	1185	23	17	40
1030	1167	2197	8	1	9
7825	4839	12664	106	112	218
4029	11636	15665	130	399	529
748	1420	2168	19	69	88
2502	2457	4959	89	211	300
7079	15513	22792	238	679	917
699	2087	2786	426	1528	1954
5785	11151	16886	135	434	569
6484	13188	19672	561	1962	2523
21588	33540	55128	905	2753	3658

под ред. Н. А. Троицкого, вып. XXXIII, Самаркандская область. Спб, а) 1—4. б) 5—8, в) 9—12, и) 60—62, г) 14—15, д) 16, 40, 63—65, е) 46—

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I — Социально-экономическое, политическое и культурное положение Самарканда накануне его присоединения к России	8
Население	8
Сельское хозяйство	11
Ремесленное производство	20
Торговля	26
Культура	33
Налоги и повинности	37
Политическое положение Самарканда накануне его присоединения к России	42
Глава II— Присоединение Самарканда к России	51
Взаимоотношения Бухарского ханства с Россией и сопредельными странами накануне присоединения Самарканда к России	51
Присоединение Самарканда к России	72
Русско-бухарские взаимоотношения после присоединения Самарканда к России	82
Глава III—Социально-экономические, политические и культурные изменения в Самарканде после его присоединения к России	101
Зеравшанский округ и его административное устройство	101
Население	106
Сельское хозяйство	111
Ремесленное производство	129
Фабрично-заводское производство	139
Торговля	148
Культура	156
Налоги и различные сборы	173
Первые выступления трудящихся масс Самаркандской области против национально-колониального гнета и местных эксплуататоров	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	215
Библиография	226
Указатель собственных имен	242
Указатель географических названий	248
ПРИЛОЖЕНИЕ	252

Telegram adres:

@turkiston_kutubxonasi